

Станислав Богданов

Черный снег. Операция «Тайфун»

Удар по оси

Станислав Богданов

**Черный снег. Операция
«Тайфун». Удар по оси**

«Издательские решения»

Богданов С.

Черный снег. Операция «Тайфун». Удар по оси / С. Богданов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963772-7

«Что, не нравится?» — сумрачно обмолвился стоящий к нему спиной. «Не понял», — Алексей решил, что его проверяют на пригодность. «Что ж тут непонятного? — словно обижаясь, молвил бровастый. При этом, чирикнув себя пальцем по носу, он бросил мимолетный взгляд на кожаный плащ, в который облачился „спина“. — Москва скоро падет. Немец будет здесь. Свои как-никак, немцы-то...»

ISBN 978-5-44-963772-7

© Богданов С.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УДАР ПО ОСИ	6
ПРИКАЗ ПО 1-ОЙ ТАНКОВОЙ ГРУППЕ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Черный снег. Операция «Тайфун» Удар по оси

Станислав Богданов

© Станислав Богданов, 2019

ISBN 978-5-4496-3772-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Станислав Графов

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УДАР ПО ОСИ

Пинайся, но не плюйся...

Гейнц Гудериан.

...Октябрьский день 1941 года. Непогода. Льет дождь. Опавшая листва бесконечным ковром устилает проселочную дорогу. Жирно чавкают в темно-коричневой грязи сапоги наступающей германской пехоты. Нередко солдаты вермахта с трудом отдирают свою кожаную обувь – избавляются от плена проклятого русского бездорожья. Вязнут по ступицу тяжелые пароконные (запряженные бельгийскими першеронами) повозки с высокими бортами, крытыми иной раз железным листом, с обрезиненными колесами. Они, помимо прочей техники, также обозначены соответствующими тавро, наступающих на Московском направлении частей группы армий «Центр». Тяжело приходится всей технике, и гусеничной, и колесной. Транспортёры-вездеходы *Sd. Kfz.* с наслаивающимися друг на друга «тарелками» стальных катков, вязнут в злой русской грязи и зарываются в нее направляющими колесами. Под бело-красной русской же луной она блестит угрюмо, все равно, что антрацит. Узкие гусеничные траки *Pz. I*, *Pz. II*, *Pz. III*, *Pz. IV*, чешских (ts) 35 и 38 приходится очищать на стоянках от комьев слипшейся пудовой, жирной грязи. Грузовики-вездеходы «Маультир» с задней ходовой частью, целиком поставленной на гусеницы, также неплохо справляются с русской противотанковой грязью. Неплохо работают и дизельные «Бюссинги». Но их не так много, как хотелось бы... Санитарные «Магирусы», штабные «Мерседесы» и «Бенцы», грузовые «Опель-Блитц» барахтаются в жидкой грязи, садятся «на брюхо» либо бессильно показывают заляпанные днища. Весь остальной транспорт (вермахт обслуживали 400 000 машин, собранных со всей Европы) находился в плачевном состоянии. К эксплуатации в русской компании годились разве что французские «Пежо». Остальные автобусы, грузовики и легковушки «Рено», «Ситроен», «Шкода» зачастую лежали с запрокинутыми колесами на обочинах, а то и в кюветах, дабы не мешать продвижению маршевых частей.

Такой уж была эта Россия – страна с варварскими дорогами, и варварским, враждебным «европейской культуре» населением. Оно не желало расставаться с «еврейской плутократией» и «еврейскими комиссарами», капитулируя перед мощью германского вермахта и всего рейха...

* * *

...Уже дважды генерал-полковник панцирных войск вермахта Гейнц Гудериан тайно встречался с представителями ставки Верховного Главнокомандующего. Как правило, это были хорошо знакомые ему советские генералы. После ноябрьских боев 41-ого на московском направлении, где танковый батальон под командованием генерала Катуква основательно потрепал его передовые части, Гудериан вышел на оперативный контакт с «советскими знакомыми». Еще, будучи в Казани, будущий панцирный генерал вермахта ощутил пристальное внимание со стороны РУ и НКВД. Он решительно, но учтиво отверг все притязания. Однако ему стало известно от полковника графа Клауса фон Штауффенберга (это он осуществит неудачное покушение на фюрера в 1944 году), что всемогущий шеф *Abwehr* адмирал Канарис, несмотря на свою явную английскую ориентацию, анализирует вопрос о возобновлении военно-политического союза со Сталиным. Во время первой мировой войны Канарис имел доступ к лич-

ным делам пленных русских офицеров. Соответствующий отдел военно-морской разведки при Obercommando кайзеровской Германии завербовал их как агентов. Наиболее перспективным адмирал Канарис считал плененного поручика Тухачевского. Хотя и бегал строптивый русский пленный отовсюду, но внутренне был ему симпатичен. Последний побег из Ингельштадского замка (он сидел там вместе с де Голлем и будущим офицером французской военной контрразведки Ферваком) был устроен так, чтобы юный поручик убежал в Россию окончательно. Вскоре героически (несмотря на позорный разгром под Варшавой) проявил себя на полях гражданской войны. Красный командарм, а затем маршал РККА стал играть не последнюю скрипку в оркестре разведки Канариса. («Поручик» так и остался оперативным псевдонимом этого агента. Впоследствии Канарис присвоил своему любимцу дополнительные псевдонимы: «генерал Тургуев», а также «Турдеев».

Это было сделано после Операции ОГПУ «Трест», где Тухачевский сыграл не последнюю роль в уничтожении белоэмигрантского подполья.) Все складывалось благополучно. Пока не всплыли в мировой прессе (с подачи белоэмигрантских кругов России) факты зверств, учиненных красным командармом на Тамбовщине и в Крондшате. Произошла странная утечка информации о готовящемся заговоре... При том, что по-истинне европейский Тухачевский был представлен династии Винзоров. Был нередким гостем в Англии и Франции. Курировал подготовку германских офицеров в Советской России. Особенно на полигонах, связанных с применением химического оружия. К удивлению своих сторонников и противников Сталин попросту пустил пулю в затылок красному маршалу. ...Таким образом, он скомпрометировал РУ РККА и Abwehr Германии, что были связаны между собой кровными узами. В то же время был репрессирован всесильный нарком НКВД Н. Ежов. Он, с легкой руки Сталина, курировал и политическую, и военную разведку. Канарис, продвинувший на самый красный верх «красного Бонапарта», оказался дважды в дураках. Вся его агентурная цепочка, которая обслуживала (через него самого) Secret Intelligence Service (SIS), оказалась под ударом. Прежде в Советской России имели место «кровавые процессы» 37-ого года. Почти все оперативные источники двух разведок прекратили свое существование. План военного переворота, на самом деле, существовал лишь в теории. Канарис пытался влиять через «поручика» на Сталина с тем, чтобы тот вздумал провести блицкриг на Европу. Повесить-таки красное знамя на Эльфелевой башне. Но Сталин идею товарища Троцкого о «перманентной революции» не разделял. Подобных теоретиков и практиков обозвал троцкистско-зиновьевским блоком. И беспощадно уничтожал...

Адмирал попытался компенсировать свое поражение искусной фальшивкой, которая на профессиональном языке разведчиков называлась «уткой», «подкидным дураком» или просто дезой. Сталину через послушного Abwehr президента Чехословацкой республики была подброшена информация, компрометирующая RSHA. Будто не ведомство Канариса, но политическая разведка SS Вальтера Шелленберга потеряла своего лучшего оперативного агента в России. Оставалось непонятным, зачем было SD «сливать» информацию о предстоящем заговоре, который готовил красный маршал. Используя при этом служебные папки «Abwehr I», где все данные об агентах, включая агентурные псевдонимы и разработки, а также личные характеристики, печались открытым текстом без намека на присущую Канарису и его сухопутным «флотоводцам» конспирацию. Зачем «сливать» совершенно секретную информацию через тот же оперативный канал, который использовали большевики: правительство Чехословацкой республики? (Доподлинно было известно о сотрудничестве его высших чиновников с РУ и НКВД.) В тех же временных отрезках, что и Канарис – «пронюхал» о зреющем военном заговоре против Сталина. И неприминул доложить о нем фюреру, пользуясь фривольной обстановкой: во время просмотра учебного фильма РККА «Битва за Киев» в штаб-квартире

своего ведомства. Завороженный явной мощью красных танковых и конно-механизированных соединений, а также массовыми парашютными десантами Адольф Гитлер не знал, что и думать. Ведомым кайзеровской военной разведкой с 1916 года, «богемский ефрейтор» стремился подчинить ее своим интересам. Поэтому, благоволя к Герингу, создал «Институт Германа Геринга», занимающийся подслушиванием телефонных разговоров всего рейха. (Продолжалось это «невинное развлечение» вплоть до 1944 года. Только разуверившись в наци №2, фюрер потребовал передать техническую базу и «коричневые листы», содержащие компроматериалы, Генриху Гиммлеру.) Затем последовало дутое дело генерал-фельдмаршала Бломберга, обвиненного в 1934 году в гомосексуальном влечении. Это был удар по рейхсверу. Полетели многие головы (в прямом и переносном смысле) в высоковерхах фуражках...

...Впрочем, у дела Бломберга была и другая сторона. В 1937 году пятидесятилетний военный министр и фельдмаршала рейхсвера влюбился в «даму с прошлым», моложе его на тридцать с лишним лет. Она с удовольствием приняла его предложение о браке. Бломберг сначала посоветовался с Герингом. «Какое же это имеет значение? – заметил тот. – Все мы – люди одного мира!». 10 января 1938 года свадьба состоялась. Гитлер (то него было получено официальное разрешение) и Геринг выступали в качестве свидетелей. Но через три дня разразился скандал. Группа высокопоставленных офицеров рейхсвера обратила внимание фюрера на некоторые пикантные детали прошлого супруги их военного министра. С помощью прусской полиции, которую он возглавлял, Геринг провел самостоятельное расследование.

Из гестапо он получил досье, содержащее тяжелые обвинения против этой дамы: «... Жена фельдмаршала Бломберга была и раньше убежденной проституткой, зарегистрированной в документах семи крупных городов Германии. Числилась она и в английских криминальных досье... Она также была осуждена берлинским судом за распространение неприличных картинок...» Геринг вручил досье Гитлеру, которое означало одно – ближайшую «чистку» генералитета. Открывался путь для реорганизации армии, против которой выступал фон Бломберг и генерал фон Фрич, главнокомандующий сухопутными войсками. Они были противниками аншлюса Австрии, принимали сторону австрийского канцлера доктор Курта фон Шушника. «Армия будет делать то, что я скажу! – разошелся Гитлер, попросив Геринга взять дело в свои руки. По поводу «австрийской проблемы» он сказал следующее: «При необходимости вопрос должен быть урегулирован силой». Хотя большая часть австрийского народа, включая многих членов правительства и министра иностранных дел Гвидо Шмидта, были согласны на присоединение к рейху. Муссолини, посетивший Германию вместе с дочерью Эддой и ее мужем графом Чиано, министром иностранных дел Италии, сказал Герингу, что снимает свои возражения против объединения Австрии с Германией. Боевые действия в Абиссинии и гражданская война в Испании обострили отношения Италии с Великобританией и Францией. Германия, таким образом, осталась единственной союзницей Италии. Кроме этого «генерал Тургуев» проинформировал Канариса: чекисты и испанская республиканская разведка имеют свое «окно» в рейхе. Ими были получены сведения о 7-ом армейском корпусе вермахта в Мюнхене, при котором существовала специальная офицерская школа для франкистов, о вербовке и отправке в Испанию частей морских штурмовых отрядов СА и 1200 саперов из пяти саперных батальонов германской армии, о двух женщинах – агентах Абвер: Ади Эйнберг в Марселе и... Лидии Марии Атцель де Борозон, в Барселоне, племяннице военного министра рейха фон Бломберга...

Впрочем, сам адмирал Канарис тоже был, что называется, не без греха. Были серьезные основания полагать, что шеф Abwehr, будучи агентом кайзеровской военной разведки, в 1915 году в Нью-Йорке, побывал в руках у американских спецслужб. Руководитель герман-

ской резидентуры в США (он же военный атташе посольства Германии) Франц фон Папен был пойман ими с поличным. В ходе обыска FBI обнаружило документы, изобличающие дипломата в подготовке диверсионной деятельности. Однако Папену было позволено отбыть в фатерлянд. Это выглядело весьма странным и противоречило существующим американским законам. По пути, в Марселе, у него исчез портфель с данными о составе нелегальной резидентуры, что осталась на территории США. Считалось, что прогоревший шпион попросту сдал своих подопечных американским коллегам.

Путь к реорганизации германской армии был свободен. Рейхсмаршал люфтваффе, министр внутренних дел и шеф гестапо Пруссии, уполномоченный за исполнение 4-летнего плана (аналог советских пятилеток), главный лесничий рейха Герман Геринг изъявил желание стать верховным главнокомандующим. «Я сломаю сопротивление, – заявил он ранее, в ходе дела Бломберга, – и, если потребуются, возьму на себя командование Рейхсвером». Но у фюрера были свои соображения. «У Геринга уже слишком много постов», – сказал он. Во главе сухопутных войск он поставил генерала Вальтера фон Браухича, опытного офицера генерального штаба из «русской партии». Своим главным советником по армейским делам Гитлер определил генерала Вильгельма фон Кейтеля, который также закончил академию РККА им. Фрунзе. Немного погодя «группа преданных офицеров» признала, что материалы, якобы доказывающие вину фон Фрича (вовлечение в гомосексуальную связь фон Бломберга), имели пятилетнюю давность и... относились к младшему офицеру рейхсвера фон Фричу. Но это уже не имело никакого значения. Бломберг и Фрич, «эти грязные содомиты» (по выражению фюрера), были изгнаны из армии. Другим строптивым генералыштеблерам было, говоря по-русски (а почему бы и нет?), «поставлено на вид». Они были, в лучших традициях политики Кремля, «подтянуты к линии» фюрера и НСДАП.

...Одним словом, намеренно «подставили» своего агента люди из SS. Потому что не могут работать, как Abwehr. Месть, да и только, со стороны всемогущего адмирала. Он стремился сохранить свои позиции на «Олимпе» третьего рейха. Но всюду уже прочно сидели ставленники имперской канцелярии и имперской безопасности. Рейнгард Гейдрих, шеф SD, сослуживец по флоту и «почетный агент» кайзеровской военной разведки, помогал, как мог своему шефу. Зарубежные агенты VI-ого управления RSHA «состряпали» фальшивку, которая угрозила созданную самим Канарисом агентурную сеть во главе с «генералом Тургуевым», коим являлся сам Тухачевский. Кроме этого, «красный Бонапарт» неосторожно мелькнул в Операции «Трест», которую Канарис пытался использовать, как прикрытие, для осуществления военного переворота в Советской России. Беда Канариса состояла в том, что шеф политической разведки «ведомства Гиммлера» Вальтер Шелленберга, к которому благоволил сам фюрер, не был подконтролен Гейдриху. Следовательно, сотрудничал с «третьей стороной». Что это была за сторона? После серьезного, кропотливого анализа оперативных данных и личных впечатлений, Канарис пришел к выводу: юный бригаденфюрер SS, бакалавр искусств и почетный член общества «Туле» (институт по изучению наследия предков) – одно из звеньев личной разведки секретариата ЦК Иосифа Сталина. Это был удар посильнее – по престижу самого адмирала...

Деза доблестного адмирала носила более изощренный смысл. Если уж сталкивать врагов в Советской России, то делать это наверняка, продуманно и на долгие годы. Мало того, что РУ и НКВД сцепились точно бешеные собаки. Выясняя, кто в ответе за пригревшихся в «первом круге» (подле вождя) врагов народа и агентов империалистических разведок. (Имелись в виду представители троцкистско-зиновьевского блока, у которых был оперативный контакт с американскими и английскими «миссионерами».) Основной удар обоих советских разведок

приходился на RSHA. Следовательно, Сталин разрушал свои связи с NSDAP. Терял Германию как стратегического союзника. Сбывалась мечта «сухопутного адмирала», носившего флотский китель с золотым шитьем и кортик. Даже в кулуарах своего ведомства. Германия и Британия... Герцог Гамильтон (его Канарис «свел» с красавцем Тухачевским) был готов осуществить нажим на главу дома Винзоров. Тем более, что до 1914 года это была Саксен-Кобург - Готская династия из Гессена. Слал своему «сердечному другу», «аристократу по крови и духу» секретные (исключительно личной почтой) письма. Украшал их символикой древнего ордена свободных каменщиков. Не беда, что за масонскими клятвами виделся контроль дядюшки Сэма. По мнению Канариса, янки было необходимо сталкивать в великую депрессию руками Советов. Вновь и вновь... Экономический кризис для этих болванов – вот, что сделает из США послушную овечку. Послушную для Германии и Британии.

Примечательно, что теорию «белокурой бестии», расового превосходства англосаксов и германцев, создал британский профессор Чемберлен. Агент германского Obercommando не подвел своего хозяина...

Мой Бог, подумал Гейнц Гудериан, запахиваясь в кожаное пальто свитыми погонами генерал-полковника. Когда же этот надутый индюк Канарис скажет, наконец, свое окончательное «да» военно-политическому союзу с Советской Россией. Против своего излюбленного Туманного Альбиона на Британских островах. Повесит эту шайку в черных френчах с молниями в петлицах, с серебряными листиками и кубиками... Фюрера можно оставить в живых. Адольфу Гитлеру можно изменить внешность, сделать добротные документы и заслать куда-нибудь подальше. В Латинскую Америку или Африку. Подальше от просвещенной Европы. Так в свое время поступили с Наполеоном-Бонапартом. Когда тот окончательно свихнулся от своих побед. Этот корсиканец, поддержанный Российской империей, одолел якобинскую диктатуру. Реставрировал монархию во Франции. Поколебал английское владычество в Европе. Пришлось русским положить «для отвлекающего маневра» тысячи своих солдат под Аустерлицем и Прейш-Эйлау. Ожидали, что Бонапарт высадится на Британских островах, а он 21 июня 1812 года перешел Неман. Вторгся в пределы Российской империи. Бр-р-р, как холодно и мерзко...

Ему действительно было холодно и мерзко в этом величественном сосновом бору. С мшистыми полянами, устланными рыжими иглами опавшей хвои. На черных, влажных от сырости деревьях дрожали, как жемчужные ожерелья, капли дождя. Он прошел, но готов был припустить вновь. Эта поляна приглянулась Гудериану еще с прошлого контакта. Не колеблясь, он выбрал ее и на этот раз. Давая позывные русскому «пианисту» на волне КО-71/М, он непременно отметил в шифрованном сообщении знакомый Катукову квадрат...

...Где же он потерялся, с досадой и нетерпением говорил сам с собой Гудериан. Он чувствовал, как отдает свою жизненную силу не туда, куда нужно. Спешно провел пальцем по лбу. Заметно успокоился. Из чащи донесся шорох. Встряхнув жемчужно-капельную зелень куста, стремительно взлетел затаившийся воробей. Укрытый мшисто-серым стволом, «теоретик танковых сражений» видел, как ни кого не таясь, к нему движется Катуков. В защитном ватнике и черном танкистском шлеме. В черных полевых петлицах были генеральские звезды и крошечные танки.

– Гейнц, сунь свой «Вальтер» в кобуру, – спокойно сказал приближающийся «знакомый». – Ты не узнаешь меня? – советский танковый генерал провел щепотью сложенных паль-

цев по подбородку. – Или мы задали вам жару вчера, на рассвете? Выходи из-за дерева и ничего не бойся. Давай говорить.

Советские танки (в количестве десяти) действительно задали жару группе 2-ой панцерной армии, которой командовал Гудериан. Было уничтожено сорок единиц германской бронетехники. Не считая попросту раздавленных мощными, широкими гусеницами Т-34 транспортных средств: грузовых машин, вездеходов, тягачей и мотоциклов. Противотанковые 35-мм (Рак.-35/36) и 50-мм (Рак-38) пушки фирмы «Бофорс» были бессильны против толстой советской брони. В лучшем случае они приводили к заклиниванию танковых башен, выводили из строя оптику, корежили гусеничные катки. Орудия 50-мм на Рз. III были редкостью. 50-мм пушки Рак 38 с длинными стволами могли поразить 62-тонный Кристи. Но их конструкция была ненадежной. При выстреле сошки станин утапливались в грунт. Металлические колеса (в рейхе не хватало резины) точно также зарывались в землю. Часто первый выстрел становился последним, так как при атаках, где играли роль считанные минуты, не хватало времени для разворота. Короткоствольные 75-мм пушки на Рз. IV с трудом находили уязвимые места в большевистской броне. (37-мм пушки Рз. III могли поразить Т-34 лишь в вентиляционные отверстия, что были расположены в бортах.) Советские бронированные чудовища жгли и расстреливали их с любой дистанции. Для борьбы с ними приходилось применять тяжелые самоходно-штурмовые орудия и гаубицы. Также швейцарские зенитные «монстры» Flak.-18 («Бофорс») калибра 88-мм, прозванные позднее «убийцами танков». (Используя оперативные каналы Abwehr и свои личные связи, Гудериан еще раньше наладил поставки противотанковых ружей из Швеции и Швейцарии для вермахта. Для борьбы с советскими «панцерами» они оказались бесполезны.) Это были единственные огневые средства, пригодные для эффективной и скоротечной борьбы со средними танками Т-34. Только с ними... Правда, поразить Т-34 швейцарская чудо-зенитка могла. Ее снаряды легко пробивали 48-мм лобовую броню. Но, используя свой низкий силуэт и чрезвычайную подвижность, советские танки нередко ускользали от германских снарядов. Появлялись в тылу. Сокрушали целые батареи. С тяжелыми танками КВ-1 и КВ-2 не мог сравниться ни один панцирный парк третьего рейха. Равно как и всего мира.

– Ваш укол принят, герр коммунист, – язвительно пошутил «товарищ» Гудериан. Он старался быть как можно доброжелательным со старым другом. – Что ж, ваши чудо-панцеры всегда наводили меня на мысль, что наши великие державы должны быть в союзе. Вместо того, чтобы сталкиваться... как это есть по-русски, на поле брани, – парировал он, проводя рукой в синей лайковой перчатке по щеточке ровных, аккуратно подстриженных усиков. – Что поделаешь, мой друг. Политики и генералы не уживаются вместе. Как близнецы и братья. Вы мой кровный брат, Владимир. Я, смею надеяться, Владимир, ваш кровный брат и друг. Одним словом, я, как и ты – танкист. Мы оба являемся представителями единого кровного братства. Что я, Гейнц Гудериан, усвоил еще там. В Казани, где мы... Как это есть по-русски: есть ни один пуд соль, пить не один ящик водка. Sehr gut! Моя память еще держит в себе такие подробности, Владимир. Ты, как я вижу, чем-то озабочен...

– Да, это ты, верно подметил, – сухо молвил Катуков. – Я вижу тебя, Гейнц. Но я не рад этому. Ты... Гейнц, мне тяжело осознавать, что это ты... действительно ты сейчас стоишь передо мной. Как ты мог, сволочь? Как вы могли это сделать? Вы предали все, что нас связывало! Гады... – его глаза зло сверкнули в полумраке лесной чащи. Гудериан обратил внимание, что тяжелая кобура ТТ была растягнута. Он инстинктивно подумал о своей, куда поторопился вложить маленький, удобный «Вальтер» (Р-6). – Что молчишь, Гейнц? Нечего ответить старому другу-танкисту? Ты верно заметил, старый пес, про ящики... Сначала в Казани, потом

в Москве нами был выпит не один ящик водки. Ты, сука фашистская, пил и не думал пьянеть. Клялся в вечной дружбе. Клялся жизнь отдать за нашу великую дружбу. Танкиста третьего рейха и танкиста отца народов! Вождя! Товарища Сталина! Помнишь, как я пил за твой гребанный-перегребанный фатерлянд? Чем ты отплатил мне за мою дружбу? Пристрелил бы прямо здесь, да жалко. Все-таки друг ты мне, Гейнц. Давай обнимемся, дружище.

Подойдя вплотную, Катуков нерешительно (затем смело) заключил в свои объятия опешившего генерал-полковника Гудериана. У того хрустнули шейные и спинные позвонки. Заскрипело щегольское офицерское пальто. Гудериан, улыбнувшись, попытался одарить своего русского друга тем же. Это удалось с трудом. Слишком явно просматривалось неравенство в силах... Катуков был настроен почти дружелюбно. Это его радовало. Видимо, кобуру он расстегнул на случай иных неожиданностей, подумал Гудериан.

– ...Думаю, что эту бойню надо повернуть, как оглоблю, против тех, кто нас толкнул, – говорил, будто сам с собой Катуков. Он прогуливался с Гудерианом в тени вековых сосен. Сквозь редкие прорехи в зеленовато-коричневых, густых игольчатых кронах проглядывалось серое, унылое небо. Оттуда временами струился дождь. Гудел в этой свинцово-тяжкой вышине самолет-разведчик: что-то в голове преломляло шум его моторов до неузнаваемости. – Слишком умело нас толкнули между собой, Гейнц. Какая-то сволочь из наших и ваших. Нужно выявить этих гадов и как следует их наказать. Что б неповадно было гадить больше... По-моему, это дело рук ваших SS-манов. Этих гиммлеров, гейдрихов, кальтенбруннеров... Как и наши, из НКВД, они причастны к массовым репрессиям. Вермахт пострадал от RSHA. Насколько мне известно, фюрер отправил в Англию этого муда...

– Нет, Владимир, – мягко осадил его Гудериан. Обнял его руку за локоть. – Не стоит во всех смертных грехах винить свою и нашу политическую полицию. Вермахту тоже досталось от SD и geheime Staatspolizei. Как это есть снова и снова по-русски... Дружище, свой сор метла не метет! Если мы будем искать соринку в глазу ближнего своего, а свой глаз забудем... Гиммлер и Гейдрих, как ваши Берия и Деканозов не вызывают у меня больших симпатий. Не допускаем ли мы ошибку, когда обожествляем военную разведку? Ваш шеф РУ генерал Голиков и шеф Abwehr «сухопутный адмирал» Канарис? Неужели Всемилостивый Господь, сотворив обоих, причислил их к лику святых? Я не верю этому, Владимир. Прости своего старого друга за некую фривольность. Долг солдата и честь товарища не позволяют мне... Как это есть по-русски: пускать пыль в глаза.

– Гейнц, дружище, не хватай меня под руку, – улыбнувшись, Катуков хлопнул Гудериана по плечу. – Я не красна девица. Не надо меня уговаривать пойти на свиданку, как в Казани. Знаю я тебя, герра-хера... Надюшку Светлову помнишь? Так вот, до сих пор в тебя влюблена. Сына от тебя выносила и родила. Тебе, понятное дело, не могла написать. Ну, да это дела сердечные... Ну их к лешему! Все наши ребята тебя помнят. Мне давеча один говорит: мне совестно, что наши танки с танками Гейнца схватились. Другое дело, морду друг-другу набить. Получается, что товарищи по бронебратству... Вообще, бить тебя некому в твоём рейхе, Гейнц. Давай эту войну как-нибудь кончим. И побыстрее. Надеюсь, что Москву ты брать, не намерен? Смотри у меня, поверю на слово. Пожалеешь, если что не так...

– Я не национал-социалист, Владимир, – произнес Гудериан, продолжая поддерживать руку старого товарища. – И никогда им не был. Ты, и... как ты сказал, все наши ребята знают об этом. Но я солдат, Владимир. Солдат, присягнувший на верность Великой Германии. И только потом, бывшему ефрейтору от инфантерии, ставшему фюрером. Адольф Гитлер

по-своему гениальный человек. Но в военном отношении... Владимир, наш фюрер гораздо лучше понимает в политическом устройстве Европы, чем в организации танковых частей вермахта. Он вникает во все детали, как-то снабжение бензином и постановка танков на техосмотр. Правда, ему невдомек, что внезапный, пусть и гениально задуманный удар окончится крахом. Он не учел, что вы, Владимир, сосредоточили в глубине России такой колоссальный военно-промышленный потенциал... Бедной Германии не снилась такая мощь! Что до заводов и сырья всей Европы... Рабочим Франции, Чехословакии и Польши не объяснить мудрость «величайшего из гениев» Адольфа Гитлера. Они продолжают на нас смотреть как на врагов. Идеи Великой Европы без англосакского владычества им не доступны. Во всяком случае, под пятой германского рейха. Тем более что фюрер не думает отказываться от первичной расовой теории. Из нее следует, что германцы и только они – потомки Великих Ариев. Потом уже все народы Европы, не содержащие в себе «иудейской примеси» и отвергнувшие «иудейскую плутократию». Чистота германской арийской крови... За миллионы лет, – Гейнц Гудериан усмехнулся, – моя «чистая» германская кровь соединилась с армянской. С кровью шведских конунгов и варягов... Какая у меня кровь, Владимир? И кто ты, друг мой? Все мы составляем единое братство по духу и крови. Но я солдат своего Отчества. Поэтому и только поэтому я нахожусь здесь. И наши танки противостоят друг-другу. Но не наши сердца, Владимир.

– Только поэтому я иду с тобой под руку, – Катукоев пихнул носком сапога шишку, изгрызенную беличьими зубами. – Ох, и чешутся у меня кулаки поучить тебя по-русски... Ладно, Гейнц. Приказ есть приказ. Так у вас, у фашистов, заведено? Молчишь, зараза... Что ж, наступай дальше. Ты еще не знаешь, что вас ожидает впереди. На подступах к столице. Противотанковые рвы. Бетонные надолбы. Минные поля. И тысячи людей на улицах. За баррикадами. Каждый дом превратится в неприступную крепость. Вы истечете здесь кровью. Москвы вам не взять, Гейнц. Так и передай своему фюреру. А тебя, сволочугу, мне просто жаль. Ведь пулю себе пустишь в лоб. Не простишь себе такого позора – предательства дружбы...

– Легко судить старого друга, – Гудериан выдернул свою руку. – Ты не смотрел в неистовые глаза нашего фюрера... Он положил мне на плечо ладонь: «Генерал! На ваши плечи возлагается великая задача – вступить в Москву до первых заморозков. Будет лучше, если это произойдет в канун главного большевистского праздника на 7 ноября 1941 года. Ваша панцерная армия на параде вермахта в Москве – в канун большевистского переворота в России – явится знаком Великого providения! Наши славные потомки...»

– Пошел трепаться! – плюнул в грязь Катукоев. – Осинный кол в ж... твоему фюреру, а не парад в Москве! Сами его проведем, без вашей помощи. Хотя в Брест-Литовске славный был смотр, ничего не скажешь. Помнишь, как я приезжал на бронемашине? Вы первые в него вступили, черти... Вербка по вашему бесноватому фюреру плачет! Не дадим в обиду нашу Великую Родину и товарища Сталина. Он, отец наш родной! На том стояла и стоять будет Земля Русская.

– Кому из ваших классиков принадлежат эти слова? – изумился Гудериан, полагавший себя знатоком русской литературы. Тут же холодная капля, скользнувшая за воротник пальто под тесный генеральский френч с золотыми пальмовыми ветвями на красных петлицах, заставила его съежиться. – Не помню ничего подобного у Толстого, Достоевского и Чехова.

– Так, в голову ненароком пришло, – поскромничал Катукоев. – Ни один ты такой умный...

– Наденька Светлова, – улыбнулся Гудериан. – Она действительно... Ты не шутишь, мой друг, родила от меня мальчика? Или это хитрая уловка вашего ведомства? Nein! О» Mein God! Я не знал об этом, Владимир. Как мне стыдно, мой друг. Впору взять свой «Вальтер» и застрелиться. Отец пришел на землю сына... Меня надо судить как преступника. Ты говоришь со мной, Владимир, как друг. Я польщен... Будто мы еще там. В казанской танковой школе. Эти чудесные субботние вечера: танцы под патефон до рассвета, девушки. Их поцелуи... Надя не писала из-за того, что огэпэу позволило ей переписку со мной? Мне всегда казалось, что она работает на ваше ведомство, Владимир.

– Во-первых, ни огэпэу, а НКВД, – поправил его Катуков. – Спрягаете на разные лады старое название... Как дети малые, ей Богу! Во-вторых, чекисты тут ни при чем. Они как раз отговаривали ее от этих писем. Боялись, что переписка только повредит твоей карьере. Будь она неладна... Это мы, то есть Разведупр, хотели внедрить... прости, конечно, Надю к вам... Прости еще раз, через тебя, Гейнц. Ну, ты понял наш юмор? Хотели свести ее с тобой... Поступил другой приказ, – Катуков поднял глаза. Обалдело засмеялся. – Все агентурные разработки подмяли под себя чекисты. Помогали вашему фюреру – так его-растак! – перейти к власти. Ты их на тот момент, как агент, не интересовал. Коминтерн разработал расовую теорию «чистоты арийской крови» под Адольфа Гитлера. С учетом классовых интересов... Внедрили через агента которого в NSDAP называют не то Хромым, не то Колченогим. Ораторствует с ваших трибун, что Троцкий...

– Я этого не слышал, мой друг, – кровь отлила от лица Гудериана. Он, потрясенный откровенностью Катукова, шарахнулся к ближайшему дереву. В то же мгновение столб света сошел на обоих. Они вышли на единую волну оперативного контакта. – В рейхе не приветствуют физические пороки. Особенно, когда речь идет о врожденном... Впрочем, это было сказано к слову, Владимир. Рад слышать, что Надя все это время работала на вас. Целую ее крепко, как это есть по-русски. Так и передай этой прекрасной женщине. На словах...

Они прошли сосновый бор. Вышли к обрывистому берегу. Какой-то неприметной речушки, что текла далеко внизу. За серой, несколько посветлевшей осенней пеленой темными черточками угадывались леса. Белела заброшенная колокольня. С проржавевшим, без креста, куполом. С поросшими травой и молодыми деревцами черными, пустыми окнами на звоннице. Скрытно (что б никто не заметил отблеск окуляров), Гудериан осматривал местность с помощью мощного цейсовского бинокля. В этих местах при отступлении «великой армии» Наполеона-Бонапарта действовал партизанский отряд русского гусарского полковника Дениса Давыдова.

– Изучаешь места будущих боев? – Родимцев протянул обшитую солдатским сукном фляжку. – Глотни! Не бойсь, Гейнц. Там чифирь. Ты его пил в Казани. Когда к выпускным готовился. Прошибает капитально – будто заново рождаешься...

Помедлив, Гудериан осторожно глотнул мутную коричневую жидкость, состоящую из чая удивительной крепости. В ушах зазвенели крохотные колокольчики. В глазах зарябило от каких-то неведомых излучений. Русская осень во всем своем унылом великолепии («... в баgreц и золото, одетые леса...») предстала перед Гудерианом. Из-за лилово-черной, снежной тучи блеснул лучик оранжевого солнца. Блеснул и тут же потерялся. Затаился в ожидании новых свершений.

– Предлагаешь мне работать на Разведупр РККА? – сухо подтвердил свою гипотезу Гудериан. – Как же мой долг? Честь солдата? Я не изменял и не изменю своему Отечеству. Еще в Казани я ответил отказом вашему ведомству. И огэпэу...

– Предлагаешь мне сотрудничать с Abwehr? – Катуков улыбнулся. Однако его глаза оставались серьезными. – Выслуживаешься перед парадом, которого не было и не будет? Зима на носу, Гейнц. Все окончности себе отморозишь, к чертям собачьим...

...Если я выйду на «огэпэу», то Канарис придет в бешенство. Без его санкции (пусть даже устной и самой потаенной) это самоубийственный шаг. Даже расстреливать не будут. Погибну от «шальной» пули... Изменников великой Германии и фюрера убирают свои, неоднократно проверенные солдаты и офицеры. Или... Нет, это случается только на страницах дешевых, вульгарных журналов. Два старых солдата и старых друга оказались вовлечены политическим руководством своих стран в кровавую бойню. Испив из фляги чудодейственный нектар, они пустили пулю в лоб. Одновременно. Точно по приказу. Вздор, да и только...

– Я не буду стреляться, дружище, – он взглянул в синие, замутненные бессонницей, но светлые глаза друга. – Я не буду работать ни на РУ, ни на НКВД. Работа на разведку иной страны пахнет дурно, Владимир. И для тебя и для меня, мой друг, – он неожиданно положил руки на плечи Катукова. – Мне страшно тяжело. Но я остался тем же парнем, каким был. Я остаюсь с вами. Я люблю вас всех. И... Передай своим начальникам: Гейнц Гудериан сделает все, чтобы танки его дивизий не появились на улицах Москвы. Думаю, скоро вы сами в этом убедитесь, мой друг...

Генералы-танкисты прибыли в условленное место на лошадях. Гудериан, набросив на кожаное пальто пятнистую, зеленовато-коричневую плащ-палатку, отбыл в распоряжение своей штаб-квартиры. Катуков, подстегивая Сивку, лесными, глухими тропами двинулся к секрету танковой разведки. Два Т-34 заняли боевую позицию у балки, что находилась за белой колокольней с заросшей звонницей. С утра прошлого дня немцы, остановившиеся в шести километрах отсюда, прощупывали подходы к нашему берегу. Катуков использовал с умом кратковременное затишье. («...Ишь фрицы чагой-то встали как вкопанные! Не иначе как пакость, какую, новую замышляют, поганцы...») То, что нас шибанули под Смоленском, не беда, думал он. Успокаивающе посапывал при этом в янтарный мундштук. На ошибках научимся воевать. Не через такое Матушка-Русь, ТЫ, проходила. Выстояли раньше – выстоим и теперь, чудо-богатыри. Танковые и пехотные дивизии остаются нетронутыми на Дальнем Востоке. Это всего лишь временный фактор. Япошки-самураи, битые нами (правда, с большими потерями) под озером Хасан и долиной Халхин-Гол, подумают проверить нас на прочность? Дадим так, что будут кашлять до самого своего, что ни на есть Токио – мокио... Нет, не сунутся. Побоятся. Как убедится Хозяин в Кремле, что из Токио нечего ждать «сюрпризов», так и пригонит весь стратегический резерв ставки под Москву. Этого и бояться агенты империализма, британского и американского, что обступили «отца народов» и «лучшего друга советских физкультурников» со всех сторон. Слили информацию в ОКВ и ОКХ на 22 июня. Где, что и как у нас в приграничных округах «плохо лежит». Почему и посыпались все бомбы люфтваффе с предельной точностью на наши полевые аэродромы. (Странно, что все три находились «по особому распоряжению» под контролем НКВД, а не Генштаба РККА, которому напрямую подчинялись до сих пор.) Почему большинство МИГов, ЛА-5, ЯКов даже не успели набрать высоту. Кто-то же отправил «в отпуск» все зенитные расчеты накануне? Якобы в связи с заявлением ТАСС о ненападении СССР на Германский рейх. Были расстреляны Рычагов, Штерн и Павлов, крупные советские военачальники. Неужто зазря? Не может быть, поду-

мал Катукоев. В который уже раз он вступал с собой в этот «смертельный монолог». Хотя чувствовал порой, что говорит с самим Хозяином Советской России, Иосифом Сталиным.

Ему необходимо было переговорить с начальником особого отдела при штабе своей дивизии. Мужик был грамотный, с пониманием. Он нравился Катукоеву. Его необходимо было убедить в том, что в ближайшее время действия немцев не будут столь стремительны и непредсказуемы, какими они были вначале этой страшной войны...

* * *

4-я панцерная дивизия выдвинулась длиннющей колонной к Мценску. Над старинным русским городом поднималось мутно-красное зарево. Это горело зернохранилище, которое, надо думать, подожгли «пархатые большевистские комиссары», со сладкой злобой взвесил Дитер. Находясь в командирской башенке своего Pz. Kpfw. III Ausf A, задрапированного полотнищем со свастикой, он ехал первым по этой глинистой, подернутой изморозью дороге, что уходила в черную щетку близкого леса. Позади, барахтаясь в грязи, лязгали гусеницами пантеры его батальона: 4 машины Pz. II Ausf. L, 20 Pz. III Ausf. H (один был оснащена устройством для дымовой завесы), а также 10 чешских панцеров 38 (t). Подразделение его танков первым должно было вступить в горящий город. С утра в штаб дивизии поступило радиосообщение от разведывательного моноплана «Физелер-Шторх». В нем говорилось, что на окраинах горят продолговатые здания, с виду напоминающие склады, в центре города, у церкви, наблюдается сутолока, а на главной площади, где на постаменте высится памятник какому-то большевику с вытянутой рукой, разносят магазин: жители выбегают с тюками и мешками.

Позади танков растянулись огромные трёхосные грузовики «Хейншель». Они перевозили военные грузы. Их охраняли бронеавтомобили Sd. Kfz. 231 M. Считавшиеся лучшими в начале 30-х, они безнадежно устарели. Их 20-мм пушки на башенках от Pz. II годились разве что против пехоты и легко бронированных целей. Их отличала низкая проходимость по русскому бездорожью. Несмотря на шесть колёс, закреплённых тремя осями, и полный привод эти машины считались в вермахте «дорожными» ещё со времён польской компании.

Кроме того дивизия почти не имела тяжелого вооружения. Кроме двух 105-мм пушек К —18, а также 88-мм швейцарской зенитки от фирм «Рейнметалл-Борзинг – Бофорс» противотанковый парк располагал 48 штатными Pak —35/36. Они легко пробивали 13-мм броню русских 26-тонных «Кристи» (БТ). С 300—400 метров эти короткоствольные пушки могли поразить в борт и Т-34. Именно, могли...

Первое, что увидел Дитер у двух возвышенностей, были две вспышки. Запоздалые хлопки донес ветер. Раздался металлический щелчок – его командирский Pz. III, оснащенный макетом орудия, закрутился волчком. Было видно, как разматывается узкая полоса гусеницы с искалеченными траками. Она напоминала шкуру от птеродактиля или аллигатора. Не дожидаясь команды, башенный стрелок застрочил из курсового пулемета. Но краем глаза Дитер заметил на обочине нехорошее оживление. Ломая редкие сосновые деревья, вдоль обочин (справа и слева) вынырнули с десятков «Кристи». Они имели странный вид. Их удлиненные корпуса, обтекаемые и продолговатые башни со звездами поразили воображение германского майора. Где-то он их видел. Но где...

– Макс! – заорал он стрелку. – Радируйте командирам взводов – пусть перестраиваются в боевой. Никакой «собачьей свары»!

– Командир – в свою очередь завопил Макс. – Это 62-тонные! Они раскатают нас!

Его голос потонул в череде разрывов. Сначала густо загорелся, источая черно-оранжевые клубы, идущий за ним Pz. II. Чешские танцы вспыхивали как спички. Их клёпаная броня не выдерживала даже ударов по касательной. С болтов слетали шляпки – они ранили и калечили экипажи. Проносающиеся вдоль колонны «Кристи» расстреливали из поворачивающихся башен сыплющуюся из грузовиков и транспортеров пехоту. Их скорость на бездорожье составляла 80—100 миль в час. Такое германским танцам и не снилось! Они вязли своими узкими гусеницами во влажном грунте. Сиделись стальными днищами в грязь. Такова была печальная картина блицкрига. Расположившиеся у лесистых возвышенностей русские бронбойщики и противотанковые орудия довершали дело.

Через час над полем битвы, которое хотелось назвать побоищем, источали клубы 133 танца. (Уцелел лишь штаб с командиром дивизии, который к удивлению многих танц-офицеров так и не выдвинулся к городу.) Попытки принять организованный бой и перестроиться из походного порядка в боевой, ни к чему не привели. Русские не дали им этого сделать. Успехом не увенчалось применение 37-мм Pak., а также 88-мм Flak. —18 («Бомфорс»). Последнее все-таки удалось снять с передка и привести в боевое состояние. Но юркий «Кристи» обошел тяжеловесную зенитку и расстрелял ее с тыла. Это был сущий ад...

Первое, что увидел пришедший в себя (легко контузило близким разрывом 45-мм снаряда) Дитер, был догорающий «Хейншель». Остров грузовика извергал струи дымного пламени. Из него с шипением и свистом вылетали пиропатроны от сигнальных ракет. Разлетаясь в разные стороны, они грозили навлечь на жалкие остатки 4-й танц-дивизии огонь своей же артиллерии, налет своих же штурмовиков или бомбардировщиков. Посреди двух сгоревших, с отброшенными башнями германских танков выпускало снаряд за снарядом Pak. 35\36. В прогнутом щитке зияли пробоины от осколков. Приглядевшись повнимательнее, Дитер заметил цель. Это был обездвиженный русский «Кристи». Он стоял с повернутой башней и источал густые клубы черного дыма. 37-мм снаряды легко пробивали его броню.

– Мы подбили Ивана! – радостно завопил офицер, измазанный до ушей липкой русской грязью. На голове у него топорщилась марлевая повязка с пятнами проступающей вишневой крови. Яркая струйка стекала по левой щеке. – Но надо... надо добить эту свинью! – офицер истерично захохотал. – Йорген! Я приказываю тебе, солдат: снаряд... забей ещё один снаряд...

В следующий момент он виновато заморгал. Кулак гауптмана в черной шинели с розово-серыми петлицами врезался ему в подбородок. Затем Дитер ладонью в перчатке отхлестал его по лицу. Он автоматически понял: он видел этот «Кристи» в учебном фильме. Это был... БТ-7 М, но никак не 62-тонный. Его бы не взял штатный снаряд 37-мм «армейской колотушки» или 35-мм «штуммель» танца.

* * *

Из воспоминаний Гейнца Гудериана:

«Подчиненная мне 2-я танковая группа, так же как и действовавшая севернее 3-я танковая группа генерал-полковника Гота, входила в состав группы армий «Центр».

Организация 2-й танковой группы была следующая:

- командующий – генерал-полковник Гудериан;
- начальник штаба – подполковник барон фон Либенштейн;
- 24-й танковый корпус – генерал танковых войск барон Гейер фон Швеппенбург;
- 3-я танковая дивизия – генерал-лейтенант Модель;
- 4-я танковая дивизия – генерал-майор фон Лангерман унд Эрленкамп;
- 10-я мотодивизия – генерал-майор фон Лепер;
- 1-я кавалерийская дивизия – генерал-лейтенант Фельдт;
- 46-й танковый корпус – генерал танковых войск барон фон Фитинггоф (Шеель);
- 10-я танковая дивизия – генерал-лейтенант Шааль;
- мотодивизия СС «Рейх» – генерал-лейтенант Гауссер;
- пехотный полк «Великая Германия» – генерал-майор фон Штокгаузен;
- 47-й танковый корпус – генерал танковых войск Лемельзен;
- 17-я танковая дивизия – генерал-майор фон Арним;
- 18-я танковая дивизия – генерал-майор Неринг;
- 29-я мотодивизия – генерал-майор фон Больтенштерн.

Кроме того, в танковую группу входили армейские части: авиагруппа бомбардировщиков ближнего действия генерала Фибига, зенитный артиллерийский полк «Герман Геринг» генерала фон Акстгельма.

Артиллерию возглавлял генерал Гейнеман, инженерные войска – генерал Бахер, войска связи – полковник Праун, разведывательную авиацию – подполковник фон Барзевиш (заменивший полковника фон Герлаха, который был сбит на третий день войны). Район наступления танковой группы в первые недели боевых действий прикрывали истребители полковника Мельдера.»

«24-й танковый корпус выступил из Глухова на Севск, Орел, имея впереди 3-ю и 4-ю танковые дивизии, за которыми следовала 10-я мотодивизия. На 6 октября воздушный флот обещал нам усилить прикрытие истребителями, и поэтому можно было рассчитывать на улучшение положения. С этого дня наша 2-я танковая группа стала называться 2-й танковой армией. Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.»

«Серьезность этого сообщения заставляла задумываться. Поэтому я решил немедленно отправиться в 4-ю танковую дивизию и лично ознакомиться с положением дел. На поле боя командир дивизии показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь.

Возвратившись в Орел, я встретил там полковника Эбербаха, который также доложил мне о ходе последних боев; затем я снова встретился с генералом фон Гейером и командиром 4-й танковой дивизии бароном фон Лангерманом. Впервые со времени начала этой напряженной кампании у Эбербаха был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои действовали на наших лучших офицеров.»

«4-й танковой дивизии на 9 октября была поставлена задача занять Мценск. Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. Например, наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились. Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние на наших офицеров и солдат.»

«11 октября. Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска северо-восточное Орла развернулись ожесточенные бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем. Я также потребовал ускорить производство более крупных противотанковых пушек, способных пробивать броню танка Т-34.»

* * *

Первый бой полковника Катуква произошёл под Клеванью. Командуя в составе 8-го мехкорпуса генерала Рокоссовского танковым батальоном, он попытался остановить натиск 2-й панцерной группы. Вывел все свои 33 танка в лобовую атаку. По сравнению с германской бронетехникой БТ-5 с 13 мм и БТ-7 с 22 мм бронёй, вооружённые 45-мм пушками (командирские машины имели 76-мм) были верхом технической мысли! Но не тут-то было...

К тому времени мехкорпус уже понёс значительные потери в людях и технике. Он бомб в первые же дни войны серьёзно пострадала матчасть. Корпус практически лишился служб снабжения, ремонтных мастерских, потерял значительное количество машин-бензовозов. У оставшихся оставался ограниченный лимит горючего – на одну-две заправки. Этого было явно недостаточно для скоростной, мобильной войны.

Корпусной и дивизионный комиссары неистовствовали – требовали выполнить директиву Ставки №1. А в ней значилось – «обрушиться всеми средствами на врага», «границу не переходить». Ура, ура, ура!

В полку, где служил Катуков, события разворачивались совсем драматично. Комиссар Добрышев подкатил на ГАЗ-61, раскрашенной по такому случаю в неровные, серо-зелёные разводы. Выйдя наружу, мрачно осмотрелся. Подозвал замазанного в горячем полковника, что в промокшем комбинезоне был похож на чёрта:

– Вы ещё здесь?

Полковник оставался в положении «фрунт». Его глаза были скошены на почерневшие от гари щёки. Ресницы хлопали, как у лошади, отгоняющей от себя жирных слепней. Он и впрямь не знал, что сказать комиссару. Их институт, упраздненный Сталиным за ненадобностью (приглаживали с гражданской войны за военспецами из бывших старорежимных офицеров), «реанимировали» после боёв на Карельском перешейке, когда ряд командиров, отдавая противоречивые, вредительские приказы, довели Красную армию до «белого каления» бессмысленными потерями.

– Не слышу, полковник? – рука Добрышев скользнула к клапану кобуры. – Или в молчанку будем играть?

– Товарищ полковой комиссар... – засопел себе под нос полковник. – У нас некомплект в матчасти. Заправка только на один бой! Двигатели сильно изношены при переходе. Предлагаю занять оборону – скрыто рассредоточиться и огнём из засады их...

– Что я слышу?!? – страшно округлил глаза Добрышев. – Командир доблестной Красной армии, коммунист сомневается в силе наступательного порыва! В решениях партии! В директиве за подписью товарища Сталина! Так?

– Так, разъёдак... – горько хмыкнул полковник. – Ты меня не страшай, Добрышев. И твою машинку я не боюсь. Ребят жаль, – он осмотрел мальчишек-танкистов, копошащихся у вытянутых, с «клювами», корпусов «бэтух». – Угробим все танки. У нас ни разведки, ни прикрытия с воздуха. Надо переходить к обороне – товарищ Сталин всё поймёт, всё простит...

Кобура раскрылась. Из неё в руке Добрышева выпорхнул иссиня-воронённый пистолет ТТ.

– Иуда! По чём проданся врагу?!? Застрелю, если хоть минуту помедлишь! Ты слышал? Вперёд – до подхода главных сил захватить город. Удержать...

Полковой комиссар был неумолим. Он выполнял приказ другой «жертвы сталинских репрессий» – комиссара 1-го ранга, начальника политуправления КВО Вашугина. Именно этот субъект своими приказами дезорганизовал боевые действия 8-го и 22-го мехкорпусов, заставив их командование, под угрозой расстрела, идти в бой без должной разведки и по частям. Вскоре, «не вынеся груза ответственности», Вашугин застрелится...

В этом бою Катуков потерял все свои 33 танка. Столкнувшись в лобовой атаке с германскими панцерами, он тут же отметил всю слабость блицкрига. Скоростные БТ имели свободу манёвра. Они успешно поразили в борт даже Pz. IV, который считался в панцерваффе средним танком. Хотя обладал фактической бронёй в 17 мм (с башенной «бронейюбкой» она была 30 мм). Но тут же столкнулись с «ежом». Так в вермахте называли противотанковую оборону. Панцеры, выяснив, что противник сильнее, оставили на поле боя горевшие машины. Они немедленно рассыпались и ушли. Катуковцы столкнулись с 37-мм пушками. Исход такого поединка был предрешён. Снаряды «Бофорсов» дырявили тонкую броню «руссише панцера». Залёгшая пехота расстреливала боевые машины из противотанковых ружей, ружейных гранат, забрасывала противотанковыми гранатами на длинных рукоятках. С флангов возобновили свой «дранг» маломощные танкетки с 20-мм пушками, со спаренными или курсовыми пулемётами.

Под прикрытием огня уцелевших бронемашин, катуковцы перебежками, скачками, а то и по-пластунски покидали проклятое место. Полковнику опало брови и ресницы – он вытаскивал сквозь нижний эвакуационный люк механика-водителя. А в небе уже повисли чёрные точки пикировщиков. Они принялись утешать боевые порядки нашей пехоты, что спешивалась с полуторок. Положительно – войну надо было начинать не так...

Вечером, когда с полей сражений несло гарь подбитых машин с распущенными гусеницами и сорванными башнями, Катукову доложили, что взятый в плен панцер-офицер просит позвать «русиш командир». Он сильно обожжён и умирает. Напоследок хочет сказать что-то важное.

Хмыкнув, полковник отправился к нему. На брезентовом чехле, рядом с трупами наших ребят в опалённых синих комбинезонах, с обгоревшими, как головешки лицами с красно-белым «фаршем», лежал германский офицер. Чёрный короткий мундир был распахнут на груди, что спеклась от крови. Руки и левая часть лица покрылась зловонной, желтовато-чёрной коркой.

«...Ви есть старший здесь, в этот часть? – неожиданно обратился он по русски. – Сядьте здесь. Не бойтесь, командир. Я есть немного говорить по русски... Учиться в ваш танковый школ в Казань. 1920-й год. Как плёхо, что мы есть воевать с вами! Воевать друг с другом! Отшень плёхо...»

«Вот именно, – не моргнув опаленными ресницами, вымолвил Катуков. – Такого же мнения, герр-хер хороший. Какого ж рожна надо было лезть? Вы о себе подумали? О своей Германии? О детях...»

«Не надо ругаться, – сморщенные, треснувшие губы панцер-офицера изобразили подобие улыбки. – Я не есть нацист. О, нхт! Я есть дружить с ваш командир с Казань. Знать комбриг Кривошеин. Знать Жуков. Он есть приезжать в Казань. Знать в Москва один русски монах. Он жить до сих пор в лавра... Сергиев посад... Передать ему от меня привет. Сказать: „мальчик“ не забывайте этот встречу. Он хотеть ещё по линии 401. Ви запомнить? Это важно для России...»

Катуков почувствовал, что перестаёт дышать. Он произвольно коснулся чудных серебристого басона петлиц на розовой подкладке этого гитлеровца:

«Ладно, не бойся. Передам... Я тоже в 20-м проходил в Казани стажировку. Ты в какой группе обретался?»

«Я быть в закрытый курс. Нас расположить в „Интурист“. Возить на занятий по ночам. Только ночь. Keine chance! Geheime...»

Я те дам, «гехайм-нехайм», чуть не сказал Катукоев. Но вовремя спохватился: это слово по-немецки означало не только гестапо или тайную государственную полицию, но – «секретно». Уж что, что, а секретностью нас не удивишь. Кого хошь сами ею сразим.

«... Я совсем умирайт! Очень скоро, – продолжал уже как заведённый немец. Камрад! Русише! Возми в мой карман внутри. Там мой документ. Мой письма жена и сын. Передать всё в ваш разведка генштаб. Staatspolizei nixt! Verstehen? Я давно работать на вас. Я верить тебе. Ты есть друг. Но у вас есть враг. Он есть у Хозяин. Совсем—совсем... Ты понимайт? – чёрные, обгорелые руки немца потянулись ко рту Катукоева. Пальцы с белыми, с сочащейся сукровицей ногтями коснулись небритого подбородка.

Тот кивнул. Сердце сжалось. Как будто хоронил своего парня-танкиста в зыбучих песках на Халхин-Гол. Как будто это был он сам... А вокруг, правда на почтительной дистанции скапливались младшие командиры и бойцы. Возле уцелевших «бэтух» и «тешек» 9-го мехкорпуса. С помятой бронёй. С отверстиями от вражеских снарядов и дульных гранат.

«...Я видеть сороковой год во Франций – разве это война? – шептали губы немца. – Я быть в Польша – получить из рук Хайнц Гудериан Рыцарский крест! Это быть не война – короткий прогулка... Русски танкист давить мой горящий панцер. Как скорлупу орех! Я видеть русский пехот под Сокаль! Они идти на нас со штыком! Это – война! Это – гибель рейх! Это есть... конец...»

Раньше надо было кумекать мозгами, гнида фашистская. Эта мысль чуть было не вырвалась наружу, но Катукоев вовремя прикусил язык. Вскоре на БА-20, покачивающимся на рессорах, с круглой пулемётной башенкой, прибыл делегат связи от 20-го мехкорпуса. Они спешили на выручку. Тоже не знали, что творится кругом. Питание у раций на исходе. До войны, сколько было запросов в штаб фронта – пополнить аккумуляторы. Без толку! Подошло 400 танков с пехотой и артиллерией, что тащились во вторых эшелонах. Половину личного состава и матчасти потеряли в двухдневном марше – не давали покоя вражеские пикировщики. Наши «ишаки» летают нерегулярно и плохо. Да и сражаются не лучше. На один немецкий самолёт приходится два, а то и три наших! А всё «не будем фигурировать», лозунг товарища наркома ВВС, 30-летнего генерала Пашки Рычагова! Мать его за ногу... Доучились на парадах петли да скобы делать, а боевую подготовку свели до минимума. И самолёты крылом к крылу на аэродромах поставили. Вот теперь и пожимаем... Лишь АДД, ТБ-3, ТБ-7 да ДБ-3ф, грузно вращающие лопастями четырёх двигателей, вместо положенных пяти (!?) барражируют часто за линию фронта. Бомбят переправы, дороги да скопления противника. Бомбовая нагрузка у них высокая – по сто осколочных «игрушек». Но без пятого двигателя им не набрать недостижимой для «мессеров» и зениток высоты! Их же спаренные блиссеры под винтовочный патрон бессильны против металлической оболочки Вф. 109.

На рассвете тяжёлые, средние и лёгкие «русише панцерс» волнами обрушились на позиции врага. Воздух снова наполнился воем сирен: пикировали Ju. 87 D. С хищно расставленных крыльев срывались бомбы. Расположенные возле кабин пушки обстреливали очередями

БТ и Т-26. Сверху сыпались частым дождём латунные продолговатые гильзы. На излёте они пробивали голову танкистов, что высунулись из люков. КВ-1 с линкорными башнями старались огнём из своих 152-мм гаубиц подавлять противотанковые батареи в капонирах. Катуков, возглавивший остатки 2-го танкового батальона своей мехбригады, усиленного трёхбашенным Т-35 и двумя «тридцатьчетвёрками», пересел в пушечный бронеавтомобиль – только в нём было приёмо-передающее устройство ТПУ-7. Они сумели прорваться сквозь гибельный огонь с фронта и флангов. Потеряв почти все «бэтухи», расстреляли грузовики снабжения вражеских батарей.

Но в Раззивиловском их ждал неприятный сюрприз. Вдоль мощёной улочки, где особенно не развернёшься, «коллеги» установили длинноствольную зенитку. Та одним выстрелом пробивала 48-мм броню Т-34. С окон готических домов под черепицей с мансардными стёклами летели длиннорукие гранаты и бутылки с «моловским коктейлем». В башенку БА-10, что, ломая заборчики и подминая клумбы, пытался объехать и поразить злосчастное орудие, угодил небольшой стальной цилиндр. Группа немецких солдат, укрывшись за фонтаном, выпустили ещё одну ружейную гранату. Из винтовочного ствола, оставляя за собой кометный хвост, с шипеньем вылетела новая «петардочка». Шаровой механизм башни тут же заклинило, орудие и спаренный с ним ДП были искорежены. Отстреливаясь их ППД и пистолетов, экипаж машины боевой оставил броневилок. Вновь, передвигаясь ползком и перебежками, они стали пробиваться к своим. На перекрёстке Катуков увидел – стоящий гигант Т-35. Он отстреливался из 67-мм орудия головной башни. Башня с 45-мм пушкой была сплюснута и провалена. Из корпуса дымило... На противоположном конце улицы, лязгая по булыжнику траками, катила немецкая «крестовая» самоходка. Длинноствольная пушка за широким стальным щитом выбросила треугольник пламени. Снаряд ударил в гусеницу гиганта. А из подъезда выбегали кое-какие недобитые местные. Недовысланные тоже. С топорами, дробовиками и бутылками, заполненными до краёв мутной жидкостью. Запаливали просмоленные «язычки»...

Отступая с границы, Катуков впервые задумался о тактике боя из засады. Во многом, благодаря кровавому уроку. Немцы сами подсказывали ему тактику. Сперва – «артисты» (так он называл отвлекающую группу) имитируют лобовую атаку. Подобно немецким «коллегам», в случае опасности, уходят назад, где сосредоточились танки и ПТС, скрытые в засаде. Причём, перед наступающим врагом, если позволяет время, отрываются «декорации»: ложные артиллерийские и пулемётные ячейки. Изготавливаются по ситуации макеты пушек и пулемётов. Увлёкшись погоней, танкеры, оторвавшись от пехоты и противотанковых орудий, ввязываются в бой с чучелами. Затем... У Катукова, измотанного в боях, потерявшего многих товарищей и боевую машину даже спёрло в ушах! Можно применить систему «артиллерийских мешков». Создать систему перекрёстного огня из батарей, одиночных орудий, вкопанных и подвижных танков, что укрыты в засадах. Так, располагая меньшими силами, действуя по-суворовски «побеждай не числом, а умением!», можно уничтожить целое танковое соединение врага при минимальных потерях.

Пробираясь по лесам, болотам и долам до Смоленска, Катуков материл то, что накануне войны преподавалось в военной академии и на командных курсах. Упреждающим ударом, уничтожить, сокрушить... Это походило на тактику «перманентной революции» в исполнении «товарищей» Троцкого и Тухачевского, коих Катуков действительно считал врагами трудового народа. Это надо же, додуматься – вести войну за освобождение рабочего класса «на чужой территории и малой кровью»!?! В финскую, тамошние пролетарии к этому отнеслись крайне негативно – освобождению и присоединению к СССР. Не получилось воевать ни малой кро-

вью, ни на чужой территории, хоть и была захвачена Карелия. (Ликвидирован опасный плацдарм для возможного вторжения в ленинградскую область, по причине которого «колыбель революции» долгое время оставался приграничным городом.) Упреждающим ударом авиации и артиллерии сокрушить врага в развёртывании... Хорошо! Если не получилось – как дальше? Вот он нас и сокрушил, а мы? Только наступлению научены, а он в обороне себя сносно чувствует. Нас же обороне учили лишь в тактическом смысле. Считалось, что глубокая, эшелонированная оборона и тем более отступление – пережиток буржуазной стратегии. За такие мысли можно было загреметь в «отдалённый курорт», что на севере.

РККА накануне войны располагала 14 200 танков. В первые месяцы боёв потери составили до 12, 2 тысяч. Причём большинство танков было не уничтожено в боях, но брошено из-за нехватки горючего и ремсредств. Склады развёрнутых близ границ соединений проутюжила в первые часы вражеская авиация и артиллерия. Но у действующей армии оставалось еще 2 тыс. Кроме это 8 000 боевых машин расположились во внутренних округах. Немцы тоже понесли серьезные потери. Так в наступательной операции «Тайфун» приняло участие лишь 1700 с небольшим «роликов» из 3 350. Для перевеса в силах пришлось оставить попытки взять штурмом город-крепость Ленинград. Часть «панцеров» из группы армий «Север» были в срочном порядке переброшены на центральное направление. Ими были усилены части 2-й, 3-й, 4-й танковых групп. Вследствие этого они получили горделивое, но насквозь дутое название «танковые армии». Так был достигнут перевес – 1700 единиц бронетехники... Учитывая, что половину из них по прежнему составляли танкетки Pz. I с 7,62 мм «противотанковыми» пулемётами, а другая половина была представлена сотнями Pz II с 20-мм и 50-мм пушками, такое преимущество могло выйти боком. При умелом противодействии! Но его как враз-таки не было.

Кроме того, советская промышленность выпускала несколько сот танков в месяц. Поэтому даже после ужасающих потерь Красная Армия сохраняла превосходство в танках перед противником. Правда, на итогах боев это все равно не отразилось.

Против 9-го и 22-го мехкорпуса, выдвинутого в бой по частям, действовала 1-ая танковая группа в составе группы армий «Юг». Против 800 советских танков – до 600 германских с более слабым вооружением, бронированием и запасом хода. Более того – колонны снабжения и обслуживания Гудериана и Клейста безнадежно отставали. Частью машины низкой проходимости завязли в белорусской песчаной низменности. К тому же давали о себе знать отдельные очаги сопротивления, которые остались в тылах. На линии Луцк, Ровно и Каменец-Подольск произошло знаменитое, но малоизвестное танковое сражение. Оно на целых три недели сковало «дранг нах остен».

Впервые за историю блицкрига танкверфаге столкнулось с достойным противником. После того, как к русским подошло подкрепление (22-й мехкорпус), сражения завязалось с новой силой. На одну подбитую германскую единицу бронетехники приходилось до десяти советских танков. Всё потому, что части РККА вводились в бой по частям, без должной наземной и авиаразведки. Отсутствовала поддержка с воздуха. Советские танки, атаковавшие с ходу танкверфаге, попадали под убийственный огонь из засад. По ним работала противотанковая и самоходная артиллерия. С воздуха сыпали дождь из бомб и скорострельных пушек эскадрильи «штукас». Отсюда – столь ужасающие потери. Но отнюдь не из-за бесталанности или трусости (тем более, тупости!) советских младших и средних командиров, старшин, сержантов и рядовых. Они сражались как львы. Снискали себе славу в века. Как у товарищей, так и у врагов.

Как воевали танкисты на соседнем Юго-Западном фронте? Начальник автобронетанкового управления этого фронта генерал армии Вольский, направленный с инспекцией Ставкой верховного командования, провёл анализ боёв. Много критических замечаний досталось в адрес общевойсковых командиров. Учитывалась шаблонность в принятии решений на поле боя, когда всё решают «спасённые минуты». Эту болезнь командиры Красной армии подхватили во время финской кампании. Командиров дивизий, наступавших на ладожском направлении, маршал РККА Шапошников в своём докладе назвал «толстовцами» – они двигались тесными боевыми порядками, не выставив бокового охранения, не наладив войсковой разведки. Уничтожив финскую 4-ую дивизию в открытом бою, четыре советских дивизии стали жертвой артиллерийских засад и диверсионных групп. Танки попадали на минные поля. Всё это поразительно напоминало тактику германских войск в ходе блицкрига, а также будущие операции Катуква против 2-ой танковой группы. Но много было недочётов, допущенных непосредственно и командирами механизированных частей и соединений.

К ним прежде всего относились:

1. Штабы МК, ТД и ТП ещё не овладели должным оперативно-тактическим кругозором. Они не смогли делать правильные выводы и полностью не понимали замысла командования армии и фронта.
2. Не было маневренности – была вялость, медлительность в решении задач.
3. Действия, как правило, носили характер лобовых ударов, что приводило к ненужной потере материальной части и личного состава...
4. Неумение организовать боевые порядки корпуса по направлениям, прикрывать пути движения противника, а последний главным образом двигался по дорогам.
5. Не было стремления лишить противника возможности подвоза горючего, боеприпасов. Засады на главных направлениях его действий не практиковались.
6. Не использовались крупные населённые пункты для уничтожения противника и неумение действовать в них.
7. Управление, начиная от командира взвода до больших командиров было плохое, радио использовалось плохо, скрытое управление войсками поставлено плохо...
8. Исключительно плохо поставлена подготовка экипажей в вопросах сохранения материальной части. Имели место случаи, когда экипажи оставляли машины, имеющие боеприпасы, были отдельные случаи, когда экипажи оставляли машины и сами уходили.
9. Во всех частях и соединениях отсутствовали эвакуационные средства, а имеющиеся в наличии могли бы обеспечить МК и ТД только в наступательных операциях.
10. Личный состав новой техники не освоил, особенно КВ и Т-34, и совершенно не научен производству ремонта в полевых условиях. Ремонтные средства танковых дивизий оказались неспособными обеспечить ремонт в таком виде боя, как отход.

11. ...Отсутствие штатной организации эвакуосредств приводило к тому, что эвакуация боевой материальной части... отсутствовала.

12. Штабы оказались малоподготовленными, укомплектованы, как правило, общевойсковыми командирами, не имеющими опыта работы в танковых частях.

13. В высших учебных заведениях (академии) таких видов боя, с которыми пришлось встретиться, никогда не прорабатывалось, а это явилось большим недостатком в оперативно-тактическом кругозоре большинства командного начсостава». (Этот материал опубликовал в 2000 году Игорь Дроговоз.)

В отчёте Вольского, что был представлен как генштабу, так и политбюро ЦК РКП (б), а значит лично Сталину, указывалось и другое. Немецкая тактика, с которой столкнулись советские танковые и механизированные соединения, была намного эффективнее. Во многом – по причине заимствований, которые были сделаны генералами панцерваффе, стажировавшимися в 20-х годах на советских танковых полигонах. Немецкая панцерная группа напоминала собой «ежа». Следуя принципам единого комплектования, что были разработаны советскими военными теоретиками Свечиным и Триандафиловым при участии бывшего офицера царского генштаба Шапошникова, советника Сталина, германские панцерные группы сочетали в себе все рода войск. Подчинялись единому управлению. При попытках атаковать их, группы немедленно ошетинивалась многочисленной артиллерией. В воздух подымались армады «штукос», мотопехота спешивалась с грузовиков и бронетранспортёров, открывала бешеный огонь, защищая драгоценные танки. Так выглядело полное взаимодействие всех родов войск, которого не хватало во французской, британской, а также польской армиях. Таким был инструмент блицкрига.

Вот такие кричащие факты... Цимес, как говорят и пишут евреи, был в том, что генерал армии Вольский являлся талантливым учеником и преемником создателей теории механизированных и танковых соединений. Триандафилов погиб в авиационной катастрофе, которую по имеющимся данным подстроил маршал РККА Тухачевский, «подметённый» во времена «великой чистки». Свечина арестовали первый раз в 1931 году. Он был уличён как активный участник ложи «Великого орла», состоявшей из бывших царских и белогвардейских офицеров, перешедших на сторону советской власти. Ложа имела целью реставрацию монархии в России. Но в 31-м году Свечина не тронули. Отпустили, восстановив в должности. До 37-го года он оставался в немалых «красных чинах» и преподавал в военной академии им. Фрунзе. Но «ежовые рукавицы» прибрали его окончательно. Но обратим внимание! Генерал Вольский – один из уцелевших в сталинской «чистке» толковых танковых командиров. В дальнейшем он командовал танковыми корпусами и армиями. Никто его не тронул. Судя по его докладу, что был написан в исчерпывающем, почти гудериановском стиле, он имел какое-то отношения к советско-германскому сотрудничеству.

Пройдя сквозь фильтрацию особого отдела, вновь приданному НКВД, Катуков получил новое назначение – командовать танковым полком при 1-ом гвардейском стрелковом корпусе. Хмыкнув, он почесал свой упрямый затылок. Слово гвардия... Чем-то старорежимно-торжественным дунуло от него! Ранее «гвардия» считалась пережитком царизма и белогвардейщины. Но нынче товарищ Сталин возродил его, как возродил другие явления: Отечество, казачество, генеральские звания.

А на фронтах бушевало. 2-я танковая группа после разгрома войск Западного фронта была повёрнута в тыл Юго-Западного фронта. Начался разгром киевской группы РККА, которая имела в своём составе до 800 танков, тысячи орудий и миномётов и многочисленные запасы. По началу Гудериан вёл себя странно: отчего-то повернул свои «ролики» в Крым. Там увяз в затяжных, кровопролитных боях за Керчь. Жуков, отстранённый Сталиным с поста начальника генштаба и разобидевшийся на того всерьёз, организовал мощный таранный удар под Ельней. Под предлогом ликвидации опасного, с его точки зрения, ельнинского выступа, могущего послужить трамплином для наступления вермахта на Москву. Потеряв до 80 000 человек убитыми и ранеными, половину танков сожженными, он сумел отбить город. Германские потери, понесённые наполовину от огня советской артиллерии, составили до 70 000 человек по советским данным и 45 000 по германским. Пикантности ради, следует уточнить, что назавершающей стадии Ельнинской операции кроме нескольких самоходных штурмовых установок настильного огня Stug 39, оборонявшие выступ пехотные дивизии вермахта не имели ни одного танка. Хотя, по воспоминаниям Гудериана, там некоторое время сражалась 10-я панцердивизия. Потеряв треть своих танков, она была отведена в тыл.

...Итак, видя бездействие русских на центральном направлении, войска Клейста и Гудериана, уничтожили киевскую группу войск. После этого, в «котельную битву» угодили пять советских армий Брянского фронта. Началось наступление на московском направлении. Чего рьяно, но тщетно добивался на словах Гудериан после победы в Белоруссии. Хотел массированным ударом продвинуться в центре. «...Наша главная цель это – Москва! – считал он. – Если мы затеяли эту войну, то до первых холодов обязаны захватить русскую столицу». Тем более, что все сроки исполнения Директивы №1 имени Фридриха Барбаросса давно прошли. По этому поводу у «быстроходного Гейнца» случился нешуточный конфликт с командиром 4-й армией при группе армий «А» генерал —фельдмаршалом фон Клюге. Тот родился 30 октября 1882 в Позене (Познань) Его, как и Гудериана, связывала Польша. (Участник 1-й мировой войны. В 1935-м, в звании генерал-майора, был назначен командующим 6-м военным округом. В 1938, за поддержку генерала Вернера фон Фрича, уволен в отставку. В 1939-м фон Клюге вновь был призван на службу. Командовал 6-й армейской группой во время захвата Польского коридора. В 1940 переведен на Западный фронт.) Клюге, стараясь оправдать значение своей фамилии (Klug – умный), отослал в главное командование сухопутных сил (Oberkommando der Vermaht) свои соображения. Они полностью противоречили наступательному порыву «великого сына германского народа». Штабист фон Кейтель недвусмысленно намекнул «умному», что надо бы заткнуться. Тот продолжал гнуть свою линию. По мнению этого военного аристократа, вермахт понёс большие потери. Кроме того танковые группы не смогут форсировать успех. Даже, если осенью удастся захватить Москву и Петербург, впереди – необъятные территории. У русских – огромные людские и материальные резервы. Большая часть населения... После этого над полуседой головой фельдмаршала снова нависла тень Вернера фон Фрича.

Положение кое-как спас генерал-полковник Гудериан. Он... вызвал фон Клюге на дуэль. Без всякого серьезного повода, командующий 4-й армией был подвергнут упрёку. В вину фон Клюге ставились неверие в успех на востоке, а также медлительность действий на юге России, из-за чего полуостров Крым продолжал оставаться в руках большевиков. Их бомбардировочная стратегическая авиация наносила удары по базам снабжения и коммуникациям вермахта в Запорожье. Бомбы также сыпались на нефтепромыслы Плешети в Румынии. Какой-то невиданный самолёт с подвешенными под крыльями истребителями, под крыльями которых были 600 граммовые бомбы, в считанные секунды разбомбил нефтепровод Констанца. Это снизило темп «роликов» и сопутствующей им техники.

Словом, в образцовой германской армии такое случалось редко. Вернее, не случилось вовсе. Генерал-полковник и генерал-фельдмаршал (оба родом из Польши) «собачились» в течение недели. Их язвительные разговоры по каналам ВЧ были недопустимы. Дошло до формально вызова. Перчатку первым бросил Гудериан. Всё дело было в выборе оружия. Как два «фенриха» они собирались либо обнажить палаши, либо стреляться из личных пистолетов системы «Вальтер». Но дальше планов дело не дошло. Вмешался фюрер, который расставил все точки над «i». Гудериан и Клюге остались в живых. Даже не покалечили друг друга. Кто знает – состоялся бы поединок, как бы сказался его исход в боях под Вязьмой и под Москвой!

24-й моторизованный корпус без существенных потерь захватил Орёл. Был готов двигаться на Тулу и далее – на Москву. Но тут произошло НЕЧТО! Фюрер, всегда мнивший себя великим (на пару с рейхсмаршалом Герингом) стратегом, замахнулся на Северную Пальмиру большевистской России. А именно – бывший Петербург. Специально для этих целей из Прибалтики была переброшена 4-ая панцерная группа генерал-полковника Гота, которую планировалось задействовать в дальнейшем «дранг». Но без её танков и бронемашин «дранг» явно откладывался. Тем более, явным идиотизмом было изматывать военную технику, двигатели которой были порядком изношены! Моторесурс «роликов» вермахта без русского бездорожья не превышал 150 км/час. Особенно быстро изнашивались пулемётные танкетки, чехословацкие танки и прочая сопутствующая им автомобильная мелочь. Русское бездорожье только ускоряло коррозию двигателей. Так, Pz IV имел запас хода по шоссе 200 км/ч, а по бездорожью, каковым в России никого не удивишь, всего 130 км/ч. Скорость его по шоссе составляла 40 км/ч, тогда как по колдобинам и ухабинам России этот панцер «пёр» за один час едва на все двадцать. Прочая техника имела ещё меньший запас хода и скоростные данные. После разгрома киевской группировки, по настоянию генерала Йоделя часть «роликов» (20% от числа потерь!) пришлось ставить на полевой ремонт. Выручили бы трофейные русские панцеры. Однако трудность состояла в том, что не хватало как механиков и водителей, освоивших эту технику, так и эвакуационных средств. В составе 2-й панцерной группы насчитывалось всего десять «руссише панцерс», в числе которых были KB-1, KB-2, BT-5, BT-7, T-26. Триста танков T-34, захваченных в цехах танкового завода в Харькове необходимо было не просто освоить, устранив конструктивные недоделки. К ним полагались запчасти и дизельное топливо, которого в рейхе попросту не было. Большая часть германского транспорта и танков работало на карбюраторных двигателях и не было знакомо с изобретением Рудольфа Дизеля.

* * *

Приступив к комплектованию танковой бригады 1-го гвардейского стрелкового корпуса, Катуков схватился за голову. Даже заматерился. Так, что у бывалых танкистов уши запылали. Войска были собраны, что называется, с бору по сосёнке. В составе корпуса числились следующие подразделения: мотоциклетный полк со 150 мотоциклами – майор Танасчишин, Тульское артиллерийское училище (152-мм гаубицы, 76- и 45-мм пушки), 34-й пограничный полк НКВД – подполковник Пияшев, 6-я гвардейская стрелковая дивизия – генерал-майор К. И. Петров, 4-я и 11-я танковые бригады, 201-я воздушно-десантная бригада – подполковник С. М. Ковалев. Сколачивать и обучать войска не было времени. Надо было сразу воевать. Первым существенным соединением, прибывшим на позиции 4 октября 1941 года, была 4-я танковая бригада. В своём составе она имела: танковый полк из 49 BT-7 М, BT-5 и BT-2 – майор Еремин, 3 танка T-34 из резерва бригады, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион (16 орудий), транспортную и ремонтную роты, а также другие специальные подразделения.

Полковник обошёл строй вверенного ему воинства. Осмотрел не первой свежести танки, над которыми потрудились мастера-механики. Вглядывался в лица танкистов. Молодые, безусые мальчишки. Лет 18—20... Ему вспомнился умирающий германский танкист под Клеванью. Тому было не меньше. Если пойду с ними на лобовую – панцеры Гудериана нас сомнут и опрокинут. Но если сделаю то, о чём говорил с Вольским из автобронетанкового... У немцев, коих мы фрицами стали обзывать, таких, как тот панцер-гауптман, что работал на нашу военную разведку, похоже хватает.

– Да, навоюешь тут с вами, – в сердцах молвил полковник. После смотра он вызвал командиров батальонов в штаб. – С нами, я хотел сказать. Ваши предложения, мужички-славяне? Как будем гадов бить? – видя, как молодые, ершистые парни-лейтенанты переглядываются, продолжил: – А что вы пялитесь друг на друга, как девки на выселках? Перед нами – целая танковая армия герра Гудериана, из которого нам партия и правительство поручили сделать хера. Что б ни хера у него не вышло, значит, – все заулыбались. – Неужто не понятно? А у нас пока – полный или частичный некомплект. По всем статьям, – он посмотрел на портрет товарища Сталина, что был вырезан из передовицы «Правда», вклеен в рамочку и водружен на стену. – Предложения, мысли? Всё готов выслушать. Молчания не потерплю.

– А ты особо не печалься, командир, – выступил вперёд рослый лейтенант Лелюшков. Командир 1-го танкового батальона, которому предстояло стать «истребительным». – Во-первых нам скоро подкрепление обещали. Во-вторых, – он провёл карандашом по расстеленной по столу карте, где кудряво зеленели леса, – у нас явное перед ними преимущество. Не в численности, конечно. Пока...

– Ну, не тяни, – оборвал его философствования полковник.

– Товарищ командир! Местность на нашем участке фронта очень лесистая. Много оврагов. Все дороги проходят через лесные массивы. Враг не сможет придерживаться традиционной тактики: совершать массированные броски в развёрнутом состоянии. Здесь можно двигаться только в походном строю с боевым охранением. Они так и поступят, если не дураки. А мы вот что сделаем, – карандаш Лелюшкова вычертил на танкоопасных направлениях вокруг Мценска «решётки» танковых позиций. —Рассредоточим наши коробочки на пути движения ганцев. Оборудуем с десятков замаскированных полевых позиций. Благо, что сверху их авиаразведка нас не заметит. Как только покажутся их колонны, огня не открывать. Пусть окажутся в перекрестье наших секретов. Как только это произойдёт – огонь на поражение. Причём от смены позиций в ходе боя зависит – сохраним мы наши танки или нет...

– Делить силы? – возмущённо протянул кто-то. – По-моему, это не разумно. Атаковать надо сплочённо, создать мощный танковый кулак...

– Ну да, – хмыкнул Катуков. – Чтобы противник грамотно выстроил противотанковую оборону и расшелкал нас как семечки. Проходили уже! – он стиснул зубы. Воспоминания заволокли его душу. – Как мыслишь вести огонь по вражеским машинам? – обратился он к юному комбату.

– Да очень просто, – улыбнулся Лелюшкова. – Их надо парализовать в движении. Что б колонна забуксовала на месте. Миной этого не сделаешь. Вызовут сапёров, разминируют путь. Повреждённый танк или транспортёр отбуксуют в тыл. А главное – мы их предупредим! Огонь мыслю таким образом: первая группа при заходе врага в систему наших засад отвлекает всё

на себя. Обстреливает головные машины фрицев. Тут же вступает в бой аррьергард. Уничтожает тылы. Те, что по флангам расстреливают скученные на дороге танки, автомашины с пехотой и тягачи с артиллерией. Они и развернутся не успеют на нашем бездорожье! Не то, что атаковать! Так мы их и побьём.

– Их боевое охранение мои ребята примут на себя, – выступил вперёд начразведки в чёрном ватнике, перекрещенном ремнями. – Дадим проследовать вперёд. Сыграем в «театр». Ребята якобы сдаются в плен. Фрицы с этого дела сомлеют. Передадут по радио, что мы, то есть противник, деморализован. «Пленные» отвлекут их внимание, а основная группа уничтожит боевое охранение.

– А не подорвёт ли такой сценарий веру бойцов и командиров... – начал было комиссар, но Катукоев показал ему кулак.

Особист, взиравший на происходящее из своего угла, только усмехнулся. Был он человеком не глупым и полагал, что в дела стратегии и тактики лучше не лезть. Можно поскользнуться, упасть и больно расшибиться...

Первый бой превзошёл все ожидания. Молодые танкисты удивлялись: отчего-то немцы даже не выслали ни дозора, ни боевого охранения! Отчего-то, почему-то... Катукоев только весело улыбался и загадочно теребил пальцем мочку уха под шлемом. В своей командирской «тридцатьчетвёрке» он получал с мест засад непрерывные радиосообщения. Немецкая колонна численностью в сто единиц средних и лёгких танков, а также транспортёров с пехотой, грузовиков снабжения, противотанковой и зенитной артиллерией выдвинулась по прямой к Мценску. Как только передовые танцы прошли авангард засады и вся колонна оказалась в перекрестье наших прицелов, началось побоище. Командир 2-го батальона майор Рафаилов вывел свои «бэтухи» из лесу. К тому времени, головные танцы уже были подожжены меткими выстрелами танкистов Лелюшкова. Позади работали танки, скрытые в своих капонирах. Из окопчиков, что отрыли по периметру всей дороги, технику с белыми мальтийскими крестами разила полевая и противотанковая артиллерия, бронебойщики из ПТР. Снайперы уничтожали германских офицеров, артиллеристов, что пытались развернуть короткоствольные Pak 35/36. БТ-7 М, вооружённые 45-мм пушками, со скоростью 80—100 км\час не давали скученным танцам никакого шанса. Пытаясь развернуться в грязи на узкой колее, те лишь сталкивались друг с другом, калеча оптику. Командирские Pz III, как правило, были снабжены макетами орудий. Кроме этого по трансмиссии и заднику башни их покрывал алый стяг с паучьей свастикой в белом круге. Это было как мишень! Их уничтожали в первую очередь. Pz I с пулемётными башенками поражали бронебойно-зажигательными «желтоносиками», что были в подсумке каждого бойца, а также из тяжёлых пулемётов ДШК. Немногочисленные Pz IV Ausf A-D с 75-мм короткоствольными пушками (75мм KwK 37 L/24) не могли составить серьёзную конкуренцию «руссише танцерам». У них был медленный поворотный механизм в башнях. К тому же короткоствольные пушки, напоминающие окурки, были изначально приспособлены для стрельбы на короткие дистанции: имели низкую полётную дальность и высокую траекторию выстрела. Вёрткие БТ-7 им были явно не по зубам. Орудия тех давали в среднем 15 выстрелов в минуту. Стреляя на виражах, «бэтухи» поражали скучившиеся танцы в корму и борта, рвали снарядами гусеницы. Благо, что броня гитлеровских «коробочек» не превышала 10—30 мм. Состоящие на вооружении танцераффе уникальные боеприпасы (Pzgr.39 – подкалиберный бронебойный снаряд, Pzgr.40 – бронебойный снаряд с вольфрамовым сердечником) с проникновением в броню 90—100 мм не сыграли никакой существенной роли.

Несколько дней танки и мотопехота Гудериана предпринимали тщетные попытки пробиться сквозь узкое, поросшее лесом дефиле у Мценска. Но танкисты, пехотинцы и артиллеристы 1-й гвардейского корпуса воспрепятствовали этому удовольствию. Катуков таким образом навязал противнику свою тактику. Он уже мог тренировать из танковых засад молодое необстрелянное пополнение. Так в разгар страшных боёв октября 1941 года, после уничтожения киевской группы войск и пяти советских армий под Вязьмой и Брянском, силами одной танковой бригады и приданных ей немногочисленных подразделений была остановлена целая танковая группа. Исходя из численности 2-й панцерной армии, что вступила в операцию «Тайфун» в составе 600 танков, подвиг танкистов-истребителей и танковых снайперов бригады Катукова отдавал чем-то запредельным. В отчётах командира уничтоженной 4-й панцердивизии, оставшейся почти без «роликов», появились строки о «летающих по воздуху русских танках», что «скачут по холмам, перепрыгивая на широких гусеницах каналы и ямы». Снаряды «отскакивали от покато́й брони». Причём, во всех документах, оправдывающих трагедию под Мценском, фигурировали лишь «62-тонные Кристи», то бишь исключительно Т-34. Хотя все стенания фон Лангерманна побивались одним: он не выставил, подобно русским «толстовцам» на Ладожском направлении, в феврале 1940-го, боевое охранение на флангах и авангарде. Не провёл должным образом войсковую разведку. Почему-то...

В ходе скоротечного боя 4-я панцерная дивизия генерала фон Лангерманна фактически перестала существовать. А 4-я танковая бригада полковника Катукова из 1-го гвардейского корпуса потеряла 33 танка БТ. Безвозвратно сгорели лишь семь. Остальные 26 машин были восстановлены. Серьёзные потери понес мотопехотный батальон. Его пришлось срочно пополнять новобранцами. Наградами были отмечены все командиры и наводчики. Особенно обласкан был Лелюшков – одним из первых был удостоен звания «танковый снайпер»...

* * *

Из воспоминаний полковника М. Катукова:

«Всё, чем я располагал, – это два батальона – 46 танков, включая батальон танков БТ-7 со слабой броней и вооружением.»

«По штату нам полагались танки последнего выпуска Т-34 и КВ. Их обещали поставить в июле сорок первого. А пока весь наш парк состоял из 33 учебных подержанных и побитых БТ-2, БТ-5. Другие части дивизии тоже были недоукомплектованы. В артиллерийском полку имелись только гаубицы. Мотострелковый полк вообще еще не получил артиллерию, а понтонный батальон – понтонный парк. Батальон связи располагал лишь учебной аппаратурой. Словом, дивизия еще была далеко не укомплектована людьми и техникой.»

«Бригада формировалась из экипажей 15-й танковой дивизии. Незадолго до меня в лагерь прибыла специальная комиссия из Москвы, в задачу которой входило отобрать наиболее опытных и проверенных механиков-водителей, башенных стрелков, радистов, командиров и политработников. Вскоре бригада стала получать материальную часть со Сталинградского Тракторного завода. Первый батальон получил тридцатьчетверки.»

«...Продолжавший сопровождать меня полковник Богданов жаловался, что дивизия оснащена только устаревшими и сильно изношенными танками. Половина из них может быть использована лишь в качестве учебных. Большинство имеет на вооружении 45 миллиметровые пушки, но у некоторых остались 38-миллиметровые пушки «Гочкиса» или только пулеметы.

– Бронебойных снарядов очень мало, – продолжал он. – В экипажах по одному – два бойца из запасных. Опытных танкистов при формировании дивизии поставили на должности среднего комсостава, командиры танков стали командирами взводов, механики-водители – помощниками командиров рот по технической части. Штабы полков еще два месяца назад были штабами батальонов.

– По вашему докладу можно сделать вывод, что танковая дивизия стала слабее танковой бригады, из которой она развернулась, – заметил я. – Между нами говоря, так оно и есть, – доверительно сказал Богданов. – Ведь если бутылку вина разбавить тремя бутылками воды, это будет уже не вино...»

Из докладной помкомандующего ЮЗФ генерал-майора Вольского о причинах поражения танковых войск ЮЗФ от 05.08.1941 г.:

«1. С первого же дня войны мехкорпуса были неправильно использованы, ибо все были приданы армиям...

2. Все боевые действия мехкорпусов происходили без тщательной разведки, некоторые части совершенно не знали, что происходит в непосредственной близости. Авиационной разведки в интересах МК совершенно не велось. Управление мехкорпусами со стороны общевойсковых командиров было поставлено плохо, соединения были разбросаны (8 МК) и к моменту наступления были оторваны друг от друга. Штабы армий совершенно не были подготовлены к управлению такими крупными механизированными соединениями, как мехкорпус...

3. Штабы армий совершенно забыли, что материальная часть имеет определенные мото-часы, что она требует просмотра, мелкого ремонта, дополнительного пополнения горючим и боеприпасами, а технический состав и начальники АБТО армий не подсказали им этого, и вместо того, чтобы после выполнения задачи отвести мехкорпуса, предоставив им время, необходимое для этой цели, общевойсковые командиры требовали только давай и больше ничего. Не было совершенно взаимодействия с воздушными силами. Мехкорпуса совершенно не имели прикрытия как на марше, так и на поле боя, особенно плохо обстоял вопрос об одновременной обработке переднего края артиллерией и авиацией.

4. Информация сверху вниз, а также с соседями была поставлена из рук вон плохо. Война с первого дня приняла маневренный характер, противник оказался подвижнее... Крупнейшим недостатком было то, что приказы очень часто насаивались, в них подчас конкретные задачи не ставились, а частая смена обстановки подчас приводила к тому, что штабы армий совершенно теряли управление МК».

Из мемуаров Д. И. Рябышева, командира 8-го мехкорпуса:

«Примерно за десять дней до начала войны у нас побывал начальник этого управления (автобронетанкового — Авторы) генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко. Я просил у него разрешения провести учения на новых боевых машинах, чтобы механики-водители попрактиковались в вождении своих танков, но он не разрешил и намекнул, что в ближайшем будущем могут возникнуть условия, когда практики у всех будет с избытком. Для этого и надо приберечь моторесурс.»

* * *

...На рассвете, Гудериан, подчиняясь директиве штаба группы армий «Центр», отдал приказ о переходе в наступление. Его 2-ой панцирной армии надлежало захватить Тулу. Выйти на Коломну и Каширу, охватив Москву в кольцо. С левого фланга подобную задачу выполняла 3-ая панцирная армия генерал-полковника Эриха Гепнера, наступавшая на Волоколамск. Получив приказ от командования «группы «А», он был невероятно раздасован. Даже зол. Во всяком случае, ни кого ни таясь, он связался с Гейнцем Гудерианом по полевой связи высокой частоты:

– Гейнц, дружище! Ты веришь мне, старому солдату, что Москва – слишком крепкий орешек, чтобы разгрызть его? Если мы ломаем все наши стальные зубы?

– Думаю, что ты прав, – тактично подтвердил версию друга Гудериан. – Ты прав в одном: русские друзья будут сражаться стойко. Так, как они ни сражаются на танковых полигонах...

Операции «Тайфун», которую «быстроходный Гейнц» возненавидел всем сердцем и душой, предшествовала (как нельзя кстати) ещё одна досадная неудача. Используя незнание германских солдат и офицеров, а также специальные оперативно-технические приемы, «русские друзья» уничтожили две реактивные установки, которые называли «катюшами», что были брошены при отступлении.

Дело было так... Вступившие в Мценск Panzer Grenadiers (после злосчастного побоища) играли на губных гармошках. Фотографировали друг друга на фоне русских церквей. (Возможно, в объектив попал тот дом, где по преданию, злобная купчиха извела мужа, удушила свое дитя, чтобы быть брошенной любовником на этапе в Сибирь. Во всяком случае, читавший «Леди Макбет Мценского уезда», Гейнц Гудериан допускал такую возможность.) Развлекались тем, что город пал к их ногам безо всякого сопротивления. Несколько русских Т-34 атаковали зазевавшихся героев. Как и прежде, прямые (то есть лобовые) попадания германских противотанковых пушек, прозванных в вермахте «армейскими колотушками», не причинили им никакого вреда. Тем временем «тридцатьчетверки» преспокойно распластав своими широкими гусеницами машины ЗИС-5 с «рельсами» (именно на них крепились реактивные снаряды), убрались восвояси. Будто их и не было в помине... Шести и девяти ствольные реактивные минометы Вернера фон Брауна еще не были запущены в серийное производство. А русские применили свои БМ-13 уже 6 июля 1941 года под Оршой (Смоленском). Тогда, от залпового огня, покрывшего все небо струями огня, черно-красным дымным пламенем, понесла серьезные потери танковая часть 2-ой панцирной группы.

Хотя на вооружении частей химических миномётов вермахта состояли 158-мм шестиствольные пусковые установки 15 cm Nobelwerfel 41, запустившие реактивные снаряды ещё 22 июня 1941 года, их применение оставляло желать лучшего. Радиус действия этих «машинок» был крайне низок. Установки приходилось выдвигать к передовой, где они были уязвимы для огня вражеской авиации и артиллерии. Русские вскоре окрестили шестиствольные миномёты «ишаками», а позднее «ванюшами», выразив тем самым своё отношение к детищу талантливого германского инженера, что, начитавшись трудов Циолковского и романов Жюль Верна, мыслил создать болид для полётов в космос. Однако, будучи штурбаннфюрером SS, фон Браун вскоре создаст на секретной базе Пенемюнге иное детище – ракетные снаряды V – I и V – II.

Гудериан сам прибыл в Мценск. Критически осмотрев пробоины на Pz-III и Pz-IV, он сделал жестокий, но правдивый вывод. Если у «русских коллег» будет хотя бы тысячу Т-34 на каждом участке (пусть и Сибирского) фронта, дела вермахта будут портиться на глазах. Не говоря уже о БМ-13, танках КВ...

Даже если ему удастся, пользуясь временным превосходством, соединиться с панцирными клиньями генерал-полковника Гепнера. О капитуляции большевистской столицы нечего было думать. Гудериан как никто другой знал характер русских. Коммунистический дух крепко укоренился в местном населении. Большинство жителей воспринимали германцев как оккупантов. Они слышать не хотели ни о каком «освобождении» от комиссаров и евреев, а также об установлении германского Ordnung. Скорее всего, доктора Геббельса ввели в заблуждение его русские друзья при имперском министерстве пропаганды, с подачи англичашек и их американских покровителей...

При этом его память оживила некоторые картинки. Под Слонимо (Западная Белоруссия) летом 1941 года штабная колонна 2-ой панцирной группы двигалась под усиленной охраной мотоциклистов и бронетранспортеров. С обеих сторон горел лес, подожженный бомбами люфтваффе. Воронки разной величины, брошенное русскими оружие и снаряжение, тяжелая техника... Его внимание привлекли одиноко бредущие по обочине женщина в берете с двумя малышами. Мальчики в шортах с подтяжками, на голое тело. У одного на головке была тряпка, пропитанная кровью. Они брели по этой обугленной, горящей земле босыми, сбитыми в кровь ногами. Сердце Гейнца Гудериана сжалось. Он толкнул плечо водителя своего «Мерседес – Бенц» – вездехода на усиленном ходу. Вся колонна замерла, как вкопанная. Солдаты-жандармы с начищенными бляхами поверх мышисто-синих прорезиненных накидок рассыпались вдоль шоссе. Хлопнула стальная, окрашенная в извилистую линию дверка... Гудериан до конца своей жизни (так ему казалось) будет помнить этот разговор. Присев на корточки перед двумя испуганными детьми, он протянул им плитку шоколада. Они еще плотнее прижались к матери. Обняли ее за ноги, что были скрыты обгоревшим шелковым платьем. «Простите, фрау... Вы говорите по-германски?» – обратился он к женщине. «Говорю, – сказала она с ужасным произношением, не глядя. – Я жена батальонного комиссара. Вихров Николай Ильич, мой муж, погиб 22 июня под бомбами, – прошептала она сквозь запекшиеся губы. – Вам нужна моя жизнь? Возьмите ее... – она пронзила Гудериана взглядом своих постаревших, но прекрасных, голубых глаз, обведенных сеточкой морщин. – Пожалейте детей...» Ему потребовалось многих усилий, чтобы успокоить эту несчастную вдову. (По всей 2-ой панцирной группе он отменил приказ фюрера, который предписывал уничтожать комиссаров-политработников. К русским пленным его солдаты и офицеры относились гуманно.) Она наотрез отказалась занять место в штабном автобусе. Мальчик нерешительно, склонив забинтованную головку, взял из руки генерал-полковника вермахта плитку шоколада. В его маленькой руке Гудериан рассмотрел смятую синюю листовку с германским текстом. «Русские жители! Германские войска пришли к вам с великой миссией – освобождение от кровавой сталинской тирании...» В конце значилось: «...Помните, что лес может быть заминирован большевиками по указанию еврейских комиссаров. Не заходите в него. Дождитесь германских саперов...»

В конце того же дня у самого города два «красных Кристи» (так в вермахте называли танки БТ) атаковали его штабную колонну. Объятая пламенем и дымом, взлетела на воздух бронемашина с радиостанцией, украшенная по стальному радиатору белым мальтийскими крестом. Он был в двух метрах от взрыва. Прижавшись вместе с другими офицерами к земле, Гудериан едва остался жив. Два маленьких, юрких танка с красными звездами на круглых обрешетчатых башенках, поливая огнем из 45-мм пушек все живое, стремительно двигались

по шоссе к городу. Таранили и опрокидывали автомашины и мотоциклы, сминая их своими широкими гусеницами. Их удалось уничтожить лишь в самом Слониме...

Уже, будучи в Ясной Поляне (имении покойного графа Льва Толстого), просматривая оперативные документы, Гудериан наткнулся на приказ по 1-ой танцеровной группе, подписанный генерал-полковником Эвальд фон Клейстом. Тем самым, что по-человечески обошелся с пленным майором Гавриловым, «последним» защитником крепости в старинном польско-белорусском городе Брест-Литовске. По его приказу, «героя Красной армии» (со слов самого Клейста) положили в германский военный госпиталь. Позднее в «*Volkischer Beobachter*» появилась статья Ганса Фриче, помощника рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса. На первой полосе был опубликован снимок изможденного советского офицера и стоящего рядом с ним Эвальд фон Клейста. Подвиг «красного героя» был описан во всех подробностях... Подобно Гудериану, командир 1-ой танцеровной группы запретил начальникам охранных и полицейских частей SS, состоящих при его штабе, уничтожать советских политработников, коммунистов, а также евреев. Приказ, который «быстроходный Гейнц» держал в руках, свидетельствовал о поражении третьего рейха в начале «русского блицкрига». Сарказм и неприкрытый смысл, повествующий из этих строчек, были суровым предостережением для вермахта и всей Германии. Гудериан перечитывал этот документ вновь и вновь:

ПРИКАЗ ПО 1-ОЙ ТАНКОВОЙ ГРУППЕ

26.6.41.

Слухи о прорвавшихся советских танках вызвали панику в тыловых службах.

Я приказываю:

1. Необходимо поучением, приказом и угрозой наказания указывать на последствия паники.

2. Против каждого зачинщика или распространителя паники должен применяться военный суд. Обвиняемый обвиняется в непослушании или трусости.

3. Каждый офицер обязан на каждом признаке паники действовать строжайшими средствами, при необходимости применять оружие.

4. При танковой угрозе отдыхающие колонны должны защищаться поперек поставленными машинами.

Я запрещаю:

1. При тревоге употреблять панические выкрики, как: «Танки прорвались!» Все привести в безопасность. Должны лишь применяться приказы и команды, как: «Внимание, взять винтовки и шлемы», «По местам» или подобное.

2. Автомашины или колонны, которые бегут, необходимо вернуть обратно. Движение должно быть только планомерное, должно проводиться в полном спокойствии.

3. Водителям автомашин нельзя удаляться от непосредственной близости, где находятся автомашины. В противном случае целые колонны могут стать неподвижными.

Подписал фон Клейст.

Впрочем, фон Клейсту были известны приказы и посмешнее. Например №121 от 2.8.1941, что запрещал «петь русские песни: „Катюша“, „Полюшко“, „Три танкиста“ и другие». Его автором являлся министр пропаганды 3-го рейха доктор Геббельс. Клейст и Гудериан, как впрочем и другие генералы вермахта, только усмехались на этот счёт. «Катюшу» германские солдаты продолжали петь. «Выходила на берег Катюша, на высокий на берег крутой... И бойцу на дальней пограничной ты, Катюша, передай привет...» Не так давно, когда после сентябрьского пакта о ненападении от 1939 года обе державы слились, казалось, в нерушимом союзе, советские парторги и пропагандисты доказывали, что НСДАП рабочая партия. Их германские коллеги всю пропагандировали советский образ жизни. Германские семьи выезжали на загородные пикники. Они расстилали на траве чистые скатерти со снедью и распевали те самые русские песни, которые теперь находились под запретом. Как переменчива бывает судьба!

Почему «Катюша» была так дорога германским солдатам? Наверное потому, что слова другой, не менее легендарной песни, были в чём-то созвучны ей. «Меня и все желанья, войдя в земную глубь, пробудит заклинанье твоих влюблённых губ. Труба играла нам отбой, а я опять, опять с тобой. Лили Марлен, Лили Марлен...» Автора и исполнителя этой песни, Лили Армстронг, вызвал к себе доктор Геббельс. Прослушав запись на берлинском радио, он пришёл в неопишемую ярость. «Это похоронный марш, а не боевая песня!» – заорал он. Был подготовлен запретный циркуляр и на этот счёт. Но... Было слишком поздно. Одной лишь трансляции хватило, чтобы «похоронный марш» подхватил весь вермахт. Чуть хриловатый, но женственный, огромной чувствительности голос проник в сердца солдат и офицеров.

Позже, будучи с частями 2-й панцерной группы в Ясной поляне, Гудериан так и не отдал приказ о сохранении этого уникального музея-заповедника. Лишённая топлива, его армия

насчитывала сотни обмороженных. Прошедшая всю Европу почти безостановочно техника стыла и останавливалась без зимней смазки в двигателях. Солдаты и офицеры не колеблясь рубили топорами бесценную мебель графа Толстого и жгли её в топках. Также они поступали с книгами из домашней библиотеки. Они разводили костры под днищами танков, бронетранспортеров, грузовиков и тягачей, чтобы их моторы не успели замёрзнуть. Тем не менее «быстроходный Гейнц» был не против, когда адъютант, учивший русский на курсах в Цоссене, взял томик «Война и мир» с золотым корешком. Раскрыл и принялся читать в слух по германски.

Гудериан побывал на подступах к Мценску. Там, где была уничтожена в кровопролитном бою 4-я панцерная дивизия генерала фон Лангерманна. Он с сожалением осматривал остовы развороченных машин. Со свёрнутыми набор башнями, скошенными пушками. Русские безвозвратные потери составили всего четыре БТ-5 и один БТ-7. Ещё большее сожаление вызывали в нём трупы. Солдат и офицеров. Русских и германских...

Многих своих Panzermann он знал в лицо. Еще до перехода русской границы 22 июня 1941 года он объехал сомкнутый строй 2-ой панцирной группы. Застывшие в сумрачном, влажном тумане ряды легких и средних (по германской классификации) панцеров, бронетранспортеров, мотоциклов и гусеничных тягачей с полевыми пушками и противотанковыми орудиями... Суровые лица танкистов в черных комбинезонах с нагрудными Adlers, с розовым кантом на шлемах-беретах поразили его. Они были готовы умереть за великого фюрера и великую Германию. (Уверенность в своей правоте излучала неподдельный, величественный свет из глаз этих парней. Гудериан чуть было, не прослезился. Еще одно мгновение, он бы подумал, что ведет в бой одних фанатиков.) Pz-IV и Pz-III, которых было немного в вермахте, казались ему вершиной мысли германских конструкторов, инженеров-сборщиков и рабочих на военных заводах. Несмотря на то, что в 1940 году он посетил Харьковский тракторный (преимущественно танковый) завод. Воочию убедился в мощи «пресловутых советов», который за сутки с конвейеров выпускали столько панцеров, сколько в Германии не производилось зубных щеток...

Столкнувшись с машинами-монстрами «русских коллег», понеся огромные потери, «теоретик танковых сражений» усомнился в победном исходе данного блицкрига. Фюрер хоть и гений, но его познания в панцерах и тактике ведения современного боя оставляют желать лучшего. К тому же история доказывала, что германцам и русских противопоказано воевать. (Фюрер придерживался иной точки зрения. В присутствии Мартина Бормана, рейхсляйтера NSDAP, он почти выкрикнул: «Гудериан! Одни лишь германцы при Петре Великом и Екатерине Великой, уроженки славного Ангальт-Цербста, сумели вышибить татаро-монгольский дух из этого народа. Русские склонны терпеть любое иго! Они не самостоятельны в своем выборе, как нация...») Руссы и пруссы, жившие некогда единым племенем по ту сторону от Пруста, одолели Римскую империю. Гитлер был готов принять к сведению принадлежность русских (как и славян) к Великой Арийской Расе. Из терпения его вывела позиция Сталина в отношении судьбы Британских островов. Несмотря на то, что люфтваффе бомбила английские города, а с моря все их порты и гавани были под прицелом субмарин («волчьих стай») гросс-адмирала Денница, Москва не торопилась присоединиться к захвату Туманного Альбиона. Все было готово для операции Harpун, но русские чего-то ожидали. Русский генштаб начал (якобы, связи с проведением летних оперативно-штабных игр) небывалую концентрацию войск и военных материалов на всей границе. Через Abwehr и RSHA была получена информация о закулисных переговорах эмиссаров Сталина с кабинетом Черчилля. Смертельный удар по нации мог быть нанесен в любой момент. Так считал сам фюрер. Это и отсутствие гарантий (боевые совместные действия против Британских островов или британских колоний

в Индокитае) подтолкнуло Гитлера к самоубийственному плану «Барбаросса». Сталин, в котором он недавно видел ближайшего стратегического союзника в Европе и во всем мире, в одночасье стал его злейшим врагом.

...Танки и самоходные орудия, а также моторизованная и механизированная пехота 2-ой панцирной армии, не встречая серьезного сопротивления, выдвигались на Тульское направление. В ее составе действовали дивизия SS «Рейх», в рядах которой было немало жителей Нидерланд, Дании, Норвегии, Эльзаса и Лотарингии (из числа тайных и явных членов NSDAP), а также части 57-ого и 10-ого корпуса. Им надлежало захватить Малоярославец. Затем через Наро-Фоминск и Подольск, устремиться к Москве. Овладеть с ходу большевистской столицей. Командир «Рейх» бригаденфюрер SS Фридрих Зепп, бывший начальник лейбштандарт фюрера, не сомневался в успехе. Гудериан не разделял данного оптимизма. Эсэсманы, не имея достаточного боевого опыта, несли огромные потери, предпочитая думать о загробных таинствах Великой Валгаллы, чем о реальных боевых успехах. Хотя на порядок выше, чем вермахт, были снабжены всем необходимым, включая теплое зимнее обмундирование на меху и вате. (По иронии судьбы или более чем странному стечению обстоятельств, данными поставками занимался «ящик» Разведупра в Париже, впоследствии названный в кулуарах третьего рейха «Красной капеллой».) Помня о старой дружбе, согласился с «коллегой» и предложил выпить на брудершафт. «Папа» Зепп не преминул продемонстрировать «панцер-папе» (так он в шутку называл Гудериана, которого знал еще с 30-х, по митингам и собраниям национал-социалистов, куда великодушно «тянул» всех чинов рейхсвера) отороченную ангорой куртку на латексе, что недавно поступили в дивизию «Рейх» из складов интендантского управления SS. Зимнее облачение (по-русски, «обнова», как заменил сам бригаденфюрер) понравилось генерал-полковнику от панциров. Во всяком случае, так показалось «папе». «Вот увидите, дружище Гейнц, – воскликнул он, откладывая синие лайковые перчатки. – Мои славные мальчики Waffen SS, из Черного корпуса фюрера, сметут все заслоны красных и раньше вермахта вступят на кремлевскую площадь...» Раньше, чем рак на горе свистнет, не удержавшись, подумал Гудериан, прикладываясь к походной рюмочке. Ему почему-то вспомнилась эта красноречивая русская поговорка...

...С молочно-серого, точно кофе с молоком, неба валил белый снег. Покрывал своими сахарными хлопьями леса и дороги. Гудериану льстило, что генерал-полковник Гепнер, с которым ему требовалось «встретиться» на юго-западном направлении, также стажировался в 20-х на танковых полигонах Советской России. Богатый у него, должно быть, послужной список, подумал «быстроходный Гейнц». (Русские наверняка вышли на него, подумал Гейнц. Убедили, что под Волоколамском его панцерные колонны должны «забуксовать в снегу».) Правда разведка не преминула доложить, что у «русских друзей» на данном направлении сосредоточено не менее четырех полнокровных армий. Включая 10-ую, резервную армию под командованием бывшего шефа РУ Голикова. Она дислоцировалась в Рязани. Тульское направление прикрывали части 50-ой армии. С правого крыла юго-западного фронта правому флангу 2-ой панцерной армии грозила 3-ая армия советских войск. Начинать наступление при таком соотношении сил, пусть даже с мифическим «превосходством» в танках, артиллерии и авиации, было безумием. Так думал Гудериан, получив директиву из ОКВ. Неужели они не видят мою «кишку», что упирается в Михайловск, а флангами своими, которые можно подсесть, сразу в две вражеские армии? К тому же отдел Abwehr (1s) доложил мне накануне, что у «русских друзей» на Московском направлении сосредоточено двенадцать армий. O'Mein God! Verdammt! Вермахт располагает всего четырьмя измотанными в осенних, кровопролитных боях танковыми группами. Русские еще не вводили в бой свежие дивизии с Дальнего Востока! Не далек тот час, когда косматый русский медведь обломает крылья германскому орлу...

Самураи-японцы, на которых так уповаает «мой фюрер», вряд ли нам помогут. Зачем им ссорится с «русским медведем»? Красной армией, которая количественно и качественно превосходит их квантунскую (самую мощную) группировку? Не идиоты же, эти узкоглазые арийцы со своим божественным микадо... Если бы самураи хоть на мгновение выжили из ума и нанесли слабый удар по позициям русских, их бы смяли в первые часы. Вряд ли авиация Дальневосточного округа позволила себя уничтожить на аэродромах. Хотя почему бы и нет? До конца он такой возможности не исключал...

Будем надеяться, что «русские друзья» проиграются с нами, с некоторым облегчением предположил Гудериан. Как делали они это, мастерски, пятась от самой границы. Не устроят нам «московский котел», что по своим масштабам превзойдет «котлы» под Дорогобужем, Вязьмой, Брянском и Киевом. Не понимаю, почему они дали нам окружить такое количество войск под Киевом? (Гудериан настоял перед ставкой фюрера: по выходу из Полесья летом 1941-ого, которое рассекалось надвое Пинскими болотами, панцирные клинья 2-ой группы необходимо от Киева развернуть... на запад. Ударить по севастопольской обороне красных, чтобы помочь захватить Крым. Сделано это было намеренно: ему хотелось спасти «русских коллег» от полного разгрома их киевской группы войск. Хотя лобовым атакам танцеров и моторизованной и механизированной пехоты противостояли доты и дзоты линии Молотова.) Случись подобное с генералом вермахта (тем более, генерал-штетлером), он, не дожидаясь, пока с него сорвут кресты, медали, витые погоны из золотого шнура и пальмовые ветви с красными петлицами, пустил бы себе пулю в висок. Из собственного «Вальтера». У красных же, по данным Abwehr, ничего подобного ни в Генеральном штабе, ни в полевых штабах не произошло. Не умеют стреляться «русские друзья», их высшие командиры. Уходят в запой, как это есть по-русски, усмехнулся Гудериан. Хотя Сталин им этого не позволяет. Почему «великий фюрер» симпатизирует ему. Еще бы! Победить пьянство в России – не под силу любому...

...Несмотря на все старания, войскам 2-ой танцирной армии не удалось взять Тулу. Красные стояли крепко. Почти намертво. Гудериан был прав, когда обещал Катуккову «не вступать в Москву». Намекнул о том, что будет зондировать по каналам Abwehr возможное прекращение войны с Советской Россией уже в 1941 году. Содрогаясь от внутреннего негодования и сожаления, Panzer General Oberst видел, как горят его прославленные, но несравненно легкие (по сравнению с русскими) panzers. Их пробивали навывлет в борт (подкалиберными снарядами) даже зенитные орудия красных. Работавшие на чистом авиационном бензине, оснащенные огнеопасными карбюраторными двигателями эти танцеры вспыхивали от малейшей искры. Pz-I со слабым пулеметным вооружением вообще не были предназначены для боев в России. По выражению Гудериана, они являлись «настоящей обузой для вермахта». На своем командирском Pz-IV (Sd. Kfz. Ausf A), густо окрашенном негашеной известью, с двигателем Maybach HL 120 TRM мощностью 300 л.с., Гудериан обзирал сквозь окуляры цейсовского бинокля предместье Тулы. Заснеженная земля, почерневшая от воронок и горящего бензина из развороченных танцеров. В ходе очередной (и последней) атаки 2-ой танцирной армии бойцы полка НКВД из охраны Тульского завода вместе с дивизией народного ополчения и зенитчиками сожгли тридцать боевых машин вермахта. Еще одна такая гибельная вылазка, у меня останется на ходу меньше половины «роликов», с ужасом отметил Гудериан. (К концу декабря его армия насчитывала всего 145 боевых машин. К католическому рождеству их осталось всего 48.) Летящий снег слепил ему глаза. Поле боя устилали сотни трупов Panzer Grenadiers. Зачастую погибшие герои были облачены в русские стеганные куртки и брюки, толстого сукна шинели и шапки-ушанки, к которым пришивались германские орлы, погоны и петлицы. Добыть теплую амуницию считалось признаком несказанной удачи. Это «добро»

ценилось в суровую русскую зиму на вес золота. Гудериану доводилось видеть, как солдаты вермахта стыдливо стягивают валенки с убитых русских, раздевают их мерзлые, окоченевшие трупы. Он ловил себя на мысли, что мародеров надлежит расстреливать по приговору военно-полевого суда. Но не смел делать этого. Вермахт был совершенно не готов к столкновению с Генералом-Морозом. Не хватало теплого нижнего белья, шерстяных подшлемников и одеял. Не было запасено в достатке даже маскировочных халатов. Приходилось разрезать крахмаленные простыни и окрашивать негашеной известью каски. Германская оружейная смазка не годилась при русских холодах. На морозе отказывали пулеметы, винтовки и пистолет-пулеметы. Выручала трофейная смазка и трофейное оружие. Отступать... Только отступать, подумал Гудериан. Большинство моих товарищей, высших офицеров вермахта, будут такого же мнения. Никто не осудит меня...

Ну, конечно, эти русские «слабые», ругал он про себя «великого фюрера». Тебе придется отвечать перед Всевышним Богом за смерть этих германских мальчиков. Они с готовностью восприняли твой зов, «вождь германского рейха», пошли в поход на Россию. Во имя чего, мой фюрер? Идеалы великой арийской расы? Торжество европейской культуры? Победа над иудейской плутократией? Расширение жизненного пространства «на восток»? Кому как ни вам, мой фюрер, известно, что русские наиболее полноценные арийцы из всех арийцев. Они составили вместе с нами, германцами, воинственную рать, что повергла в прах Великий Рим. В культуре руссов (особенно, дохристианская Киевская Русь) просматриваются скандинавские руны и даже индуистская свастика. Довоенные раскопки на Шпрее доказывают, что славяне обитали на территории рейха.

...Оказывая ожесточенное сопротивление, танки генерала Катуква отступали к Кашире. В этом странном азиатско-скифском маневре Гудериан рассмотрел нечто, повторяющее тактику русских войск под командованием генерал-аншефа Кутузова в 1812 году. Теперь русским совсем не нужно было оставлять Москву. Они просто прикидываются слабыми, подумал Гудериан, согревая себя горячим бразильским кофе. Сталин проверяет таким образом свое окружение. Свой ближний круг. Фильтрует своих соратников. Хочешь выявить противника в своем окружении – убеди его, что он, этот зазнавшийся противник, победил... Скорее всего они сознательно принесли нам в жертву свои танковые и механизированные соединения на границе. Для того, чтобы у скрытого врага создалось впечатление: война проиграна. Война только начинается. Этот кто-то, у кого наверняка создалось ложное впечатление, Англия и США. Этим двум зарвавшимся «хищникам» невдомек, что Сталин играет ими. Сейчас, когда Черчилль и Рузвельт считают дни и часы, когда, наконец, Москва (и вся Россия) падет, сибирские дивизии русских движутся на центральный фронт. Одним ударом они опрокинут наши храбрые войска. Обессиленные, страдающие от морозов, отсутствия топлива, зимней одежды и ружейной смазки. Отбросят нас к весне на исходный рубеж. (Под «исходным рубежом» Гудериан понимал Старую границу.) Ближе к лету 1942 года, когда мои «красные коллеги» под руководством «отца всех народов» (какое богохульство!) наштампуют достаточное количество панциров КВ и Т-34, а также новейших самолетов (они сейчас есть у русских) – придется оставить им пол Европы. К концу 1942 года Германия перестанет быть не только «великой», но и как таковой... Земля, которая на картах мира именуется Европой, окрасится в сплошной красный цвет. Вплоть до Балтийского моря и Атлантического океана. Советские солдаты вступят на берег Нормандии. Советский Генштаб (по совету товарища Сталина) будет планировать вторжение через Ла-Манш на Британские острова. Будем надеяться, что Катуква (может быть, к нему прислушается Жуков) замолвят словечко-другое за Гейнца Гудериана. Советский вождь с трубкой в усах возьмет его на службу в РККА. Хотелось бы верить, Гейнц. Ох, как

хотелось бы верить в такие парадоксы, с сомнением осмыслил Гудериан. И тут же поморщился. Горячий бразильский кофе ожег ему горло.

Точно также, мы обожглись в России, сказал почти вслух Гудериан. Считали своего недавнего союзника слабым. Он нас в этом убедил. Хотя знали, что это не так: он, этот Красный Медведь, был силен как никогда. Даже после зимнего «топтания» у линии Маннергейма, где сложили свои славные головы многие парни в шапках-ушанках. (Бр-р-р... Как раз таких цигейковых зимних шапок не хватает войнам фюрера. Равно как и многого другого.) Будучи сильными, русские сконцентрировали на границах (как и сейчас, под Москвой) небывалое количество войск и техники. Если бы некто не слил нам данные по трем аэродромам, где находилась в недопустимых количествах вся их фронтовая авиация... Канарис был потрясен утечкой столь важной оперативной информации из русского Генштаба. Это походило на «организованную дезу». Принималось во внимание усердие русских особых отделов НКВД, что держали под неусыпным контролем каждый кустик и каждую веточку близ стратегических объектов Красной Армии. Подымись армада новейших истребителей ЛА-5, МиГ и ЯК по тревоге (явной или мнимой) угрозы со стороны рейха, последнему, откровенно говоря, пришлось несладко. Что же до сотен или тысяч (точного числа никто не знал) русских танков, тяжелых, средних и легких, что вторглись бы в пределы Польского воеводства... Пяти-башенные гиганты Т-35 и трех башенные гиганты СМК, против которых (без поддержки авиации) не выстоять ни одному танковому подразделению вермахта... Расчленив деморализованные бомбовыми ударами германские войска, они бы с ходу ворвались в Восточную Пруссию.

...Кому-то из числа высокопоставленных большевиков из политического руководства, а также красных генералов было выгодно пустить нас в глубину России. Гудериан, усмехнувшись, смял последнюю ленту с телетайпа (сидел в штабном автобусе), приказал переходить к обороне. Кому-то из этих партийно-советских бонз не терпелось вывести местное население (в западных областях) навстречу танкистам, моторизованным и механизированным колоннам вермахта. С цветами, иконами хлебом с солью... Это зачастую происходило в приграничных округах. Кто-то в окружении свирепого азиата Сталина не поделил с ним власть. Шестая часть суши оказалась тесна для большевистского руководства.

Скорее всего, этот таинственный Герр Некто имеет тесный контакт с германским политическим и военным руководством. Он убедил вождя народов, что фюрер не думает напасть на Советскую Россию. Заключать закулисные сделки с Туманным Альбионом и США он тоже не думает. Слабой Германии не под силу сокрушить мощь РККА. Но... Не был учтен фактор: внезапность нападения. Сталин смеялся, когда получал сообщения о намерениях фюрера воевать с ним. Особенно, когда такие «стратегические планы» фигурировали в застольных разговорах. Фюрер заверил его, что все усилия Германии будут направлены на покорение Британских островов. По словам полковника Abwehr Гелена (руководитель отдела «Майбах-2», специализировавшегося по армиям востока) фюрер отписал «отцу народов»: «...Вы слишком много придаете значения потокам лжи, что изливают на наши головы наши враги. Они стремятся нас посорить накануне великой битвы. Близится конец эпохи мировой лжи. Великие ледники иудейской плутократии готовы растаять от космического огня Вселенского Сверхчеловека. Первые Сверхчеловеки, потомки Расы Великих Ариев, уже ступили на эту землю в человеческом облики. Нас с вами, дорогой друг, я не причисляю к ним. Мы лишь проводники Воли Демиурга».

Вечером того же дня отдел «1s» при штабе 2-ой танковой армии доложил Гудериану о том, что к русским подошло подкрепление. В числе прочих «сюрпризов» противник

(он же, бывший союзник) располагал двенадцатью панцерами КВ, двенадцатью Т-34 и батареей «РС». Последняя не заставила себя ждать: шарахнула реактивными снарядами с зажигательной начинкой по изготовившимся к атаке гудериановским панцерам... Это был окончательный крах. Теперь Тулу нам не взять, с облегчением подумал «теоретик танковых сражений». (При этом он осторожно подул на термос с горячим бразильским кофе, чтобы не ожечься вторично.) Оперативные сводки с других участков Московского направления также были неутешительно-приятны. Гепнер действительно увяз под Волоколамском. (Согласно официальной версии, под разъездом Дубосеково его передовой танкерной группе противостояли всего «двадцать восемь героев-панфиловцев». Об этом так и писалось в центральном органе NSDAP «Volkischer Beobachter». Равно как и о других «подвигах большевистских фанатиков», по указанию самого доктора Геббельса.) «Тайфун» постепенно затихал. Русские местами переходили в стремительные контратаки. Теряли (сознательно или по незнанию) огромные массы людей. Позиций они больше не сдавали.

Гудериан вспомнил о своем посещении кафедрального собора в Смоленске. Сняв широкополую фуражку, положив ее на руку, он обратился (с легким поклоном) к русскому старику с седой бородой. Тот с удивлением взирал на подтянутого, в возрасте, германского генерала в сизо-голубой шинели с красными отворотами. Окруженного многочисленной свитой офицеров в кожаных плащах. С какой стати ему, этому напыщенному германцу, нужно посмотреть на православные иконы и поставить свечу перед алтарем? Вздор... Гудериан тогда запретил использовать собор под склад для военных материалов. Опечатал помещения, поставил охрану. Он успел произнести благодарственную молитву перед иконой Георгия Победоносца. Очищая свою совесть, Гудериан велел взять под охрану все захваченные склады с продовольствием. Жители оккупированных городов в Смоленской и Московской области с удивлением читали обращения, где говорилось о раздаче продуктов. Так оно и было... В одном из подмосковных городов судьба свела «теоретика танковых сражений» с бывшим полковником царской армии. Они разговорились. Испили чаю с мятой. Вспомнили досадное поражение обоих держав в первой мировой войне. «Если бы вы пришли к нам лет двадцать назад, герр генерал, – произнес старик, – мы бы встретили вас как освободителей. Но время ушло. Мы не стали рабами большевизма. О, нет! Мы прониклись духом времени. Теперь мы защищаем свое Великое Отечество». «Я преклоняюсь перед вами и вашей державой, мой господин, – с уважением молвил Гудериан, приподнимаясь. – Своим мужеством вы делаете честь своей вековой истории. Смею думать, что Россию и Германию ждет великое будущее. История подобна морской волне. Сначала наружу выходит пена. Когда она исчезает, странствующий по берегу жизни находит на песке нужные ему камни. Человек есть собиратель камней в этой жизни». Русским стариком оказался полковник Курочкин...

* * *

...По снежному, изрытому воронками и забрызганному черной землей полю с безжизненными коробками «панцеров» и «панцер-вагенс» (с тавро G на остывшей броне) двигались белые тени санитаров. Множество мертвых тел лежало в разных положениях, покрытых снегом, который стал бурым от натекающей крови. Иногда мертвый офицер или солдат представлялся глазу германского санитаря с поднятой рукой или оттопыренной ладонью. Иногда из снежной кучи с темно обозначившимся «поленом» человеческого тела доносился стон или всхлип. Германец в землисто-зеленом тесном обмундировании (часто в снятых с убитых русских ватниках или теплых шинелях) или черном танковом бушлате призывали о помощи. Его взваливали на плечи (если везло, то прямо на носилки) и тащили в тыл. Наскоро прикрыв ватой или марлевой повязкой кровоточащие раны. Труднее всего приходилось с Panzermann.

Они жестоко горели в панцерах, что работали на авиационном бензине. Ближе к русским позициям у Крестовой горы, где речка Упра, – за ее синевато-льдистой поверхностью виднелся город – германцы-санитары чувствовали себя в опасности. Нередко из-за снежных брустверов, вопреки положениям Женевской и Гаагской конвенциям, сухо гремели ружейные выстрелы, трещали СВТ. Стрекотали ручные и станковые пулеметы. Не помогали даже белые платки и простыни. Тут была не Европа, а Россия. Земля варваров...

Но один раз стрельба со стороны защитников Тулы стихла. К удивлению многих ополченцев, что наблюдали за «...гадами-фашистами, что своих гадов-фашистов собирают», германский солдат-санитар, вытаскивал из сгоревшего Pz-II еще живого офицера-танкиста с обгоревшим лицом. Внезапно он обратил внимание на тульского ополченца, что зажег бутылкой с горючим (она же «коктейль Молотова») этот панцер. Теперь по фрицу не стреляли, боясь задеть своего товарища. Было видно, как германец в белой, окрашенной известью каске дополз к человеку в ватной куртке и ватных брюках. Ополченца прошило пулеметной очередью: на спине виднелись опаленные дыры. «Хана теперь братку нашему, – пронеслось в окопах. – Может, добьем его, что б не мучился? Сейчас этот гад ему глаза выколет. Или пятиконечную звезду на лбу вырежет. Так об них в газетах пишут...» Германец вынул из ножен штык-тесак. По траншее пронесся задавленный стон... Распоров швы, к удивлению многих защитников старинного русского города, в котором (по преданию) Левша блоху подковал, германец сделал ополченцу-туляку перевязку. Не утащил с собой ни валенки, ни телогрейку...

* * *

...Где есть родитель этот мальишек и девотшек? На фронт? O`Zer Good! – произнес «фриц» в пестром шарфе поверх высокой фуражки с серебряным орлом. – Как это есть по-русски... Вы думает, что Desche Soldaten прийти убивают вас? – он засмеялся, раздувая обожженные морозным ветром, плохо выбритые щеки. – O, nixt, frau! Nein! Это есть наглая большевистская пропаганда. Германские солдаты никогда не обидят вас. Верьте мне, Mein Frau.

– Не понимаю, – глухо сказала Матрена Тимофеевна. Не сказала, а простонала. – Если б понимала, ничего бы не сказала тебе, гаду проклятущему. Не для того сына своего родила, что б он сгинул. Воюя против таких, как ты. Глаза б мои вас не видели...

Германский капитан 2-ой панцерной армии, помощник командира 135-ого пехотного батальона Отто Дитрих Вильгельми с удивлением посмотрел на эту суровую Russihe Frau. Ее морщинистый (похожий на готическую фреску) лик не выражал никакой любви или сострадания к солдатам фюрера и великой Германии. Они накрепко завязли в московских снегах. Сбивая на пол снег, Вильгельми спохватился. Культурный Desche Ofizer, представитель арийской расы, как он ведет себя? В доме этой малообразованной, скорее всего полуграмотной бабы-крестьянки? Большевики задурили ее преклонных лет голову. Все германцы кажутся ей палачами, насильниками и грабителями. И этой детворе, что испуганно выглядывает сверху, на большой, густо замазанной известью печке. Этим ребятишкам Desche Grenadiers тоже представляются кровавыми чудовищами. Вроде тех, что он и его товарищи, видели на красочных плакатах в «освобожденных» русских городах. На этих пасквильных листках у германцев были изуверские, дегенеративные морды. Из ранцев торчали куры, скатерти и прочая домашняя утварь (включая самовары), а штыки сочились кровью умерщвленных женщин и детей.

Будучи учителем народной средней школы (Volkshule), он неплохо изучил русский язык. Особенно, после заключения пакта Молотов-Риббентроп в 1939 году. (Жаль, что сему слав-

ному документу суждено было остаться лишь на бумаге.) Как эта старая женщина относится к нам, бывшим союзникам? Может быть он, Отто, сам нагнетает обстановку? К тому же, не исключено, что взрослые сыновья Russische Frau воюют против германцев. Может быть, они погибли в боях. Какая нелепая, трагическая участь! Свою непростительную ошибку Вильгельми тут же исправит...

– Это есть мой мальчик, – Отто расстегнул шинель, вынул из внутреннего кармана портмоне. Взору оторопевшей Russische Frau представилась фотокарточка: на клумбе с цветами сидел, вытаращив глазки, годовалый малыш в шортах. – Это мой сын, Карл Отто Вильгельми. Он похож на вашего сына, Mein Frau? – спохватившись, он представился, щелкнув каблуками сапог по бревенчатому полу. – Я есть капитан славный вермахт Отто Вильгельми. Из Майнц, что на Рейне. Как вас зовут, Mein Frau?

– Оставь ее, Отто! Эта баба тебя все равно не понимает, – раздался приглушенный смех. В пышущую морозом дверь со смехом ввалились танкисты в черных шинелях, отороченных серо-розовым кантом. В распахнувшуюся дощатую дверь снова дуло морозом. У сельской церквушки, что высилась на белом холме, в сером далека, виднелась колонна фрицевских машин с задним гусеничным ходом. Их покрывал пятнистый и белый брезент. Солдаты в глубоких, с разведенными пластинами шлемах, с винтовками и пулеметами без треножников, шли длинной густой вереницей, обтекая застрявший мотоцикл с коляской. В нем сидел како-то важный чин в белой маскировочной куртке и каске. Ругался визгливым, бабым голосом по-ихнему... (За окном хаты, покрытым ледяным узором, произошло движение. В клубах белесого пара показались квадратная башенка с белыми мальтийскими крестами. Из нее выглядывали два ствола в круглых дырчатых кожухах, что принадлежали Pz-I. Танк с антеннами от радиостанции, что был раскрашен неровными полосами негашеной известью, рывкнул непрогретым мотором и замер на месте. Обрушив часть заборчика гусеницами на двойных катках, остановился танк побольше, с торчащим из башенки коротким 35-мм орудием. Это был Pz-III, на котором приехал самый «веселый» фашист.) Что б тебя там, ирода фашистского заморозило, со злобой подумала Матрена Тимофеевна, внутренне крестясь...

Басистый голос принадлежал Panzer Hauptmann Дитеру. Он был в круглых кожаных наушниках поверх черного шлема-берета с кокардой в веночке. Это придавало ему (впрочем, как и другим «войнам фюрера») погребальный вид.

– Не трать время на эту старую бестию, дружище, – продолжил он, как ни в чем не бывало. – Was ist vatter-closet? О, ja! Я забыл, что эти варвары мочатся, как первобытные, прямо на морозе. Ты видел их деревянные будки? Кошмар... – он хлопнул Отто по спине так, будто они были знакомы с детства, а не в ходе боев за Тулу. – Вроде нужников у грессбауэр. Европейской культурой тут не пахнет, – съязвил этот розовощекий крепыш-баварец с голубыми глазами и прямыми, льняными волосами. Он снял шлем-берет. Принялся расчесывать «патлы» складным пластмассовым гребешком. – Эй, старуха! – с грубоватой вежливостью обратился он к хозяйке. – Не бойся, глупая русская баба. Мы, солдаты фюрера, не причиним вам никакого вреда. Бойтесь SS и SD! Это злейшие враги вермахта, – при этом он невинно подмигнул Вильгельми и Матрене Тимофеевне. – Прояви заботу о германских войнах, и мы воздадим тебе по заслугам. Скажи ей, мой друг... Переведи этой старухе, что б нагрела воду. Я чертовски устал за последние сутки. Весь в грязи, как свинья. К тому же, дружище, – Дитер усмехнулся, показав ослепительно-белые зубы, – большевики запустили в мое нижнее белье своих диверсантов. Или партизан... Словом, меня уже давно кусают под мышками и в спину.

Гельмут Дитер спас Матрену Тимофеевну от ужасного поступка. Увидев фотографию с годовалым германским «мальшиком», она едва не вцепилась в лицо Вильгельми. Как будто кто-то невидимый дал ей изнутри короткую, едва произносимую команду. Наброситься на этого высокого немца в серебристых, чешуйчато-гладких погонах на синевато-зеленой шинели. Душить его слабыми старческими руками. Грызть его горло зубами... Точно вместо человека в ней появился на Свет Божий лютый зверь. Словно волк в нее вселился. Или черт с иконы Страшный Суд. Подгребающий души грешников в Озеро Огненное длинной черной кочергой. Сам, длинный, черный и косматый... Тут же вспомнился простой русской бабе святой старец. Отец Зосима с Сергиево-Троицкой лавры. У него она, по совету одной знакомой, богомольной старушки, бывала до начала этой страшной войны. Он бы не благословил меня на такой шаг, подумала Матрена Тимофеевна.

– Russische Frau? Так есть ваш имя... – усмехнулся Отто. Этот кареглазый немец-фашист. В фуражке с длинным козырьком, на зеленом околыше у которой была крохотная красно-золотая кокарда в обрамлении венка. – Вы боитесь меня? – он оглушительно рассмеялся. Сунул фотокарточку сына в кожаное портмоне. – Это есть загадочный русский душа, Mein Frau, – в довершении ко всему он взял морщинистую, задубевшую от трудов руку Матрены Тимофеевны. Наклонившись, бережно поцеловал ее. Громадная фуражка скатилась на дощатый пол. Женщина увидела остриженные под скобу, каштановые волосы. – Desche Ofizer просить вас приготовить горячий вода. Он хотеть купать себя. Verstehen? O` ja! Он есть благодарить ваш проявленный забот к германский армий.

Провалиться вам всем со своей благодарностью, пронеслось в голове Матрены Тимофеевны. Внезапно она ощутила бесконечное тепло. Оно исходило от губ немца, коими тот коснулся ее шершавой, грубой кожи. Женщина хотела вырвать руку и плюнуть этому гаду в лицо. Но не смогла. Он не был похож на «гада». Он больше напоминал ей человека. Поступать так в отношении человека все равно, что убить самое себя. Это и остановило Матрену Тимофеевну, у которой под Смоленском без вести пропал сын. Ноги ее подкосились, плечи сгорбились. Глотая застрявшие в горле рыдания, она, не понимая зачем, отправилась к огромной русской печке. Загрохотала отодвигаемая железная заслонка и огромный таз с водой. В нем она хотела постирать ворох грязного белья. Вскипячу воду и кипятком их, кипятком крутым – ошпарю, проклятуших... Убийц-лиходеев, извергов окаянных... Пусть потом стреляют, вешают или давят своими квадратными танками с черными по белому, страшными крестами. Только как детям быть? Об этом она не подумала. Грешно будет, и по христиански и по человечески... Не в силах больше таиться, она заплакала. Но Дитер и Вильгельми не увидели ее скупых женских слез.

– Сидите у меня на печке тихо, – грозно цыкнула она притаившимся в верхнем углу (подле основания трубы) Сашке и Машке, детям пропавшего без вести Степана. – Будут эти изверги что у вас выпрашивать – прикиньтесь, что немые...

– ...O`Mein God! Это есть мальтшек и девотшек! – воскликнул один из вошедших солдат в железной каске с глубоко вырезанными краями. – Русские дети! Они спят на этой колоссальной печке! В этой огромной стране – совсем не так, как в Европе. Гейгер и Фонтебах, не спать не ходу! Установить полевой телефон. Разматывайте кабель, так, чтобы не упасть. Живей, кому говорят, фрицы.

Германцы с продолговатыми бело-желтыми петлицами на отложенных воротниках, были обмотаны поперх голов шарфами и полотенцами. Они тяжело ступали своими подкованными

короткими сапогами по бревенчатому полу. (В голенища у многих «для сугреву» была набита солома или газеты.) Они протянули и подключили к телефону в черной коже толстый синий шнур, что крутился на большой железной катушке на плечах у одного из Desche Soldaten. Отдававший распоряжения унтер-офицер роты связи снял с головы стальной шлем. Одним махом сорвал с лица шерстяную маску, которая походила на кольчугу древних рыцарей. Матрена Тимофеевна, преодолев в себе отвращение, разглядела на шлеме белый орел, сжимающий в когтистых лапах венки со свастикой, а также красно-сине-белый щиток. Ее поразило, что этой бравый фашист был облачен не в синеvато-зеленую короткую шинель, но в советский ватник и валенки. Присмотревшись как следует, она заметила на спине заштопанные дыры. Страшная догадка осенила ее. Он, этот ирод фашистский, с нашего убитого бойца эту стеганку...

Сняв с железного рычага эбонитовую трубку, немец гаркнул в нее что есть сил. Сообщается со своим начальством, германец, тудыт им всем, подумала Матрена Тимофеевна. И устыдилась. Сроду не ругалась... И вот на тебе! Неужто и здесь эти изверги повинны? Что б их всех перекокошили. Чем скорее, тем лучше, подумала она. Пустив слезу, женщина принялась раздувать огонь в печи. Пару раз ее больно толкнули в бок проходящие германцы. То ли прикладом винтовки с плоским, отточенным штыком. То ли углом железной катушки с синим шнуром, который они размотали по ее хате. Бросила взгляд на фрица, что «опростоволосился». Ахнула... Оказавшийся курносый и веснушчатый, точно сельский дурачок Федька, унтер-офицер вермахта Феликс Бау подмигнул сжавшимся на печке детишкам. Она вновь ощутила непонятный прилив добра и тепла. Неужто и среди этих иродов есть люди? Нет, только с виду они такие, осадила себя «бедная» женщина. Наше радио, что в центре деревни – плоская черная «тарелка» на высоченном столбе-мачте. Сколько всего говорилось о неслыханных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков! Что убийцы они, мучители и грабители. Вон, и ватник у этого рыжего гада – с убитого советского бойца снятый...

Тем временем, Феликс Бау, положил на лавку рыжей шерсти ранец. При этом он повесил дулом вниз железную «стрелялку» из трех рукояток, одна из которых напоминала оттянутое железное стремя. Вытянул из-за борта советского ватника губную гармошку в перламутровом футлярчике и проиграл на ней веселый мотивчик. В кармане стеганки (он действительно снял «трофей» с убитого красноармейца, хотя, жалеючи, прикрыл его глаза) у него сохранилось пол плитки швейцарского шоколада. В ранце была распечатанная круглая жестяная коробка из-под монпансье. (На крышке были изображены белокурые ангелы, своим видом напоминающие детей, что особенно удручало его. Грета, его любимая супруга, написала, что родила двух очаровательных двойняшек. Они так похожи, если судить по фотографии, на этих очаровательных детей-ангелов.) Повинуясь своему внутреннему голосу, Феликс Бау предположил: было бы неплохо угостить чем-нибудь сладеньким эти две вихрастые головки на колоссальной печке. Сверкают своими глазками поверх овчины, что так здорово греет на морозе. Наверняка, в представлении этих «русских ангелочков» войны фюрера – кровавые убийцы и насильники! Именно так, по словам уполномоченного из бюро пропаганды доктора Геббельса, выходило... Освободители Европы, победившие американо-еврейскую плутократию на полях кровавых сражений, мечтают залить Россию потоками крови. Покрыть эту богатую, благодатную страну пепелищами... Какая наглая ложь, детишки! Им необходимо доказать, что германцы – культурная, образованная нация. Даже в отношении их варварским обычаям: мыться в общих банях, бегать голышом по снегу и спать на каминах небывалой величины. Не говоря уже о будках, в которых они мочатся и испражняются в лютую стужу.

Бау открыл серебристую фольгу. Разломив шоколад напополам, он протянул детям на печке по шесть слитых воедино коричневых кубиков. Сделал он это, привстав на цыпочки

в огромных русских валенках, что были сняты с того же убитого бойца. Стальной приклад пистолета-пулемета МР-38 (Machine Pesthole) торчал на уровне его стриженной огненно-оранжевой головы. Дети, было сжавшиеся еще сильнее, не выдержали. Прыснули легким смехом. (Бау, надув щеки, приложил ко рту сжатую в «трубу» ладонь. Сказал «ри-ри», что показалось им весьма забавным.) Матрена Тимофеевна, видя все это, потянулась к ухвату. Ее сердце забилося чаще и чаще, пока кто-то не внушил ей мысль: прочитать молитву Отче Наш. Наваждение тут же прошло... Но ее опередил осмелевший Сашка. Потянул свою маленькую толстую ручонку, он взял из руки чужого, пропитанного чужим странным запахом «дяди» обе обломанные шоколадные плитки. «Будьте как дети». Матрена Тимофеевна вспомнила слова евангельские, что произнес Спаситель. Воистину, спасает нас Слово Божие...

– Das ist good Desche Schokolad! – закивал в знак одобрения Феликс Бау. – Nam-nam! – зачмокал он толстым, розовым языком, показывая как вкусно будет есть шоколад. – Mein lieber kinder! Верьте мне, милые детишки. Германский солдат никогда не обидет вас. Никогда не предложит вам ничего плохого. И вы, старуха, тоже мне верьте, – обратился он к Матрене Тимофеевне, которая стояла, прислонившись к печи, как каменное изваяние. – Мы пришли освободить вас от проклятых большевистских евреев. Они и нас угнетали, пока не пришел фюрер. Адольф Гитлер, великий сын германского народа.

Бау, чтобы показать свое полное расположение к старухе и ее дому, вынул из кармана тесного френча открытку, покрытую гляncем. На ней, в полный рост был запечатлен фюрер германской нации в форме штурмовых отрядов SA. Поискав подходящее место и не найдя ничего лучшего, он припилил открытку в красном углу (пониже иконы) с помощью короткой иголки с массивной пластмассовой головкой. Чтобы эта русская старуха не потеряла изображение нашего великого фюрера, подумал Бау. Иконы и вера в «русского Бога» – ее личное дело. Хотя... В «Mein Kampf» Адольф Гитлер описывает, как он любил посещать службы в кафедральном соборе в Браунаме на Инне, где родился в окружении суровых и величественных альпийских гор. Важно, чтобы одурманенные ядом большевизма, эти русские поверили нам. Перестали бросать косые взгляды... Говорят, что в самой Москве нас ждут уличные бои за каждый двор и каждый дом. Там отборные части «огэпэу» и сплошь коммунистическое население, которому роздано все, имеющееся на складах в Кремле, стрелковое и противотанковое оружие. Даже женщины и дети, обработанные ядом большевизма, готовы стрелять в нас.

...Дитер и Вильгельми мылись, занавесив часть просторной горницы пятнистыми плащ-палатками. Старуха в суровом черном платке и застиранном сатиновом платье (при ближайшем рассмотрении и тому и другому показалось, что ей не более сорока лет) вскипятила им воду в огромном железном тазу. Он буквально вскипел на черно-красных головешках в глубине чудовищной печки. «Если у этих варваров нет ни душевой, ни ванны – будем мыться прямо в ее жилище, – засмеялся двадцатипятилетний здоровяк Дитер. – Не плескаться же нам, двум германцам и солдатам фюрера, во дворе? На этом адском двадцати семиградусном морозе, дружище? Я еще не сошел с ума, Отто. Ты, по-моему, тоже не отморозил себе голову в России. Честно говоря...» Но тут их прервали. Унтер-офицер роты связи Феликс Бау почтиительно кашлянул сквозь плащ-палатку. Доложил, что на полевой телефон звонили командиры рот. Лейтенант цур зее Шоссе сообщил, что его солдаты, выполняя приказ, заняли позиции на окраинах, выходящих на дорогу. К сараям и огородам (несмотря на зверский мороз) открыты ходы сообщения. Там же оборудованы доты для ведения кругового огня по противнику. Лейтенанты Брукдорф, Хиллеган, капитан Вернер цу Армштад, обер-лейтенант барон фон Зибель-Швириг сосредоточили по паре взводов на флангах деревни. Установили на чердаках окраинных, близких к лесу домов тяжелые MG-34.

Главный наблюдательный пункт капитан Венцель цу Армштад (он же командир взвода управления) предлагал разместить на верхушке колокольни, что располагалась в центре занимаемой деревни. Три солдата роты связи с полевым коммутатором «D» (радиостанцию «Telefunken» разбило осколком «красной» гранаты), по его приказу, уже обосновались там. Гауптфельдфебель (Spraiss и «мама роты») вермахта докладывал, что обстановка спокойная. Следы пребывания противника ни в самой деревне, ни за ее пределами не обнаружены. Тщательный осмотр погребов также не дал никаких результатов. Основное население этих мест, женщины, дети и старики, боятся солдат фюрера. Однако замечены отдельные проявления вполне дружелюбного отношения. Особенно со стороны пожилых русских. Некоторые из стариков надевают старые кресты на черно-оранжевых ленточках (почетная награда русского царя времен прошлой войны). Кроме этого, выставлены караулы. Панцеры (двадцать легких Pz-I, шестнадцать Pz-II, семь Pz-III, два самоходных орудия Stug III и Панцерягер I) разместились на площади под усиленной охраной. Позже, командир панцирного батальона (вернее, его «доблестных остатков» панцерной дивизии) майор Дитер приказал выдвинуть свой Pz-III и самоходку Panzeriager I поближе к дороге. Велел замаскировать их в сараях. Под прицелом 47-мм орудия сюрпризы «красных друзей» выглядели, по меньшей мере, предсказуемыми. Свой командирский панцер, оснащенный жалкой 35-мм пушечкой, он двинул туда же лишь для очистки совести.

Вскоре их обеспокоил своим звонком барон фон Зибель-Швиринг. Этого юного офицера с гладкими, бриллиантовыми волосами золотистого отлива, светло-серыми глазами и изысканными манерами прозывали за глаза «корон-принцем». Опережая барона, наперегонки всем германским блицкригам, шла его слава бойкого ухажера. Одним словом, дамского сердцееда. Ему ни война, ни барышни чужих кровей – все было нипочем. «Неужели и сейчас, в России, перед ним не устояла одна из местных красавиц? – с сомнением взвесил все „за“ и „против“ Вильгельми. – Партийные активистки из большевистского комсомола тоже влюбляются? Германским войнам подфартило и на этот раз...» Так и есть... Будучи «на короткой ноге» с Дитером, обер-лейтенант предложил ему сыграть партию в карты. Испить «Бордо» 1913 года выдержки. (Барон возил с собой футляр, выполненный из орехового дерева, отделанный изнутри сафьяном. Там хранились коллекционные, в основном трофейные вина со всей Европы.) Ближе к вечеру, он приглашал «Herr Hauptmann» со своим другом в гости, где, по его словам, успел познакомиться «с милой русской фройлен». На вопрос, не собирается ли барон связать свою судьбу с «неполноценной славянкой» (последнее было произнесено Вильгельми с явной иронией), фон Зибель-Швиринг, захохотал, как скаковая лошадь. Обещал написать по этому поводу в расовое бюро Розенберга. «...У милой русской фройлен столь синие нордические глаза и правильный овал лица, что этим господам придется потрудиться, чтобы выявить признаки расовой неполноценности, – заметил Хуго, которому неделю назад исполнилось двадцать пять лет. – Должно быть, в этих местах обитали древние германцы. Или саксонские, силезские, ганноверские наемники, что служили в войсках русских царей. Я немного занимался историей, дорогой Вильгельми. Недалеко от Москвы располагалось поселение германцев. Теперь мы убеждаемся в пребывании наших славных предков...»

Идиот, подумал Вильгельми, передавая эбонитовую трубку в руки унтер-офицеру Бау.

– ...Мои панцеры – пар с горячей картошки, по сравнению с их бронированными монстрами, – полушутя-полусерьезно заметил Дитер. Он обливался охлажденной (старуха явно переусердствовала) водой из железного таза, в который обер-ефрейтор пехотного батальона Гетц (из Вены) вытряхнул снег из брезентового ведра. Поначалу Дитер поливал себя из армейской кружки с тавро орла и свастики, но затем взял деревянную посудину, что лежала

на лавке. – Что это за корыто, мой друг? Старуха! Черт возьми, эта глупая баба наслушалась бредней от своих иудейских комиссаров. Chaise... О, эти русские танцы, дружище! Мои Pz-I есть обычные консервные жестянки, по которым упражняются из «Вальтера». Даже Pz-VI со своей 75-мм пушкой не в состоянии пробить их лобовую броню. С их легкими танцами мы еще как-то управляемся. Ты видел 26-тонный «Кристи»? – Дитер поднял светлые брови, в одной из которых запуталась жирная вошь. – Прекрасные ходовые данные, дизельный мотор, пушка 45-мм. Нашим танцам не везет со «слабым противником»... Эти здоровенные сверхтяжелые KV с вытянутыми, как у линкора, башнями! Их можно пробить только из тяжелых пушек или гаубиц. Нам приходилось давать команду «задний ход», чтобы уцелеть от их снарядов. У них крупные калибры! Если не обеспечено прикрытие люфтваффе... Представь, что большевики бросят на нашу танковую армию несколько сот таких боевых машин – от нас останутся лишь объедки! Доблестные герои будут делать драп в пешем строю. Привязав себя к хвостам русских коров...

– Деревянная посуда, которую ты взял, называется лохань, – Вильгельми скользил по коже бритвой, купленной в Берлине. Отточенное лезвие щекотало его намыленные, обожженные морозом щеки. – Не понимаю! У тебя, Гельмут, странная логика. Наши войска – в двух переходах от русской столицы. Танковые дивизии Гепнера могут раньше нас войти в Москву. Под Волоколамском им противостоят одиночные очаги сопротивления... Что за слезы, дружище? Мы бабы или пасторы? Или ты объелся морожеными консервами? Ах, эти русские холода всему виной. Правда, меня Генерал-Мороз не заставляет печалиться.

– Причин печалиться у нас много, – Дитер светился голым залом в облаках пара как первый человек в Эдемском саду. – Больше, чем ты думаешь, старина. Сегодня, подремав на марше в своей бронемашине, я обдумывал нашу диспозицию. Выдвижение на Коломну и Каширу после захвата Тулы... К чертям свинячьим! В OKV сидят идиоты или трусы. Они окопались подле великого фюрера. С тем, чтобы свести нас всех в могилу. На ней эти янки, Томми и русские Иваны спляшут еврейский «Интернационал» от удовольствия. Правильно? – видя замешательство Вильгельми, он засуетился. – Я сказал чушь? По-моему, все верно... – он уселся поближе к Вильгельми. – Дружище! Штурмуя Тулу, мы подставляем русским свои оперативные тылы и коммуникации. Мало того, мы их необдуманно растягиваем. Что до флангов... Любой спланированный удар отрежет нас от основных сил. Мы не знаем, что у красных на флангах и впереди, по ходу продвижения наших войск. Разведка несет, как яйца, еще с пограничных боев, будто «все боеспособные части противника уничтожены». Наглая ложь! Я готов плюнуть в рожи этим мерзавцам Канариса. Мы уничтожали красных трижды, а они все воскресают. Точно заговоренные... – Дитер наконец поймал вошь и, зажав ногтями, с хрустом прикончил мерзкое насекомое. – Они прячут от нас свои истинные силы, Вильгельми. Вот, что я думаю, дружище! С самого начала они играют с нами в старую игру под названием «скифский обман». Нам с самой границы внушали, что красные слабы. Их танки и пушки ничто, по сравнению с мощью вермахта. Что же до авиации... Какая чушь, Вильгельми! Варвары-красные по приказу своего Сталина оставили на произвол судьбы массы войск под Киевом и Вязьмой. Это верх цинизма и изуверства! Фюрер никогда бы не отдал ни капли германской крови, намеренно оставляя своих солдат в «котле». Это доказывает, что они вырождающиеся и недочеловеки – эти большевистские свиньи! Правда, нас может постигнуть та же участь, Вильгельми. Если, конечно, фюрер не остановит это наступление – губительный охват Москвы и зимнее продвижение в глубину России. Заговор... – нахмурился Дитер, открывая свой бритвенный станок. – В глубинах «тысячелетнего рейха» зреет заговор. Думаю, среди наших генералов есть злой гений Фауста. И не один, дружище. Они, эти свиньи, снюхались с большевиками. Хотят с их помощью сокрушить наш славный фатерлянд. Долг каждого честного офицера вермахта...

Заговор высших чинов вермахта... Я уже где-то слышал об этом, отметил про себя Вильгельми. Он и виду не подал, слушая ненавязчивую болтовню Дитера. Сделал последний штрих отточенной полоской стали. Затем осторожно ополоснул лезвие. Вытер его синим вафельным полотенцем с тавро из орла и свастики. В подтаявшем от тепла окне сквозь замысловатые, ставшие нелепыми, ледяные узоры виднелся белый холм. Поросший, словно щетиной, черным редким кустарником. На его вершине точено возвышалась колокольня из красного кирпича. Увенчанная куполом с крестом, в котором угадывался полумесяц и солнце. Ближе к ним лепились, как в муравьиной куче, черные, со снежными шапками, избы в наличниках на заиндедевевших окнах. С деревянными палками-«журавлями» над выложенными из бревен колодцами. Возле заснеженного заборчика расположился обоз пехотного батальона. Пароконные повозки с высокими бортами, на высоких колесах. С белыми литерами G. Это свидетельствовало об их принадлежности к 2-ой панцирной армии Гейнца Гудериана. Тяжеловесные бельгийские першероны с пышными гривами и хвостами, что искрились от сосулек, напоминали сказочных существ. Солдаты-форейторы были и того лучше. С опущенными отворотами пилюток, с наброшенными на плечи одеялами они были смешны. Кое-кто обвязал себе голову полотенцем или обернул ноги мешковиной, что красноречиво свидетельствовало о позорных результатах зимней кампании. Большинство Grenadiers его батальона до сих пор носили легкие хлопчатобумажные брюки. Заговор... Хорошо бы умников, окруживших фюрера, прислать сюда. На двадцати семиградусный мороз. Предатели...

Прямо под окном, едва не задев стекло отточенным штыком-тесаком, приткнутым к карабину, прошел германский часовой. Голова поверх стального шлема была укутана шарфом, на плечи было наброшено шерстяное одеяло. Урча, набирая ход непрогретыми моторами (зимнее топливо тоже приходилось «заимствовать» у русских), прошли два однотонных полугусеничных тягача *Sd. Kfz. 10*. Они волокли за собой на прицепах почти бесполезные, короткоствольные «армейские колотушки». В кузовах, на холодных железных скамьях жались друг к другу *Desche Grenadiers*, подняв воротники к каскам. На верхушке белого холма возникло движение. Урча и завывая в снегу, на него заполз транспортер *Sd. Kfz. 27 \1* (на шасси «Бюссинг»). Оснащенный 20-мм четырех ствольным зенитным пулеметом фирмы «Бофорс» за стальным щитком. Над пришедшей как нельзя, кстати, зениткой тут же принялись натягивать маскировочный тент. Не одна простыня на него ушла, с усмешкой подумал Вильгельми. Ему доставляло удовольствие ощущать горячий пот на своем хрустящем, розовом теле. Ощупывать гладкий, красный подбородок. Смотреть на жизнь за окошком этой русской хаты. Будто все, что происходило на полях кровавых и страшных сражений, было бредом неугомонной фантазии. Сюжетом из Дантовского ада, воспетого этим веронцем в «Божественной комедии». Божественна ли эта трагедия, с легкой укоризной прошептал Вильгельми, проведя пальцем по носу.

...Только бы нас не побеспокоили *Russische Partizanen*, с тревогой подумал он. И не налетело *Russische Luftwaffe*. У «русских коллег» достаточно авиации. Особенно, тяжелых, многомоторных бомбардировщиков. Небо, хотя и свинцовое, но до изумления чистое. Ему надо было выполнить одно деликатное поручение, которое исходило из зондеркоманды SD, что подчинялась оперативной группе «Центр». В нагрудном кармане зеленовато-синего френча с белым орлом и белых с зеленым кантом армейских петлицах (*flangers*) находилась «весточка», которая предназначалась одной из жительниц этой деревни. Вильгельми (поручение исходило от штандартенфюрера SD Макса фон Вильнера, переведенного ближе к Энску) надлежало найти эту девушку и, произнеся код-пароль, передать ей коробку запечатанных сигарет «*Befehl*». В одной из них находится «тайник с сюрпризом». Была ли данная особа агентом

RSHA или, всего лишь, оставаясь в неведении, служила курьером— передаточным звеном, Вильгельме знать не полагалось. Он не имел право знать о содержимом тайника. Любая попытка проникнуть в его суть, могла плохо закончиться. Равно, как и саботаж... Это он знал прекрасно. Поэтому, улучшив момент, Вильгельми собирался отправиться на поиски по адресу, который заучил наизусть...

— Ты прав, дружище, в одном, — напустив на себя излишнюю серьезность, заметил он. — Наш фюрер знает что делает. Мы с тобой — солдаты фюрера и Германии. Наш долг оставаться ими всегда. Фантазии и недомолвки оставим для политиков, — внутренне Вильгельми рассмеялся, закрыв щепотью пальцев подбородок. Ему вспомнился рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, сходящий с трапа «Дорнье» на московский аэродром. Какое умильное, исполненное достоинства и понимания момента лицо было у этого «шарлатана от политики» (так шепнул ему приятель из SS), когда его снимали кинокамеры советских и германских хроникеров в 1939 году. — Старина, я слышал, что большевистский вожь Ленин додумался поставить кухарку во главе государства. Большевики сняли кинокартину на эту тему. Разумеется, я ее не видел, — он усмехнулся про себя вторично. Весь рейх смотрел советские кинокартины после заключения пакта о ненападении. Удивительная схожесть жизни двух «социалистических» держав потрясла тогда многих германцев. — Нам, германцам и войнам великого фюрера, не могут быть близки подобные лживые химеры. Недаром наши доблестные армии прошли всю Европу. Стоят у ворот большевистской столицы. Нам, истинным арийцам...

— Ты читал вчерашний номер «Volkischer Beobachter»? В нем был описан бой панцирной армии Гепнера под Волоколамском, — сухо возразил ему Дитер. — «Русские фанатики прекрасно сражались, несмотря на свое явное поражение... Солдатам фюрера необходимо заимствовать боевой опыт и брать пример со своих врагов, проявляющих героизм...» В статье было немало лестных эпитетов в адрес красных. Только идиот не смог бы рассмотреть их. Даже без лупы...

— Зачем ты говоришь мне об этом? — Отто поднял брови, как будто вглядывался поверх головы «баварского друга». — Убеждаешь меня, что наша пресса правдиво пишет о наших подвигах на подступах к Москве? Согласен, дружище. С тобой готово согласиться большинство солдат и офицеров вермахта.

— Не сомневаюсь в этом, — Дитер будто ожег свой голый зад о деревянную скамью. Так его подбросило наверх. — Мне важно знать мнение боевого товарища, Отто. Твое мнение, дружище. И ты его высказал. Слава Всевышнему Богу... — Дитер осенил свою широкую, безволосую грудь с жетоном оцинкованной стали двуперстным католическим крестом. — В твоей верности фатерлянду лично у меня, Отто, никогда не было сомнений.

...Ага, значит у кого-то они «были» или все еще есть, с облегчением подумал Вильгельми.

Дитер же сделал вид, что думает о своем. На самом деле, ему было не до этого. Поручение начальника группы GFP (тайная полевая полиция) зондерфюрера SS Манфреда Кройса было исполнено. «Дружище» был проверен. Вернее, достойно прошел проверку на благонадежность. К тому же Дитер, считавший себя от рождения смывленным, спинным нервом чувствовал нечто большее за стандартной процедурой данного оперативного мероприятия. Что-то более важное... Эта неясность немного тяготила его. Кавалера Железного креста 1-ого класса за летнюю кампанию в России. Этот черно-серебрянный, с широкими, мальтийскими крыльями крест. Тем

более, что к Вильгельми он не испытывал никаких дурных чувств. Отто был ему симпатичен своей истинно-германской скромностью, дружелюбием и прямоотой. Последнее качество проявлялось «до известных пределов», но... Служба есть служба, тем более, если служишь делу тысячелетнего рейха. Воюешь в снегах России против иудейских прислужников, какими стали, в сознании Дитера, большинство жителей этой необъятной страны. Тем более, что Кройс, в ходе последнего инструктажа, дал знать: русских, по указанию Сталина, подвергли специальной психо-химической обработке. Все защитники Москвы «заряжены этим ядом», поэтому без колебаний готовы броситься под танки и самоходки, таранить боевыми самолетами колонны вермахта. Жители сел и деревень... От них, по словам зондерфюрера SS, если были подвергнуты обработке, тоже следовало ожидать «неприятностей». По указанию местных, скрытых или явных коммунистических активистов, а также агентов «огэпу» они создают вооруженные банды. Нападают на одиночных, отбившихся от сослуживцев, солдат и офицеров фюрера. Зверски расправляются с ними. Опасности подвергаются одиночные легковушки и мотоциклы с фельдкурьерами. Но не только они. Сельские фанатики жгут свои избы, полные солдатами фюрера. Обстреливают автоколонны, взрывают цистерны с горючим... Были зафиксированы случаи, когда пленников, совершенно раздетых, оставляли голыми на морозе подле разбитых и сожженных автомашин. Вешали на грудь таблички с бранными словами в адрес фюрера и великой Германии. Варвары и большевистские ублюдки. Русские свиньи... Вот и эта старуха ему чем-то не нравится. Еще подсыплет нам в тарелки мышьяку или иголок, старая ведьма. Надо поручить солдатам (особенно, из числа членов NSDAP) приглядывать за этой гарпией. Может быть, у нее сын погиб в боях с вермахтом. Тогда добра от нее не жди. Как косится сквозь щель в плащ-палатке. Не видела, русская дура, голых гренадеров фюрера? Можешь смотреть на нас вдоволь, с усмешкой подумал он, не задерживая открывшийся край камуфляжной брезентовой материи. Но... Преимущество русских (тайное или явное) было для Дитера налицо. В ходе Московской кампании. Вермахту похвастаться было нечем. В гениальности «великого фюрера» Гельмут давно уже усомнился. Либо его держат в неведении подлещи в витых из золота погонах, либо он сам желает быть таковым. Тем более, что в беседе с Кройсом ему показалось, что куратор из SS явно склоняется в сторону этого же мнения. Склоняется, но боится окончательно наклониться. Чтобы не сломаться, как ветка под тяжестью снега, снисходительно подумал Дитер. Хотя иные ветви, склоняясь, не ломаются.

Он внимательно осмотрел свое бугристое, покрытое мускулами тело. С багровой, обмороженной кожей на лодыжках и ступнях. Руки, особенно ладони и кисти, были багрово-красного цвета. Изрядно шелушились. Равно как нос, щеки и уши... С нас лоскутами снимают кожу, с усмешкой подумал Дитер. Он внутренне рассмеялся, довольный своей шуткой. Как со свиней на бойне... Скромность и богобоязнь (отец и мать Гельмута были католиками) не позволяла ему раздевать мертвых русских солдат. Он вздохнул, понимая, что суровые правила военной жизни давно уже отодвинули его представления о Боге. С недавних пор в сознание розовощекого баварца стала вкрадываться мысль: почему Всевышний, если Он так всемогущ, попускает тяготы и лишения германских солдат под Москвой? Бог свидетель, мы незаслуженно мучаемся в этой варварской стране. Солдаты фюрера не жалеют себя, добывая все новые и новые победы. Бог же обрушивает на них все новые «чаши» мук и страданий. Сосуды гнева... Когда же придет конец? Сколько погибло в боях под Киевом, Смоленском, Вязмой и Тулой моих боевых товарищей? Прекрасных германских парней, которым следовало жить. Прославлять тысячелетний рейх. Любить своих верных жен и растить детей. Штиммельбах и Хальб сгорели живьем в своем панцире. Вернер Крембль-Хершнер, мой земляк, житель Мюнхена, погиб от случайной пули. Высунул голову из башни, когда уже не стреляли. Какая несправедливость... Они сгнули на этих бескрайних пространствах, подумал он. Эта звенящая пустота, которой он с некоторых пор стал называть Россию, забрала их верные фюреру

и Германии души. Тела же покоятся на двух метрах в чужой, мягкой, как хлеб, земле. Я же, Гельмут Дитер, жив и даже поправился. На пайках вермахта не особенно похудеешь – вон, какое брюхо выступает... Кормят как свиней, перед бойней. Он осторожно прикоснулся к двум пышным складкам внизу живота. Спешно одернул руку... Не о том думаете, майор Дитер. Шнапс и бабы ждут солдат фюрера, как древних ландскнехтов герцога Баварского, в каждом покоренном городе. Германия страдала вплоть до XX века. Право жить в единой империи храбрые германцы завоевали в кровопролитных сражениях. Прежде всего с этими проклятыми лягушатниками-французами. Пока эти русские нам помогали, они были наши друзья. Теперь... Он осторожно прикоснулся к качнувшемуся, на железной цепочке, круглому оцинкованному жетону с личным номером и номером части. Мне не хочется верить, что Эльза Дитер получит такую посылочку по почте. Вернее открытку с траурным венцом и скорбным текстом с цитатой из Библии. Надо остаться в живых в этом аду. Главное, сохранить свою бессмертную душу. Не потерять честь, война и человека. Просто честь...

– Старуха! – сказал Дитер, уже вымывшийся и выбрившийся. Одетый в черный короткий китель с Железным крестом, с розовым кантом на серо-серебряных ветвистых петлицах. – Возьми... – он отсчитал, вынув из портмоне, сто рейхсмарок. – Солдаты фюрера благосклонны к тебе. Не думай о нас плохо. Это и это, – он, не церемонясь, указал белым пальцем на овчинный тулуп Матрены Тимофеевны и заячью шапку. – Переведи ей, Отто: я покупаю. Это военная необходимость! Еще столько же... – он указал глазами на портмоне со своим месячным содержанием офицера вермахта. – Ты понимаешь меня, русская баба?

– Ведь она не понимает тебя, Гельмут? – Отто пошевелил кончиком носа (Дитер обратил на эту способность внимание только сейчас), напоминая «баварскому другу» его же слова.

– Все равно переведи, дружище. Пусть они знают, эти варвары, что германский воин не занимается грабежами. Так учат их иудейские комиссары...

Когда Вильгельми закончил перевод, в горнице повисла невыносимая тишина. Матрена Тимофеевна стояла перед двумя германскими офицерами, опустив голову в черном платке. Вот и крест совершил по-своему, здоровый этот, подумала она. И Бога знают, выходит... К ухвату ее больше не тянуло. Что ж, по-христиански оно может и верно. И врагов надо любить. Тяжко, больно их любить, но надо. Так отец Зосима сказал, когда была у него в Сергиево-Троицкой лавре. После того, как сообщение ТАСС было про начавшуюся войну и Молотов по радио выступал, на деревенской площади тьма-тьмущая народу собралась. И Егор, ее сын, тоже побег... Когда из райвоенкомата два ЗИСа приехали, а на них военные с ромбами и шпалами в петлицах, одним из первых записался в РККА. Добровольцем, значит... В ноябре письмо от него получила: не горюй, мать. Воем, бьем гадов-фашистов. Добьем скоро да в Берлин войдем. (Вон они, эти гады: двое прямо перед ней, избу топчут. Еще тьма-тьмущая по всей деревне расплзлась. Разъезжают по ней на своих танках с крестами страшными. Хотя морды у всех человечьи, христианские.) Через неделю получила известие – пропал без вести... Как их любить, отче, если они землю мою попирают, мысленно обратилась она к Зосиме. Избу мою, как свой дом, оприходовали. Над нашим народом глумятся... Неужто в любви моей ко врагу земли моей есть сила жизни? Сила Бога нашего? Русского Бога...

– Берите что хотите, – устало молвила она, не подымая глаз. – Если ваш германский Бог благословил вас на то, берите.

Вильгельми почувствовал теплую волну. Она снизошла на него откуда-то сверху, из неведомой для него выси. Он с небывалым уважением посмотрел на эту русскую женщину. Затем, тщательно подбирая слова, перевел сказанное ей Дитеру. Тот, поворачиваясь своими голубыми глазами, застыл в нерешительности. Посмотрел на икону Сергия Радонежского в золотом окладе, что была в красном углу. На открытку с портретом фюрера, которого какой-то озорник-солдат вермахта пришил кнопкой с красной пластмассовой крышечкой пониже, на бревна избы.

– Скажи этой старухе, дружище, что с нами Бог, – Дитер вежливо козырнул Матрене Тимофеевне. При этом баварец кланулся ногтем по ременной бляхе одного из панцергренадир, где было выбито *Gott mit uns!*. Он уже одел на голову вместо шлема-берета черную с розовым кантом пилотку, которую «венчал» серебряный орел. – Мои родители – истинно-верующие, католики. Католическая церковь учит своих прихожан добру и терпимости. Даже к представителям тех народов, что не знают европейской культуры. Живут точно первобытные... Смягчи это, дружище, – он взял Матрену Тимофеевну за руку и, не ощутив вражды, слегка сдвинул ее слабые, натруженные пальцы. Ощупав мозоли, удивился. – У германских женщин не принято так уродовать свои руки. Пусть эта старуха знает об этом, Отто.

Пока растроганный Вильгельми переводил его слова, Дитер обошел избу. Задержался над изголовьем кровати, на которой спала Матрена Тимофеевна. (Сама железная кровать с сияющими шариками и колесиками на ножках, застланная одеялом из разноцветных лоскутьев, поразила его своей безукоризненностью.) На ковре, что покрывал бревенчатую стену (на нем был пейзаж: лес, поваленные стволы мощных деревьев и медвежата, что играли на них) было множество фотографий в деревянных рамочках. Какие-то суровые старика и старухи, молодежь в белых рубашках и полувоенных гимнастерках. Множество детей в рубашечках одинакового покроя или платяцах (явно учащиеся школы) с накупленными губками, построенные ровными рядами друг над другом. Учитель со щеточкой (точно у фюрера) усов, в военных сапогах, с наборным поясом и большевистским орденом на широкой груди смотрел на панцер-майора Дитера сурово. Но в глазах у этого фанатика-большевика горели веселые искорки. На одной фотографии, пожалуй, самой большой, был запечатлен юноша в военной форме. Пилотка со звездой на стриженной светлой голове. Большие, темные глаза. Верно, это ее сын, подумал Дитер. Поймал себя на некотором сожалении. Ему было неприятно, что этот юноша мог погибнуть под гусеницами его панцера. От осколков снаряда его 35-мм пушки. Жаль... Но война есть война. Ее развязали большевики-иудеи, которых на Германию натравили Томми и «ковбои» из США.

– Не печалься, старуха, – успокоил ее Дитер, приближаясь. Он неспешно надевал черную шинель и, с помощью вестового, начал обувать сапоги. – Должен тебе сказать, что на войне случаются удивительные вещи. Мой отец, Густав Дитер, воевал в прошлую войну. В ходе битвы под Верденом мать, Мария Анна Дитер, получила извещение. В нем говорилось, что отец погиб. Оказалось, что не так. Сволочи-санитары, не прощупав его пульс, сорвали с него опознавательный жетон. Отдали половинку в канцелярию полка. Сволочь-писарь оформил его как погибшего. Машина адской бюрократии завертелась, – он обул сапоги, предварительно надев толстые шерстяные носки, что прибыли в интендантское управление в ходе кампании по сбору теплых вещей для героев вермахта. – Моей милой матери это стоило седой пряди, что обезобразила ее прекрасную голову. Но она ходила в наш кафедральный собор. Молилась за моего отца. И Бог услышал ее молитвы... Отец оказался тяжело ранен и выжил.

Вильгельми вновь перевел. Матрена Тимофеевна пожала плечами. Улыбнулась через силу. Посочувствовать этому здоровому фашисту? Который знает, как креститься, хоть

и двумя пальцами, как в старину на Руси. Как староверы это делают. Хотела бы, немец, да не в моготу. Враг ты мне, сотням и тысячам таких же матерей, как и я. Как и той, что сейчас стоит перед тобой, немец-германец.

– Молись своему Богу, германец, – внезапно сказала она, осененная светом. – Если то, что делаешь ты на нашей земле верно, значит Он с тобой, Твой Бог. Он не покарает тебя. Я же помолюсь за тебя и сына своего. Что б оба вернулись с этой страшной войны. Живые...

...Потрясенные, офицеры вермахта молчали. К ним подошел Гетц, на плече которого сидел, цепляясь коготками о зеленый погон с желтым кантом, маленький пучеглазый котенок. «Котенка зовут Иван, – сказал Амор. – Герр майор, прошу у вас разрешения обратиться к герр капитану...» Оказалось, что обер-лейтенант барон фон Зибель-Швириг потревожил их повторным приглашением. Надо было идти, подумал Вильгельми. Тем более, что необходимо было выполнить задание штандартенфюрера SS Макса фон Вильнера. Нужный ему дом был недалеко от деревенской церкви. Барон, судя по тону звонка, весьма преуспел в отношениях с «русской фройлен». Так, во всяком случае, показалось здоровяку Дитеру. Облаченный в черную шинель и пилотку с кожаными наушниками, Гельмут заявил, что собирается навестить «корон принца» в «древесном замке». Они спустились по заснеженным ступенькам. Обжигающий холод пронял их до костей. На деревню спустились черно-лиловые сумерки. Стальной громадой проползло мимо них, окрашенное негашеной известью, самоходное оружие Stug III. Короткое оружие напоминало пестик «цветка смерти». Патруль в стальных шлемах осветил их разноцветными бликами карманных фонариков. В одном из сельских домов играли на аккордеоне веселый тирольский мотив «Милый Августин». Подпевали веселыми, жеребьячими голосами. Десятки молодых плотов... Отто на минуту отключил свое сознание от происходящего. Пронес его сквозь летне-осенний «блицкриг» на русской границе, когда Desche Grenadiers зачастую шли по этой благодатной земле без касок. Подставляли ласковому ветру и солнцу свои остриженные головы или развевающиеся волосы. На дорогах, изрытых воронками от авиабомб люфтваффе, громоздились изуродованные и брошенные большевистские сверхтяжелые, средние и легкие танки, бронеавтомобили, гусеничные тягачи с гаубицами и тяжелыми пушками. Через снег, метель и мороз они тоже шли. Так их встретила Московская область, в которую они вступили с тяжелыми боями сравнительно недавно. Их обманули... Целое поколение германских юношей очень скоро почувствует себя заложниками чьей-то недобросовестной игры, с тревогой подумал Вильгельми. Когда «гений фюрера» окончательно померкнет в их сердцах, наступит горькое прозрение. Повзрослевшие мальчишки поймут, что необходимо жить без идола, имя которому Адольф Гитлер. Но это не так-то просто, дорогие... Подойдя к «древесному замку», он ощутил легкий озноб. Указанный Вильнером адрес был перед ним.

Они обошли вытянувшегося часового в русском тулупе и натянутом до бровей шерстяном подшлемнике. Просторные сени, освещенные бледно-голубыми стеариновыми плашками, действительно напоминали рыцарский замок. В глубине играл марш «На страже Рейна» – приемник барона был настроен на волну берлинского радио. Сам фон Зибель-Швириг без мундира, но в офицерском корсете приветствовал их в просторной горнице. Во главе вытянутого дощатого стола, что был застелен германской плащ-палаткой, сидела испуганная пожилая женщина в белом платке. Старик с раздвоенной бородой, опершись на клюку (на груди его был белый крестик на черно-оранжевой ленточке) застыл с протянутой рукой. В суровых, сморщенных пальцах его был зажат граненый стакан с мутной жидкостью. На столешнице в изобилии было что поесть. И попить тоже... Вареная картошка с топленным маслом, малосольные огурчики, бутыл с мутной жидкостью, скандинавские сардины в плоских банках, германский

и русский хлеб. Всего было не перечесть. Впрочем, это и не нужно было. Глаза Вильгельми (он, стараясь быть спокойным, снял огромную фуражку) искали девушку с фотографии, что на мгновение ему показал Вильнер. С краю стола в Энске, где находился полевой штаб оперативной группы «Центр». Она вышла внезапно, открыв левым, острым плечиком крепдешиновую занавеску. В руках у этой «русской нимфы» был огромный пузатый сосуд из золотистого металла. Из краника сбоку струился пар. Синие глаза, опущенные венчиками ресниц, на мгновение замерли на лице Вильгельми. В следующий момент он уже ничего не помнил. Не видел и не слышал...

* * *

...Егор, едва уклонившись от острого темного жала, перехватил карабин за ложе. Щелкнул затвором, загоняя патрон в ствол. Осыпая мерзлую землю и чертыхаясь, он, благодаря фрицев за шум взлетающих осветительных ракет, полез наверх. В зимнюю, ночную стужу. Очередь из германского тяжелого MG-34 была, по-видимому, случайной.

В бледном, курящемся от мороза, сумеречном небе то и дело искрились кометные хвосты пускаемых немцами осветительных снарядов. Освещая заснеженную, перепаханную снарядами, минами и бомбами землю, эти светящиеся «абажурчики» (эффект свечения создавался парашютиками, которые раскрывались на предельной высоте), точно ангелы смерти и печали, падали с небесно-ночной выси, от чего поле, прилегающее к высоте казалось неземным, инопланетным пейзажем. Оно было усыпано белыми, зелеными, синими и красными бликами, что выхватывали из темноты червоточины воронок на свежем снегу. Угрюмо, на фоне нависшего «хребта» высоты с печными трубами и горами горелых бревен, высились остовы игрушечно-маленьких, изуродованных Pz-I и Pz-II. С сорванными гусеницами и квадратными, сплюснутыми с боков башенками, из которых выдавались тонкоствольные орудия или одни лишь пулеметы. «Исклеванная» вражьи снарядами стальная машина KB-1 с огромной, вытянутой (точно у линкора) башней со 105-мм пушкой высилась тут же. Боевую машину РККА то ли забросали противотанковыми гранатами, то ли из трубообразных, на тонюсеньких ножках (Егор их видел) противотанковых ружей повредили гусеничные траки и катки. Сизые островки льда бугрились на грозной боевой броне этого легендарного чудо-танка. Легкие БТ-7 в количестве двух, а также один Т-70, внешне схожие с германскими «аналогами», совершенно обугленные, были за противотанковыми капонирами. Видимо тут держали оборону ребята-танкисты, с гордостью за чужой подвиг подумал Егор. И держали ее основательно... С неба, что своим погребальным, меркнувшим саваном-блеском, было похоже на неземное светило, сыпал густыми серыми хлопьями снег. Плохо... На белой, хрустящей перине будут заметны следы. Даже, если отважные разведчики-партизаны пойдут, ступая нога в ногу. След в след, как учат их в заправском разведбате. Все равно плохо, дорогие... Дождавшись темноты в лесочке, что был в километре от сгоревшей деревушки, они, облаченные в саваны из простыней или парашютного шелка (в лесах на ветвях деревьев часто болтались на петлях тела летчиков, а также обломки крыльев, фюзеляжей с разбитых самолетов) подумывали о том, чтобы подойти к местечку. Днем, пользуясь близостью шоссе, фрицы долго сновали на мотоциклах по заснеженному полю. Подымая белые вихри, они подъезжали к остову гигантского KB. Забирались на безжизненный корпус. Позировали перед объективами фотоаппаратов. Гадские дети... Он вспомнил, как пробираясь к линии фронта, они не раз натывались на места бывших боев. Их не обходили своим вниманием вражеские трофейные и похоронные команды. Собирали в крытые, длинные грузовики на гусеницах брошенное оружие, снаряжение и планшеты с документами, снятые с убитых командиров РККА. Как-то мимо него (тоже чертыхаясь) прошел германский солдат-трофейщик в пилотке со спущенными отворотами. На одном плече

у него висела сияющая хромом эсвэтешка, на другом пулемет Дегтярева с круглым диском. Враг что-то пел. Егору даже удалось рассмотреть его мальчишье лицо. Со вздернутым носом и пухлыми, по-девичьи нежными губами. Занесла тебя к нам нелегкая, в сердцах подумал он. Тут же в памяти всплыл образ Сергея Тищенко, которого они потеряли под Смоленском. Тогда вышла вот такая оказия...

– Где еще один? – горячо зашептал Егор сквозь заиндеветшие усы. Цигейковые отвороты шапки он крепко затянул на подбородке. Он осторожно выдвинул карабин жалом штыка в направлении сгоревшей деревни. – Эх вы, зайцы трусливые. Я, что ли один до местечка поползу? Нет, так не пойдет, мальчики. Кто будет не из робкого десятка? Отзовись...

Тот час же снизу, шумно осыпая холодную землю и камни, кто-то вскарабкался к нему. Голова в пробитой каске задела его туго набитые, неизрасходованные патронные сумки. Красный свет пущенной ракеты выхватил из темноты злые, мальчишьи глаза. Большие губы под сплюснутым, широким носом. Сопит наверное в темноте, подумал Егор. В разведку с таким вот «кадриком» ни-ни и ни за что. Потому что такого «храпуна» за версту и видать и слышать. И врагам, и своим...

– Ну что, братишка, повоюем? – с надеждой спросил он шепотом у бойца. – Можешь не отвечать. Сейчас наша задача такая: прикрыть отход нашей группы через поле к лесу. Что у тебя за оружие? Эсвэтэшка? Затвор не забился? – спросил он, видя кинжальный штык и дырчатый кожух газоотводной трубки СВТ. – Проверь, что бы, не дай Бог, в бою оружие не подвело... Теперь, смотри: если какое движение по сторонам произойдет – не торопись стрелять. Стрелять в нашем случае – последнее дело. Немецкий знаешь? Как?..

– Знать я знаю, товарищ командир, – с сомнением протянул плосконосый мальчик-красноармеец. – У меня в школе круглое «отлично» было по «шпрехен зи дойтч». Только слушал я их речь в бою и сейчас, в сумерках... Не так они говорят, как нас учили. Не то произношение. Вы не беспокойтесь, товарищ командир, – продолжал он как-то слишком самоуверенно. – Я смогу по-немецки, если что... Если что и перевести смогу. Только лучше бы они нам не попались...

– И мы им тоже, – сказал кто-то внизу, довольный тем, что вставил словечко. – Особенно тем, кто ни одну бабу за титьки не дернул. Ни разу...

Внизу, там где смутно белел снег и чернели кусты, довольно громко заржали. Хотя тут же, вняв приглушенному мату, что изрыгнул Егор, примолкли. Зря все это, хотя и необходимо. Правда здорово, что ребят повеселил этот черт невидимый. Ежкин кот, он же душу им просветлил. На войне это, порой, сохраняет жизнь.

...Когда последний боец, шаркнув подошвами, перевалил через белый гребень сугроба, Егор шумно вздохнул. Почтище того «храпуна» будет, подумал он. Скрипнул зубами...

Тут же в памяти его всплыл страшный день. Сергей и Ирина отбыли на подводе, запряженной пегой с белыми подпалинами кобылой. Тяжелый ком сдавил его изнутри: как будто видел обоих в последний раз. Неделию они прожили безбедно: туды-сюды... Но в тревоге и сомнении, что не оставляли их подспудно, гложя душу и сердце. Одним вечером дозорный Тимурбеков, запыхавшийся от волнения, сообщил: слышу шум с дороги. Егор (благо, что приказал не спать) приказал Малой Красной армии уходить в лес. Спрятавшись за дере-

вьями, что были за прудом с нутриями, они видели как на площадку, перед домом с бытовкой и сараем, выехала германская бронемашина. На стальном корпусе у нее была башенка с тонкой 20-мм пушкой и пулеметом. Открылась угловатая железная дверца. На поросшую травой землю ступили ноги в черных шнурованных ботинках. Их было трое, немцев-фашистов. В черных, коротких кителях с серебристыми молниями в петлицах. У одного из них на голове был кожаный шлем, похожий на футбольный мяч. У двоих – черные пилотки с розовым кантом и эмблемой черепа и скрещенной кости. Это были, по всей видимости, квартирьеры дивизии SS «Рейх», что воевала в составе 2-ой панцирной группы. Весело переговариваясь, двое зашли в дом. Тот, что был в «футбольном» шлеме, остался на пороге. Вынул из нагрудного кармана черного кителя портсигар. Закурил тонюсенькую желтую сигаретку. Егор, испытывая чувство глубокой досады, посмотрел на ближайших к нему бойцов: Тимурбекова и Корниенко. Замысел пришел сам собой... Единственное, о чем приходилось жалеть: не было Сергея, который «шпрыхал» по-немецки, будто сам был из их краев. Остальное было делом техники... Отмкнув от винтовки трехгранный штык, Егор подкрался к германской бронемашине. Пальцы его поглаживали серую шершавую броню с черным на белом крестом. Будто просил о помощи эту «вражину». Учув момент, он сделал выпад. Рука со штыком с мягким хрустом вошла в сердце SS-манна. Тот, выпустив из ноздрей клубы синеватого дыма, повернулся в его сторону. Сам напоролся на черное, отточенное жало... Двое других, что, посмеиваясь, вышли во двор, были тот час окружены бойцами Малой Красной армии. Один из них нерешительно поднял руки. На его бледном, испуганном лице блуждала виноватая улыбка. Тот, что был постарше, показал пальцем на серебряный значок в виде мертвой головы, что был на его кителе. К удивлению бойцов, сказал по-русски, почти без акцента: «Не стрелять! Я штандартенфюрер SS Беннеке. Вы можете получить от меня весьма ценные данные о дислокации германских войск. Приведите меня и моего товарища в свой штаб. Повышение и благодарность от своего командования вам обеспечены». По знаку Егора этого фрица (вынув из кобуры маленький пистолет) отвели в сторону. Держа в руке снятый с предохранителя «Вальтер», Степанов допросил его.

«...Вы не офицер Красной армии, – сказал эсэсовец, который нашел во лбу Егора неприкрытую точку и буравил через нее мозг. – Всего лишь красноармеец. Опустите мое оружие. Не бойтесь... Как вы думаете, почему я так хорошо говорю по-русски? Попробуйте угадать, герр молодой коммунист...»

«Шпионом, наверное, были, – сострил Егор. Оружие он так и не опустил. – Да, я боец Красной армии. Мы отрезаны от главных сил, – тут же его „понесла нелегкая“. – Сдаваться вам не собираемся. Думаете на жалость нас взять? Или на страх? Не выйдет, господин фашист. Не на тех напали. Что было в начале войны – не конец. Это только начало. Соберемся силами. Как жажнем...»

«Вы не знаете, как допрашивать пленных, – снисходительно улыбнулся Беннеке. – Вы не знаете ничего... – в следующий момент его рука перехватила руку Егора. Белые пальцы сделали неуволимое движение. Егор захрипел и пистолет выпал. – Вот видите, герр молодой коммунист! Еще один момент – я бы убил вас всех. Но я этого не сделаю. Ведите меня к вашему начальству. Шарфюрера Шапса, – проведя пальцем по носу, он кивнул в сторону другого эсэсовца, – необходимо будет изолировать. Он может оказаться невольным свидетелем. Если его поместить с другими германскими пленными, может произойти утечка. Вы этого не понимаете. Когда-нибудь поймете...»

Гитлеровец, не глядя на оторопевшего Егора (другие бойцы тоже дали «петуха»), поднял с травы «вальтер». Вложил вороненый пистолет с вензелем из серебряных молний в непослуш-

ную руку Егора. Пальцы тут же потеплели. Их точно укололи сотнями оточенных игл. По всему телу советского бойца волнами разлился покой. Может он действительно шпион, этот фашист? Только наоборот... Егора молнией осенила догадка. Он протянул «гитлеровцу» его пистолет. Если не убил сейчас, то не сделает это никогда.

«Хорошо, – молвил командир Малой Красной армии. – Мы возьмем вас с собой. И вашего... Ваше оружие мне ни к чему. Берите его обратно, – Беннеке после недолгих раздумий спрятал пистолет в кобуру. – Кто бы вы ни были, знайте: командир здесь я. Мои приказы не обсуждаются. За неповиновение буду карать...»

«Договорились, – усмехнулся эсэсовец. Он с неподдельным интересом заглянул Егору в глаза. – Вы достойны уважения, молодой коммунист. Острый ум, отменное чутье... Из вас получится неплохой специалист. Но об этом после. Я принимаю все ваши условия. Теперь послушайте меня. Мы пойдем до линии фронта по глубоким тылам германских войск. В этом планшете, – он показал глазами на плоскую кожаную сумку, что висела через плечо, – есть последние оперативные сводки. Бои идут под Вязьмой и Можайском. Я особая персона. Согласно некоторым документам, мне предписаны особые полномочия в прифронтовой полосе. Как это у вас водится... Вы есть мой командир, я же ваш политкомиссар. Так вот, герр большевистский командир: все мои указания по ситуации надлежит выполнять. От них зависит наша жизнь. Любое промедление – вы покойник. Все ваши товарищи... Вы хотите остаться в живых? – внезапно спросил Беннеке. Широко раскрытые глаза излучали странное завораживающее свечение. – Хотите вернуться домой? Обнять мать? Отвечать!»

«Понятное дело, хочу... – Егор не в силах был смотреть в эти „буравчики“ под черной пилоткой, где темными провалами глазниц смотрелся металлический череп с костями. – Договорились, господин фашист. Никакой вы не комиссар, конечно. Но слушаться вас буду».

«Молодой человек, последнее, – Беннеке подошел к нему вплотную. Положил руку на плечо. – Вы хлопот не оберетесь, если назовете истинного германца, национал-социалиста, итальянским фашистом. Предупреждаю вас, будьте осторожнее с терминами. Они как мины: сделаешь неверное движение – и смерть унесет вас в своих объятиях...»

Провались ты со своей брехливой поэзией, подумал ошалевший Егор. Какая-то таинственная, колдовская сила опустилась на него. Его товарищей и весь мир. Что за бред, ползти всю ночь (после смертельного боя), прятаться с другими бойцами вдоль дорог и в лесу от немцев, чтобы потом... Да, чудны Твои дела, Господи! Станный, однако, немец. Может и впрямь, наш разведчик? Шпион... Надо быть с ним по-строже. Спуску не давать. Ишь чего удумал, комиссаром буду. Видали мы таких комиссаров... Но знает он на порядок выше, чем все мы. Что-то такое, что нам неведомо. Я и руки его не разглядел, когда он за пистолет ухватил. Волшебник да и только. В глаза смотрит редко. Все наскрозь... Но если посмотрит, то держись. Будто огнем ожжет. Повезло мне с попутчиком, что ни говори. Он велел завязать шарфюреру Шапсу руки. Беннеке не препятствовал. Залез (весьма непосредственно) в бронемашину. Вылез из нее с кожаным сундучком, в котором оказалась плоская бутылка с серебряными стаканчиками и прочим столовым прибором. Предложил выпить за успех. Бойцы нерешительно помялись. Ни один из них не подошел. Егор, смущенно пожав плечами, принял из холеной руки гитлеровца серебряный стаканчик. Пахучая едкая жидкость приятно заполнила горло. Заволокла мозг. С минуту он стоял, заполненный светом. Головы своей Егор не чувствовал: так «прострелило» его сверху. Значит так надо, сказал его внутренний голос.

Они ехали на «трофейной» бронемашине сутки. Вел ее Шапс. По настоянию Беннеке, ему пришлось-таки развязать руки. (Убитого роттенфюрера Эшкеля зарыли недалеко от пруда.) Рядом с водителем сидел сам Беннеке. Он был необычайно спокоен. Перед тем, как забраться в железную кабину с прорезями, шепнул по-немецки несколько слов своему «товарищу». Тот и не думал возражать. Выглядел потрясенным, не меньше, чем советские бойцы. Через запруженные германскими войсками дороги Смоленщины, минуя почти беспрепятственно (благодаря таинственному предписанию Беннеке) многочисленные посты фельдждан-дармерии и SS, они въехали в Московскую область. Линия фронта была поблизости. В сгущающихся сумерках отчетливо виднелись вспышки далеких взрывов. Доносился гул канонады. Один раз сверху донесся оглушительный вой. В свете фар с маскировочными фильтрами было видно, как германские солдаты и офицеры бросились в разные стороны от своих бронетранспортеров и автомашин. Кто-то из притаившихся бойцов тоже дернулся вперед. Но Беннеке легким ударом ладони в шею «вырубил» его на несколько минут. Вскипевший было Егор, тут же сообразил: налет был наш, советский. Заметь гитлеровцы человека в красноармейской форме – последствия могли быть необратимыми. Только и всего...

В старинном русском городе, наполовину разрушенном и сгоревшем, Беннеке велел Шапсу заправить бронемашину. Тот подкатил к огромной пузатой автоцистерне, стоявшей на площади. От нее на клапанах тянулись толстые резиновые шланги, от которых заправлялись танки с тавро из красного круга и белой, с загнутыми краями, тибетской свастики. Их было много, этих коробчатых машин с приземистыми башнями. Над ними был растянут широкий маскировочный тент с матерчатыми шишечками и веточками. Танкисты в черных и светлых (бумажных) комбинезонах неспешно прохаживались невдалеке. Хлопали в борта бронемашин и посмеивались. Кое-кто из них переговаривался с Шапсом. Тот отвечал односложными фразами или вообще молчал. К этому времени окончательно успокоился. Когда шланг с клапаном отсоединили (высокий гитлеровец сделал отметку в путевом листе), Беннеке на мгновение зажег свет в кабине. Разобравшись с картой в планшете, он бросил Егору через плечо: «Вот и приехали, молодой человек». Они выехали из города, миновав обложенный мешками с песком пропускной пункт. Углубились в лес. Бронемашину, по молчаливому приказу Беннеке, загнали в чащу. Вытащили из крытого кузова маскировочный чехол и запаковали в него. Эсэсовцы облачились в короткие пятнистые куртки с капюшонами. Надели на спины рыжие ранцы и спальные мешки. В руках у обоих были короткие черные пистолет-пулеметы с плоскими обоймами и складывающимися прикладами. По совету Беннеке, Егор построил Малую Красную армию. Бойцы выглядели смущенно, но с положением «обоих фрицев» уже смирились.

«...Мы организовано переходим через линию фронта, – сказал Беннеке в полголоса. – Не шуметь. Это первое и главное правило. Любой шорох будет расцениваться как желание уйти из жизни. И увести за собой других. В отношении первого каждый волен поступать как хочет. В отношении второго... Предупреждаю, – сказал немец, не меняя интонации, – если кто-нибудь из вас нарушит данное указание, пусть пеняет на себя. Так говорят в России. И еще: сам погибай, но товарища выручай. Так вот, задача каждого из вас – помочь своему товарищу. Если с ним происходит что-то странное, дайте знать мне и вашему командиру, – он кивнул в сторону Егора. Сделал неуволимое движение рукой. – Мы примем меры. Указание второе: ни в какие контакты ни с кем не вступать. Пока не перейдем линию фронта. Нас не должна видеть ни одна живая душа. В том числе, ваши партизаны и солдаты тех частей, что попали в окружение. Попытка нарушить данное указание будет трагична. Не мне вам объяснять, что это значит, – он снова сделал неуволимое движение рукой. – Последнее: любое движение, мое и вашего командира, означает приказ. Прислушивайтесь к себе, когда видите, – он поднял свою

левую руку. Направил ладонь на бойцов, которые стояли, затаив дыхание. Затем плавно опустил. – Это большое значение. Вам не нужно думать. Вы должны чувствовать себя. Свое сердце и свой мозг. Когда у вас говорят „за германского солдата думает фюрер“, говорят неверно. Это перевернутый смысл. Я вернул его прежнее значение...»

Линию фронта они переходили до первых снегов. Ее как таковой и не было... Стоило до торжественного парада на 7 ноября 1941 года остановить германский «Тайфун», как он закипел вновь. По пути им частенько приходилось видеть разрозненные советские части. Как-то раз они чуть лоб в лоб не столкнулись с двумя немецкими связистами. Те протягивали телефонный кабель. Один из них, остановился над склоном оврага, где заночевала Малая Красная армия. Благодаря густому кустарнику и покрывшим его разноцветным листьям, германец не рассмотрел спящих бойцов. Хотя помочился на них вдоволь... Через две недели, питаясь сохранившимися Ириниными харчами, а также консервами и шоколадом Беннеке, «объединенная группа» (по выражению штандартенфюрера) вышла к Болхово. Дожди уже прошли. В лесах и на дорогах лежал первый густой снег. Он покрыл места недавних боев погребальным, хрустким саваном. Как-то, проходя мимо неприметных земляных холмиков с красноармейскими касками и пилотками, Беннеке остановился. На мгновение, склонив голову в черной пилотке с адамовой головой, простоял в лесной тишине. Егору, что ни спускал с него глаз, это показалось странным. Но он смолчал. Время от времени Беннеке брал его с собой «осмотреться». Егор без труда понимал смысл всех потаенных движений «политкомиссара». Похоже, в меня вошла какая-то мистическая сила, подумал он. Как-то на привале (за неделю до конечного пункта), когда на немецких полевых примусах разогревались открытые банки с немецкой же тушенкой, он в полголоса спросил: «Что-то произошло со мной с того самого дня, товарищ национал-социалист. Чувствую, что воспринимаю происходящее как вы. Чем это вы меня опоили? Не пронесет по дороге...» «Не пугайтесь, молодой коммунист, – Беннеке засмеялся одним горлом, не издав ни одного опасного звука. – Это совершенно безвредно с медицинской точки зрения. Тибетские травы. Настой, как говорят в России. Еще: „нектар здоровья“. Это натуральный продукт, активизирующий нервные клетки и кору головного мозга. Он отключает ненужные процессы. Вам не приходится быть в напряжении и быстро уставать. Много думать тоже не приходится. Только действовать. Точно. Быстро. Безукоризненно...»

Под Болхово, по настоянию Беннеке, они разделились. Осмотрев карту сквозь целлулоидное «окно» планшета, немец командным голосом обратился к Егору: «Молодой коммунист! К концу дня, когда мы окажемся в расположении Красной армии, вы незаметно уведете своих людей. Скажите им, если будут спрашивать, что так необходимо. Далее... Вы пройдете через лес четыре километра. Строго на север. Ориентируйтесь без компаса. Вы умеете слышать... Лес кончится. За ним будет деревня Белая Русса. Обратитесь к старшему по званию командиру Красной армии. Пусть отведет вас в особый отдел. Начальнику особого отдела скажите: „Есть новости от 401-ого. Сообщите по линии“. Слово в слово. Повторите!» Егор повторил сказанное дважды. Беннеке (они лежали на снегу, подостлав спальный мешок) на минуту закрыл стальными-серыми, обведенными усталостью глаза. Выглядел он довольно бодро. «Вам могут не поверить. Будут задавать странные вопросы грубым тоном. Держитесь, Егор, – он улыбнулся. – В конце-концов вам поверят. Не сомневайтесь. Подробно изложите, устно и на бумаге, „наше знакомство“. Где, когда и при каких обстоятельствах...» Всю ночь они шли через лес, буквально напигованный германскими частями. Блиндажи, штабеля из деревьев, артиллерийские и минометные позиции... По ночной дороге, которую им пришлось переползти (на снегу отчетливо были видны следы) время от времени проезжали патрульные вездеходы, бронемашины и даже пулеметные танки. Из окрашенного в белую извилистую линию автофургона, с эмблемой из трех лучей в круге, на радиаторе, вышел обнаженный по пояс фриц. Он, поло-

жив рядом с собой включенный карманный фонарик, принялся растирать снегом свой упругое, в буграх мышц тело. «Пора прощаться, – неожиданно шепнул Беннеке. – Я и Шапс остаемся здесь. Вопросов не задавать. Вам ясно? Вперед... – помедлив, он добавил. – Обещаю, Егор, что найду вас. Ждите...» Вскоре, оказавшись у разрушенной деревушки, где один КВ уничтожил с десятков гитлеровских танков, они перешли линию фронта.

...Деревни Белая Русса они достигли к концу следующего дня. У крайнего к лесу дома их приметил красноармеец в железных очках, что копался в радиаторе «эмки». У него челюсть обвисла... На Егора (зимних вещей в достатке припасено не было), закутанном в германское шерстяное одеяло, нельзя было не смотреть без смеха. Остальные пять бойцов были одеты, кто во что горазд. Валенки своих у них не было. Кто-то снял с убитого (если не опередили немцы), кто-то обмотал ноги шинельным сукном. На Тимурбекове была германская войлочная куртка с золотыми «птицами» на голубом шевроне. (Удалось стащить с мертвого офицера люфтваффе, когда шли по немецким тылам.) Корниенко и Федусов (контуженный боец, у которого из ушей текла кровь) кутались в пятнистые германские плащ-палатки. Водитель «эмки» то открывал, то закрывал рот, силясь что-то сказать. Разводил в стороны руками в поисках оружия. Видя такое бессилие, Егор, знаком (точно Беннеке) велел всем оставаться на месте. Снял с плеча карабин системы Мосина и выстрелил в воздух. Сбежались бойцы... «Кто такой 401-ый? – совершенно натурально удивился особист в стеганой безрукавке, к которому его доставили. – Не знаю такого. Впервые слышу. Что значит „сообщите по линии“? Кто вам давал такие инструкции...» В следующий момент он затих. Круглое, молоджавое лицо этого парня с лейтенантскими кубарями в зеленых петлицах побледнело. Егор, сделав мимолетное движение пальцем по подбородку, повторил свою просьбу. Прежним голосом, не меняя интонации. Как это сделал Беннеке, когда инструктировал их в лесу. Особист взял трубку полевого телефона. Попросил соединить его с «четвертым». Во время разговора по ВЧ теребил свой нос. «Будет исполнено», – сказал он в довершении. Водрузил трубку на рычаг. «Вас приказано накормить и уложить спать, товарищ боец, – почтительно обратился он. – Следуйте за мной». От еды Егор отказался. Его заперли на втором этаже деревенской школы. У двери поставили красноармейца с пистолет-пулеметом Дегтярева. Егор хотел было спросить о своих бойцах, но неведомая сила схоронила этот вопрос в глубине души. Еще не время, сказал он. С ними все будет в порядке.

Вечером того же дня он проснулся оттого, что почувствовал чужое присутствие. В комнате, где он спал, находились еще два человека. Пожилой майор-артиллерист с седыми, волнистыми волосами и полковник медслужбы с аккуратно подстриженной щеточкой усов. На груди у него был орден Красной Звезды. В руках он держал палочку с белым костяным набалдашником в виде орлиной головы. Они сидели в разных углах (один на пустом ящике, другой на табурете для дошколят) и бесцеремонно осматривали Егора. Почувствовав, как голова во сне наливается тяжестью, он приоткрыл глаза. Его тело было непослушным. Он с минуту пролежал, не владея собой. Затем, когда по членам горячими толчками хлынула кровь, помассировал виски. Медленно привстал и сел. Весь его вид говорил двум старшим командирам: принимайте меня таким, каков я есть. Другой вам просто не нужен.

– Проснулись, молодой человек? – нарочито ласково заговорил с ним седовласый майор. – Чайку попить не желаете? Не надо стесняться.

– Нет, спасибо, – Егор ощутил спинным нервом «закавыку». Решил сохранять бдительность. – Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу... – он сделал вид, что приподнимается с койки, чтобы встать по стойке смирно.

– Не трудитесь, товарищ Степанов, – с улыбкой произнес майор. – Не надо китайских церемоний. Просто Игорь Николаевич, – он провел большим пальцем по переносице. – Так вот, внимательно вас слушаю. Предпочитаете говорить или писать?

– Можно и написать, – с минуту поразмыслив, сказал Егор. – Только в письме может смысл потеряться. Поэтому, – он потерел кончик носа указательным пальцем, – я сначала все перескажу на словах. Потом проверю свою память...

Скрипнул табурет, где сидел полковник с палочкой. Егор весьма подробно рассказал о «знакомстве» с Беннеке. Стараясь не пропустить ни одной значимой детали, он описал путь по немецким тылам к линии фронта. Оба старших командира слушали, не проронив ни слова. Как будто на момент рассказа у обоих остановилась работа сердца. Или возникли проблемы с вестибулярным аппаратом. По окончании рассказа (Егор подумал, не повторить ли его) полковник со змеями в петлицах изобразил на лице талейрантовость. Переложил палочку из руки в руку. Кинул мимолетный взгляд на майора-артиллерийста. Тот засопел, как паровоз. С минуту сидел молча. Затем, улыбнувшись еще любезнее, попросил:

– Теперь, товарищ боец, еще раз повторите сказанное. Касаясь, в первую очередь, аспекта самого Беннеке. Честно говоря, фамилия звучит как-то странно. Прямо сейчас выдумали? Или в пути кто помог? А?..

– Во сне приснилось, – Егор был рад тому, что с ним заговорили натурально. – Вы помогли. Своим присутствием.

Краем глаза он уловил мгновенную реакцию полковника медслужбы. Тот явно был старше в обоих смыслах. Его слово будет окончательным. Этот суровый человек с палочкой на мгновение сморщил губы. Щеточка усов взметнулась и опустилась. Ага, прячет улыбку. Хорошо... Егор ощутил благодатный жар в центре груди. Он проистекал со стороны полковника и передавался ему.

– Все-таки повторите, – майор сказал более серьезно.

– Повторяю еще раз, – Егор смущенно растянул губы. – В лесной сторожке, где лешие да водяные вместе со Святым Духом – прости меня, Господи, – обитают, познакомился я с немцем по фамилии или имени Беннеке. Сказал он мне, что собирается до стольного града Московского. Решил взять меня, грешника окаянного, с собой. Шли мы с ним, шли. Покудова не дошли до ваших мест. А в пути все людьми новыми обрастали. В количестве пяти душ. Если не считать, конечно, другого немца. Его, этот первый, в саквояжике переносил...

– Молодец, фантазия у тебя богатая, – майор провел ладонью по белоснежной, хорошо уложенной седине. – Посмотрим, какая у тебя зрительная память.

В следующий момент он подошел к койке. Выложил на нее веером фотокарточки. Будто хранил их в рукаве. На Егора смотрели лица германских офицеров. Суровые, моложавые... В высоковерхих фуражках с черепом и витым шнуром. В пилотках и каскетках с длинным козырьком. Но ни одно из них не было ему знакомо. Поэтому он сложил этот веер в стопочку. Подравнял с обеих сторон пальчиком. Почесал тем же пальчиком свой щетинистый подбородок.

– Неужели ни один из них... – майор с легким сомнением заерзал на ящике. – Ваша память никогда вас не подводила, молодой человек?

– Только в школьные годы, – невинно хлопая ресницами, ответил Егор.

Полковник медицинской службы протяжно кашлянул. Затем привстал, проведя щепотью пальцев по усам, которые делали его схожим с германским фюрером.

– Скажите, товарищ Степанов, – обратился он к нему. – Что вам показалось странным в поведении данного немецкого офицера?

В памяти Егора всплыли многие детали. Он тут же преподнес их на «горячем блюде».

– Во-первых, этот Беннеке, поначалу, принял нас за других. Стал говорить о каких-то важных документах, что якобы находятся у него в планшете. Убеждал, что нам обеспечены благодарность и повышение от командования, если доставим его за линию фронта. Просил изолировать своего товарища, этого Шапса, чтобы тот не разболтал о нас в плену. Как будто... Но не это главное. Позавчера он шепнул мне, что после перехода через наши позиции нам следует разделиться. Он и Шапс пойдут, значит, отдельно. Получилось иначе: позавчера ночью, в немецком тылу, – перехватив немой вопрос полковника, он продолжал. – Мы переползли через дорогу. Наткнулись на большущий грузовик с длинным крытым кузовом. У него наверху была какая-то палка с проволокой. Оттуда вышел немец и стал растирать себя снегом...

Майор, бросив мимолетный взгляд в пустоту, что была перед ним, вышел. Ни слова не сказав. Полковник со змеями, что перевели чаши, на защитных петлицах остался в прежнем положении. По-прежнему не глядя в глаза, он чертил палочкой замысловатые, воображаемые фигурки на паркете.

– Еще что? – сухо, но без вражды обратился он к Егору. – Что еще вам показалось странным в поведении данного немецкого офицера, молодой человек? Вспоминайте. Времени много.

– Он не убил нас, – внезапно для себя вымолвил Егор. В комнате тут же повисла бархатная тишина. Будто кроме них здесь была масса народа. Теперь, успокоенные завораживающей подробностью, все послушно ждали. – Сразу, как только мы отошли в сторону. Когда я имел неосторожность...

– Верно, – согласился с ним полковник медицинской службы. – Что вас беспокоит? С самого начала нашего разговора. Отвечайте, – он сказал последнее как Беннеке, почти не изменив интонации.

– В сторожке, где произошло «знакомство» с Беннеке, мы расстались со своим товарищем, – Егор говорил, будто исповедуясь перед Богом. – Мы не могли его ждать... Короче говоря, я беспокоюсь за него.

– Ваше волнение передается ему, молодой человек, – улыбнулся полковник. – Оставьте эти нервы. Приведите все на свои места внутри. Вы пытаетесь проникнуть в настоящее с таким грузом? Напрасно. Все наши поступки известны. Еще до того, как были совершены. Они записаны в Книгу Жизни нашим Великим Создателем. Богом, если хотите. Хотите? – улыбнувшись, он бросил первый...

* * *

Теленок едва касался его руки влажными, мягкими и теплыми губами. Какой он смешной, этот одинокий теленок, подумал Сергей. Тут же сообразил, что сквозь разворошенный (с ночи забрались на колхозное поле) стог их могли заметить. Образовалась довольно большая прореха. Он поднял голову, прислушиваясь к мерному сопению из горла. Сквозь прореху залетали легкими перышками сухой и пушистый снег. Пробивалось серой, смиренное утро. Были видны белеющие от «небесного сахара» колхозные поля. Как и все земли вокруг, с домами, людьми, с принадлежавшей им живностью и незатейливым имуществом они находились под железной, кованой пятой германского Ordnung. Он пришел в эти края на узких гусеницах немецких танков, с короткими пушками или пулеметами на коробчатых, приземистых башнях. Бдительные вражьи глаза мерещились ему отовсюду. По окончании специальных разведдиверсионных курсов при 4-ом управлении НКВД (по возвращению из первого рейда) был с группой диверсантов заброшен в тыл врага. Их сбросили с двухмоторного американского «Дугласа» на территорию оккупированной Днепропетровской области. Их было десять человек, совсем юных ребят. До того самого утра, когда группа наткнулась на засаду. Сволочь какая-то, видно, наступала. Пулеметная очередь прошла в сантиметре от головы. Шапку сорвало к ядерной фене. Он зарылся с головой в снег. Из неприметной, смутно сереющей в снежной дали кочки с железным клетотом вылетали огненные нити трассирующих пуль. Лопались вокруг него разноцветными, огненными же кустиками. Пули dum-dum подумал он машинально. Вспомнился предмет «огневая подготовка», где их познакомили с основными видами оружия и боеприпасов, используемых войсками «тысячелетнего» рейха. Там были и MP-38, и карабины «Маузер» (K-89). Чего там только не было...

Сквозь прореху в стогу он видел как по дороге, что тянулась по кромке поля, двигалась запряженная лошадей крестьянская телега. Слышен был скрип несмазанных осей да позвякивание ведра о задок. Кто-то сидел за возницей. Кто именно, мешал увидеть часто роившийся, пчелиным большинством, белый снег. Вот дурёныш, подумал Сергей о теленке. Тот тихомирно стоял подле разворошенного им же стога. Пожевывал несвежую, жухлую солому. (В этом аромате Сергею пришлось провести ночь, чтобы не околеть от холода. Ребят после пулеметного обстрела он не нашел. Поднялась вьюга и замела следы. Удалось доползти на этот стог. Вероятность того, что «коллеги» будут прочесывать по утру местность, была высока. Но в деревню идти он повременил.) Возьмет да привлечет ко мне ненужное внимание. Хоть бей его, хоть режь. Ну, ты, сволочь неразумная, брысь отсюда. Умственно он приказал теленку сделать это. Зверски округлил на него глаза. Это не помогло. Теленок на одно мгновение прервал свое увлеченное занятие. Весело захлопал ушами. Принялся созерцать странное поведение незнакомого ему существа, от которого шел чужой, не здешних краев запах. Сергей ясно увидел сидящих на телеге двух германских солдат с винтовками. В пилотках с опущенными, по-зимнему, отворотами. Один из них курил, свесив ноги в коротких, с расходящимся голенищем сапогах. Другой, лежа в соломе лицом к небу, очевидно, наблюдал снегопад. То и дело смахивал быстро наставшую на лице холодную, скрипучую и мягкую коросту.

Интересно, какое у него, у этого парня, лицо. Морда у него какая-то должна быть, подумал Сергей. На этот раз он, не очень сдержанно, представил, что два таких «гада» могли лежать в блиндаже за пулеметом, посылая в него смертоносные трассеры. В него и в них... Тот, что сидел, гордо свесив ноги, докурил сигарету. Красно полыхнувший, как уголек, окуроч, бросил на дорогу. Показал рукой в крестьянской varejke в сторону одинокого стога. Видать приметил бурого, нескладного теленочка с белыми подпалинами на худых боках. Рельефно выпира-

ющими под клочковатой шерстью ребрами. Засмеялся... Все, сейчас подойдет, подумал Сергей. Он почесал левую бровь, соображая, что делать дальше. Внушения ни на теленочка, ни на германца не действовали. Им помогала местная сила. Он стянул зубами армейскую рукавицу. Перевернувшись на затекшем слегка боку, вытащил из-за пазухи грубой, диверсионной стеганки свой «Вальтер».

...Запотевший от сна, германский пистолет тускло отсвечивал в потемках. Он был взят прошлого дня, таким же утром, из кобуры мертвого германского офицера. С погонами полковника, о чем свидетельствовали две золотые «звезды» на серебряном шитье. Тот был в салоне развороченного армейского автобуса «Даймлер-Опель». Взрывом фугаса (дело рук местных партизан) машину отбросило в кювет и повалило набок. Из окон вылетели все стекла, прикрытые синими кожаными шторами. Мертвому водителю лицо сильно посеколо. Он единственный остался на своем сидении. Полковника отбросило в заднюю часть кабины. Он еще был жив. Продолжа-таки смотреть на мир. На бледно-серое, по-зимнему смиренное утро. Сергей был категорически против, чтобы подойти к машине. Это не входило в план операции. Но старший группы, Анатолий Смоляков, грозно посмотрел на него. Затем, выпятив нижнюю губу, произнес: «Кто боится, пусть остается с девочками». Пошел сам. («Девочкой» в группе называли Настю Светлову. Была она радисткой.) Сергей, из чувства солидарности, увязался за ним. Сделал это, чтобы вся группа не сбилась с «внутреннего курса». Но это произошло. Завидев в салоне опрокинутого автобуса еще живого германца, Анатолий присвистнул. «А ты живой, гад, – сказал он в исступлении. – Поможем этому гаду сдохнуть?» «Уходить надо, Толя, – Сергею хотелось взять этого юнца за шиворот. Дать коленом под зад. – Мало ли кто вздумает навесить эту дорогу». Анатолий вынул из кобуры «Вальтер» (Р-6). «Я же сказал – иди к девочкам...» – презрительно бросил он. Германский полковник захрипел. У него была проломлена грудь. Из горла на шитый серебром черный воротник и меховые отвороты шинели хлынула кровь. «Доходит, гад фашистский, – Анатолий с отвращением снял оружие с предохранителя. – Сам не желаешь?» Прежде чем Сергей успел что-либо предпринять, приставил тупой ствол. Толстый ворс германской шинели смягчил звук выстрела. Седеющая голова германца откинута...

Сергей только и смог: подойти к командиру и плюнуть в лицо. Так, чтобы не видали другие ребята. И Настя, которую он полюбил. Всем сердцем и всей душой...

Вечером того же дня Сергея поймали местные жители. Он снова уснул, зарывшись глубоко в стог. Очнулся теперь уже от прикосновения чего-то жесткого и острого. Прямо в грудь уперлись вилы. Три металлических, отточенных острия. Словно пальцы мифического чудовища. За мужиком в колушке и шапке, обросшем седой бородкой, стояла баба. Кутала голову в платок и жалобно причитала: «Уходи отсель, кат! Вражина ты красная. Придет германец, вин тебе скажит мордюку. Петро, гони его. Не треба нам таких постояльцев...» Но Петро, смачно выругавшись, велел ему встать. Идти до хутора. Они прошли через снежное поле. Хутор, как игрушечный, с мазаными домиками под соломенными крышами, с «журавлями», скворечнями и плетеными заборчиками был перед ними. Вдали, с возвышенности, в мутно-белом мареве, перед черточками лесов, виднелась серая лента забранной под лед речки. Через нее был перекинут железнодорожный мост. Недалеко к нему жался деревянный мостик. По нему по направлению к городу шли возы с сеном. На «коллег» работают, отметил про себя Сергей. Он как был, с вещмешком, с «Вальтером» за пазухой стеганки, шел к хутору. На телеге рядом с ним ехала баба. Упираясь вилами в спину, шел за ним Петро. Гитлеровский прихвостень...

На площади перед сельской управой они остановились. Навстречу шли двое: человек в красноармейской, но без петлиц, шинели и дядька в бараньей дохе. На плече у «красноар-

мейца» Сергей заметил русскую трехлинейную винтовку. На рукаве была белая повязка с черной надписью *Im Dienste der Sicherheitsolize*. «Ты кого ведешь, Петро? – спросил обладатель повязки. – Никак москаля поймал?» «Кого ж еще, Архим! – обрадованно обратился к нему обладатель вил. – До новой власти веду. До тебя, Архимушка. С новой властью надобно полюбовно. Как она нас, так и мы...» «Хочешь добрый совет, Петро? – человек с повязкой остановился. – Пусть идет, куда шел. Отпусти его». Подойдя к Сергею, он испустил клуб морозного воздуха. Вислые усы скрывали нервную усмешку. «Ступай на восток, – рука Архима ткнула свинцово-серый небосклон со снежными тучами. – Здесь тебя не ждут, человече. Здесь ты враг». Ошалевший Петро опустил вилы. Велел своей бабе ехать домой. «Энто як же ты, соседushка...» – начал было «майданить», но тут же смолк. Сергей поправил за спиной вещмешок. «Что ж, спасибо, землячок, – молвил он. – Отсюда я пойду, не сомневайтесь. Ждите в своих краях Красную армию. Завяз немец под Москвой. Уши да носы себе отморозил. Так что ждите. Ожидайте, други сердечные...» Бодро зашагал по скрипучему снегу. В спину себе услышал: «Эх, шамальнул бы энту падлу, Архим. Германец с нас может спросить: почему, мол, попустили? Со вчерашнего, как был у нас герр гауптвахмайстер, шугают энтих тварей, что машину на большаке поганили. Может вин из энтих будет, соседushка?» «Да нет, – отвечивал Архим тому, что был в бараньей дохе. – У этого глаз добрый. Христианский. Не замутиленный комиссарами. Ихним зельем сатанинским. Пускай идет».

До сумерек ему предстояло одолеть большое расстояние. Дойти до хутора Красный Устюг. Найти там Порфирия Корнеевича Иванова. Передать ему «весточку от Синцова». Куратор (от 1-го отдела) диверсионно-разведывательных курсов 4-ого управления НКВД майор Грибов, по поручению отца, специально готовил его. В памяти Сергея тот час же возник добросовестный, дельный образ Максима Сергеевича. Многих курсантов-слушателей он привлекал в качестве осведомителей. Они информировали добросовестного, кругленького майора (по прозвищу «Колобок») о «нежелательных настроениях» своих товарищей. Сергея, скорее всего, против воли отца, также попытался привлечь к подобному сотрудничеству. С одной стороны, с фактами не поспоришь... Это объяснялось суровой необходимостью военного времени. Жизнь режимного объекта, каковым являлось помещение разведывательно-диверсионных курсов, должна была «просматриваться» вдоль и поперек. «Немцы, молодой человек, всюду хотят иметь своих агентов, – говаривал ему Грибов, прищуривая хитрые, маслянисто блестящие глазки. – Особенно, в составе наших курсантов, которым предстоит выполнять весьма секретную работу на территориях, временно оккупированных врагом. Если что-нибудь почувствуете, услышите или заметите в поведении своих товарищей, прошу вас незамедлительно информировать меня. Одним словом, все нежелательные умонастроения должны мне быть известны. До того, как они проявятся в оперативной, боевой обстановке. Не мне вам, надеюсь, объяснять, чем грозит „нескладуха“ в боевых условиях. Скрытый враг начинается с элементарной подлости и трусости. Со спрятанного от товарищей куска сала или мыла. С панического стишка или похабного анекдотика, направленного против деятелей Советского государства и лично – товарища Сталина. Надеюсь на вашу бдительность...»

Сергей поблагодарил куратора «за доверие», но отказался от сотрудничества. Отцу он ничего не сказал. Но, вспоминая омерзительное поведение старшего группы Скворцова, испытывал некоторое сожаление. Его согласие (то бишь, товарища Скворцова) на сотрудничество с Грибовым «в области доведения до сведения возможных умонастроений», скорее всего, покоилось в железном, крепко сбитом сейфе майора. В числе некоторых других. Лишь бы Настиного листа там не было, в ужасе подумал он. Ей-то туда зачем... Ей там совсем незачем...

На мгновение в его памяти всплыл образ красавицы-Ирины. Она, наверняка, знала толк в любви. Была искусная актриса. Одного в ней не было: беззаветной преданности. Довезла его на своей телеге до Смоленска. «Ну что, голубок, зайдем ко мне? – ее синие глаза показали ему в сторону каменного двухэтажного дома, обнесенного колючей проволокой. Перед оплетенными колючкой воротами стояли два германских мотоцикла с пулеметами. Прохаживались германцы в маскировочных куртках поверх свинцово-серой формы, на касках которых были заметны белые щитки с черными молниями. – Никак боишься, друг сердечный? Здесь тетка моя живет. Аграфена Петровна Ярцева. Если что, „звони“ сюда. Эти мальчишки, небось, тебе дорогу подскажут. А теперь прощай, мой пугливый. Но-о-о, Стрелочка...» «И вам того же, девушка, – поскромничал Сергей, вытирая под носом „мысленную“ соплю. – Тетке, если что, привет передавайте. От меня, заочно...» Кто она была на самом деле, он так и не узнал. Когда подвода с «девушкой» отъехала на достаточное расстояние, подошел к германским часовым у колючей проволоки. Видя приближающегося русского парня, один из них положил на руку карабин с плоским ножевым штыком. Узнав, что этого русского интересует местонахождение штандартенфюрера SS Вильнера, он неуволимо потеплел. Вложив в губы жестяной свисток, издал короткую трель. Через несколько минут Сергея везли в закрытом легковом вездеходе «Кюбель». Окна этой коробчатой, из гофрированного металла, автомашины были задернуты светонепроницаемыми шторами. Возле шофера и с обеих сторон от Сергея сидели германские офицеры в свинцово-серой, мрачной форме. С черепом и костью на высоких фуражках. На серебристо-черных шевронах, что были на обшлагах, он рассмотрел серебряные буквы SD. Это были не простые эсэсовцы, но представители главного имперского управления безопасности (RSHA) третьего рейха. Службы безопасности. Вот какая ему была оказана «честь»...

– ...Как давно вы в Шмоленгс? – спросил его эсэсовец, в черных петлицах которого было три серебристых «кубика» и серебристая «полоска». Он видел подле водителя и повернул в пол оборота голову. У него было приятное лицо с белесыми бровями и прищуренные, стальносеребые глаза. – Как смогли пройти в город?

– Не так давно, герр офицер, – Сергей изобразил неуверенность. Поскреб пальцем нос. – У меня в здешних местах имеется родственница. Аграфена Петровна Рябцева. Может, вы слышали о ней, герр офицер? В вашем доме живет...

Германцы тут же «прошили» его своим внутренним зрением. Почти физически Сергей почувствовал, как ему забираются в мозг. «Потрошат» содержимое черепной коробки. Но это ему было нипочем. Главное в подобной ситуации было играть по легенде. Этому его учил отец. (Впоследствии, эту науку «закрепили» на разведовательно-диверсионных курсах НКВД, а также дополнительных занятиях майора Грибова.) Впрочем, по легенде штандартенфюрер SD Вильнер не представлялся ему столь обаятельным, если бы не одно «но»...

– Никогда не думал, что «жакет Эльзы» интересует наших врагов, – сказал ему в тесной комнате с голыми кирпичными стенами невысокий плотный офицер в камуфляжной куртке. У него на черном отложенном воротнике были серебристые молнии и череп с пустыми глазницами. По обе стороны от Сергея встали германские офицеры, что сидели по обе стороны в автомашине. Тот, что задал ему вопрос, положил свою фуражку на стол. Встал, скрестив руки на груди, с правой стороны стола. – Предположим, что я впервые слышу о нем. Вас устроит подобный ответ, молодой человек? Или нам применить силу, чтобы вынуть из вас наружу все? Отвечайте! Кто вас заслал в оперативные тылы германской армии? С какой целью?

– Я не знаю, о чем идет речь, – путаясь (по легенде), заговорил Сергей, покрываясь красными пятнами от мнимого смущения. – Герр офицер, тут какая-то ошибка. Моя родственница, Аграфена Петровна Рябцева, живет в этом городе. Там, где...

Ему не дали договорить. Стоявший слева от него эсэсовец с мощной, квадратной челюстью едва уловимым, отработанным движением «подсек» его ногу ударом сапога. Второй, что был под стать первому, нанес стремительный удар в изгиб шеи. Подкошенный в двух местах парень, сам собой рухнул на каменный пол. В глазах запрыгали красно-оранжевые, веселые круги. Только спокойно, уговаривал он сам себя. Ничего страшного не произошло. Это проверка. Чертов контроль, о котором еще с детства предупреждал отец. Побьют... Ничего, это они от незнания. Они не понимают Россию. Боятся нас. Ведь незнание идет рука об руку со страхом, герр Вильнер. Если только...

– Если бы знал, какой прием мне окажут, ни за что бы, ни пошел, – сказал он свистящим шепотом, оставаясь в лежачем положении. Боли, как ни странно не было. Только звенящая пустота в теле. – К вам на прием, господа хорошие. А вас, дражайший герр-хер Вильнер, я особенно благодарю за оказанный прием. Ох, как благодарствую... Обломам своим, истинным арийцам, скажите: пусть почки отбивают аккуратнее. Мне еще на ту сторону топать...

Германцы усмехнулись. Тот, что был за столом и представился Вильнером. И тот, что стоял со скрещенными руками. Так и не изменив своей арийской, нордической позы. Отец показывал Сергею фотокарточку Вильнера. Но разве можно доверять этой «картинке»...

– Вставайте, – это произнес эсэсовец, что подсек его ударом сапога. – Вам помочь?

– Нет уж, я сам, – крихтя, Сергей поднялся. Нога, которую подсекли, тут же согнулась в колене. Он едва не упал, если бы оба германца не подхватили его.

– Думаю, что урок пошел вам на пользу, – сидящий за дощатым столом Вильнер встал. Подошел к нему вплотную. – Думаю, что вам есть, о чем подумать. Отведите молодого человека в сортировочную, – сказал он двум офицерам SS, что завели его руки за спину. – В отдельные апартаменты...

Сергея проволокли вверх по железной, витой лестнице. (В здание эсэсгруппе SS его завели с черного входа, который был окружен высокой кирпичной оградой.) Он понемногу двигал ногами, чтобы не выдавать своих истинных сил. Свою волю он тренировал давно. Занятия (самостоятельные и специальные) не прошли даром. Силы оставались при нем. В узких коридорах им попадались люди, стоявшие лицом к стене. Кто-то стоял на коленях с положенными на затылок руками. Их сторожили эсэсманы в пилотках с эмблемой черепа и кости, а также камуфляжных куртках с распушенными на груди тесемками, с кинжалами и гофрированными коробками от противогазов. У одного из них был германский МР-38 (Machine Pestole). У другого через плечо висел на ремне советский ППД, а на боку – брезентовая сумка с патронными дисковыми магазинами. Они не оскорбляли и не били задержанных, обмениваясь между собой короткими замечаниями. «Еще один поганый большевик, Шульце! – тактично сказал один из них, проводив Сергея безразлично-спокойным взглядом. – Он больше не причинит рейху вреда...» Германцы в мышисто-серых и черных мундирах, где были неизменные эмблемы молний и адамовой головы, проводили кого-то в автоматических наручниках, с выведенными вперед руками. Из кабинетов, мимо которых они следовали (двери были обтянуты «советским» дерматином), доносились голоса. Стрекотали пишущие машинки. Один раз до слуха Сергея

донесся женский смех. Нос уловил аромат тонких, вероятно французских духов. «...Пан офицер, я ж не могу вам ответить за то, чего не знаю. Большевики, они всех за антисоветскую деятельность привлекали. Вот и справочка у меня на руках об освобождении имеется. Я вам ее покажу, не сомневайтесь...» «Как вы есть оказаться на территории Шмоленгс? Признавайтесь!» «Не в чем мне признаваться, пан хороший. Ой, вы так не машите рукой. Бить собираетесь? Ну, бейте, Господь с вами. Меня в „Облпотребсоюзе“ знает. Директор, Артем Сергеевич Дмитриев». «Он есть коммунист? Отвечайт?» «А как же, пан офицер. У нас все были коммунисты. Все, кто хоть что-нибудь занимал. Один я в партию не поступал. Хоть и звали...» «Я есть не пан! Меня зовут герр Гилле. Ваш ответ будет зафиксирован в наш документ. Это есть протокол наш бесед. Читать и подписать. Мы вас вызвать, когда будет необходимо. Для вас есть честь оказать нам помощь. Великая Германия...»

Сергея поместили в просторную комнату с высоким лепным потолком. С выкрашенным в светло-коричневые тона дощатым полом. Окно было заколочено досками. Лишь наверху оставался просвет. Никакой мебели (кроме подоконника) здесь не было. Со двора доносился рокот большегрузных и легковых моторов. Командным голосом какой-то германец приказывал выгрузить арестованных. Построить их в две шеренги. Раздался одиночный выстрел... Дверь в «апартаменты» отворилась. К удивлению Сергея к нему зашла молодая девушка. В сером платье, с белым бантом. Процокав каблучками, она подошла к нему. Села на корточки, обхватив круглые колени. Батюшки, подумал Сергей. Вот сдурели...

– Что, больно? – девушка посмотрела на него серыми, невинными глазками.

– Приятного мало, – согласился с этой особой Сергей. – Тебя как зовут, красота ненаглядная? Амалия или Барбара?

– Чего дразнишься? – девушка капризно выпятила нижнюю губку. – Никакая я тебе не Амалия. И ни Барбара. Верой меня зовут. Больно, спрашиваю?

– Что, дура что ли? – Сергей нарочито громко произнес обидное слово. Повертел пальцем вокруг головы. – По-русски не понимаешь?

– Хам, – сказала та, что представилась Верой. – Еще обзывается. Главное, успокоить тебя пришла, а он... Вот и сиди здесь. В гордом одиночестве, – она сделала порывистое движение, словно порываясь уйти. – Может, чего хочешь? – она расстегнула пуговку на белом, кружевном воротничке. – Ты главное не стесняйся, дружок.

– От хамки слышу, – Сергей внутренне засмеялся, представляя, кому такая идея могла прийти в голову. – Ты б еще голая сюда заявилась. Как нимфа.

– Ага, – усмехнулась Вера. Пуговку она все-таки застегнула, с видимым неудовольствием. – Чего захотел... Мало не покажется? – изменившись в лице, страшным шепотом она спросила. – Я не простая девочка. Я от наших. Оставлены здесь для подпольной работы... Если что надо, я передам. Говори...

– Ну, не дура ты, Вера, – Сергей захохотал уже откровенно. – Какие такие свои? Не понимаю. От родственников, что ли? Шла бы ты, Верунь, отсель. Надоела ты мне.

Девушка не успела открыть рот. Дверь распахнулась. Сквозь проем вышла высокая женщина в черном кителе. Она сказала резко: «Комм!» Вера, медленно встала. Оправив на коленях платье, она вышла. Ну, и скатертью дорога, подумал Сергей. Он ясно услышал в соседней комнате приглушенный мужской смех. Кто-то хлопнул в ладоши. Будто аплодировал. Неужто ему, Сергею? Странные у этих господ методы. Истинные арийцы еще называются. Девоч каких-то приبلудных подсылают. На дурачков их методы рассчитаны.

В следующий момент он услышал легкое шипение. Запах цветочной поляны... Отец предупреждал, что германцы активно используют нервно-паралитический газ. Так и есть, зарин... Маленький баллончик с пульверизатором. Запросто могли приставить к двери. Пустить в закрытое помещение малую дозу... Голова начала кружиться. Сергей ощутил легкое поташивание. «Открыть окна! – сказал мужской голос по-германски. – Ему необходим свежий воздух». Снаружи затопали тяжелые сапоги. Вошли двое германцев в противогазовых масках. Один из них, в черном комбинезоне с красной нарукавной повязкой со свастикой, нес в руке табурет. Поставил его перед окном. Взобрался на подоконник. Распахнул неприметную форточку. «Тут все не устроено, Гилле, – сказал он второму сквозь фильтр маски. – Необходимо установить двойные стекла с жилами. И механический вентилятор». «Думаю, так и будет, – у Гилле, что был в свинцово-серой полевой форме SS, была резиновая палка на запястье левой руки. – Нам надо пустить корни в этой глуши. Пусть почувствуют нашу силу».

...Стемнело. В комнату неслышно зашел человек, осветивший темноту карманным фонариком. Луч желтого света выхватил лежавшего на голом полу Сергея. Закрыв лицо рукой, он (сквозь пальцы) увидел перед собой раскрытый на груди френч, с серебряными дубовыми листьями на черных петлицах. На безымянном пальце был массивный перстень с мертвой головой. Лица Сергей не видел. Но он (внутренним зрением) учуял, что перед ним – тот же человек, что сидел в камуфляжной куртке за столом. Он лишь «сменил кожу».

– Внимательно вас слушаю, – произнес знакомый голос. – Что вы хотели мне сказать про «жакет Эльзы»?

Сергей вспомнил, как намеренно исказил форму пароля. Он понял, что Вильнер не может говорить с ним наедине. Поэтому, решил с ним поиграть. «Я по поводу жакета Эльзы, – сказал он. – Вы оставили его в прачечной?» Теперь, как ему показалось, ничто не мешало этому важному контакту.

– Юкас, вы брали жакет Эльзы? – Сергей прошептал эти слова как молитву.

– Нет, вы ошиблись, – Вильнер чуть отвел луч фонаря. – Жакет Эльзы я оставил в прачечной...

Сергей взглядом показал ему на каблук правого ботинка. Затем снял обувь. Поставил ее к стене. Вильнер кивнул. «Идите за мной,» – шепнул он. Цепляясь руками за стену, Сергей двинулся за Вильнером. Они вошли в соседнюю комнату, где были глубокие кожаные кресла и дубовый стол. На стенах были обои в розовый цветочек. Окна были задернуты синими бумажными шторами. Сергей сразу же увидел на гладкой поверхности стола одинокий спичечный коробок с изображением орла и свастики в веночке. Вильнер легонько стукнул пальцем. Налил в вывинчивающийся стакан из плоской стальной фляги какую-то ароматическую жидкость. «Выпейте, это вас подкрепит, – он стоял лицом к стене. – Залпом...» Сергей выпил, зажмурив глаза. Ничего, оказалось даже приятно...

– Я сейчас вызову комендантский взвод, – медленно произнес Вильнер, не оборачиваясь. – Прикажу им отвезти вас за город. В наручниках. Вы будете проезжать возле противотанкового рва. Скажите, что вам нужно... Когда остановят, прыгайте вниз. Бегите.

...В том же «Кюбель» его везли через город. На улицах, вдоль развалин, было множество танков и самоходных орудий, грузовых тягачей и бронетранспортеров. Солдаты в котлообразных шлемах, в шинелях и камуфляжных накидках, толпились везде. Когда они проезжали мимо противотанкового рва, Сергей кашлянул. «Мне нужно выйти, – произнес он. – Герр офицер, я не могу терпеть. Сжальтесь...» На этот раз его сопровождал один эсэсовец. Он был облачен в камуфляжную куртку. На животе у него была кобура. Нахмурившись, он велел водителю остановиться. Вынув из кобуры «парабеллум», вышел сперва сам. Затем выпустил Сергея. Тот показал ему глазами на стальные браслеты. Мол, не могу расстегнуть себе ширинку, господин хороший. Одно мгновение германец (пожилой мужчина) смотрел ему прямо в глаза. Затем, отстегнул от оцинкованной пряжки-крючка кожаный чехол, он извлек нужный ключ. Снял наручники. Сергей благодарственно кивнул. Спустил брюки. Сел на корточки совсем близко к насыпи. Эсэсовец с минуту стоял с пистолетом на вытянутой руке. Затем тонкий вороной ствол дрогнул. Опустился. Сергей, вспомнив всех святых, оттолкнулся ногами. Сделал плавный рывок назад. Ощутил обвальную, заволакивающую пустоту, в которую стал проваливаться вниз головой. Зашуршала глина и осыпаемые камни. Наверху щелкнул выстрел. Сергей летел вниз, кувыркаясь через спину. Своего тела он не чувствовал. Затем ударился плашмя (лицом вниз) о мокрую землю. В глазах вспыхнул яркий белый свет. Губы наполнились соленым. Он встал и что есть силы побежал. Откуда только силы взялись...

* * *

...Вырвался с осколками шпал и рельс оглушающий смерч. Идущее на всех парах массивное округлое тело паровоза, наткнувшись на выгнутые штопором рельсы, сорвало с путей. На ходу, плавно переворачиваясь, работая интенсивно красными маховиками колёс, он, испуская всё ту же чёрную струю из расширенной воронки, сошёл с путей. Пойдя с наклоном по насыпи, высек фонтан искр. Грохоча, врезался в кювет, от чего тендер и близкий к нему пульмановский вагон, согнуло гармошкой. Засыпало искристо-чёрным фонтаном антрацита и угольной пыли. Со звоном разлетелись сцепы, вылетели с колёсных буферов подшпипники. Весь состав накренился, а десять из двадцати вагонов-теплушек, легли на бок. Устояли лишь задние платформы, гружённые маленькими короткоствольными панцерами, тупорылыми, зачехлёнными грузовиками да пушками на стальных, фигурных колёсах.

Сразу же, повинуясь команде Варенцова «пли!», ожили кусты у ближайших к крушению деревьев. Они изрыгнули струи огня. Затарахтел надсадно, делая паузы («тра-та-та») пулемёт «Максим» образца 1910 года. Захлопали часто трёхлинейки Мосина образца 1981/13 года с неуклюже поднимающимися во время перезарядки затворами. Зашёлкали трофейные германские карабины «Маузер» К 89, у которых затвор был хромированный и плавно входил в ложе, чешские ZB 24, венгерские образца 1913 года. Застрекотал германский пистолет-пулемёт MP 38/40. Одним словом, началось. Пошло-поехало... А из распахнутых или выбитых при ударе дверей теплушек, высаженные стёкла вагонов лезли и лезли чужие зеленовато-синие человечки. Они катались по земле, ложились и отстреливались. Некоторые бежали в противоположную сторону от насыпи, но там их перехватывала группа Ершова. Пули взметали фонтанчики грязи или каменное крошево, ударяясь в насыпь, что была кое-как облита, согласно

германским инструкциям по борьбе с «руссииш партизанен», негашеной известью. Чужие тела часто падали и корчились там в предсмертных муках.

Через пол часа всё было кончено. Выскочившие из зарослей сосняка люди, одетые кто в красноармейскую шинель, кто в деревенский армяк или ватник, кто в городское демисезонное пальто с кепкой, опоясанные патронными сумками и гранатами, с вещмешками, рассыпались стремглав по насыпи среди опрокинутых вагонов и стынущих на ветру трупов. Кое-где стонали и кричали раненые, но их безжалостно добивали. Собрав оружие и патроны, партизаны всё также стремительно, перепрыгивая через кочки и лужи, бежали обратно – в лес. Там было спасение. Там было, где укрыться от карателей и патрульной фрицевской бронеплатформы, обложенной мешками с песком, где стояла на турели длинноствольная зенитка да тупоносый приземистый танк со снятыми гусеницами. К тому же проехавший чуть ранее состава патруль на мотодрезине уже достиг Катинского полустанка. Оттуда тамошний фолькскомендант вполне мог «звякнуть» в здешний гарнизон, а то и в Смоленск. Чего не хватало, конечно.

Варенцов, что был по совместительству начальником штаба партизанского отряда «Смерть фашистским гадам!» и особого отдела, кутая шею шарфом и пряча руки в полы драпового пальто, закричал на замешкавшихся. Трое бойцов, как видно, не совладал с собой, принялись шарить по карманам убитых фрицев. Сапоги партизаны стянули со всех – трупы с босыми, восковыми ногами и размотанными обмотками лежали повсюду. Навьюченные рыжими ранцами, поясными ремнями с суконными сумками на кожаной застёжке, где хранились бутерброды, флягами с колпачками-стаканчиками, карабинами на кожаных ремнях и прочим снаряжением, они бежали к лесу, что качал на ветру поредевшими кронами. Варенцов, подлетев к одному из замешкавшихся, достал наган. Ни слова ни говоря, пнул того носком кирзача в зад. Тот (лопоухий и большеротый парень с рябинками) лишь охнул. Матерясь всё больше для форсу, подобрав за ложе винтовку, он бросил часы с фосфоресцирующей стрелкой. Бешено скатился с насыпи. Вскоре его спина, затянутая в чёрный пиджак, с подпрыгивающим до затылка рюкзаком, уже мелькала на пути к лесу. Второй, глядя на чищенный до бела шомпол и зрачок ствола, потёр заскорузлой пятернёй угол небритого рта. Прошепелявив что-то, затрусил бочком в известном направлении. Этот был уникум. В длинной поношенной шинели с не споротыми петлицами, в чёрном танкистском шлеме. Плевал далеко вперёд и, морща нос, любил прихвастнуть, как де «...мы с майором Поприщенко выходили из-под самого города Бреста, где нас тьма-тьмущая фрицев в окружение заперло». Рассказы новоявленного «ероя» распирали фантастической чушью. В дивизии, где он служил, не было ни снарядов, ни патронов. У половины бойцов – даже винтовок не было. Немецкие танки, которые их смяли и рассеяли по лесам, были все сплошь огромные и мощные, с большущими пушками. Все немцы – сплошь вооружены автоматами. На ходу, расстреливая целые обоймы, они выкашивали взводы, а то и роты. Командир и комиссар, видя такое, не мешкая застрелились. Остальные, повинувшись приказам среднего и младшего начсостава, «рассредоточились по окрестным лесам, чтобы слиться со складками местности». Варенцов уже тогда подумал: провокатор или германский шпион. Ясное дело! А то хуже, если диверсант. Велел за ним приглядывать. Но ничего – обошлось. С отряда этот горе-боец если и отлучался, то только по малой или большой надобности. Хотел было его парторг расстрелом застращать – за паникёрские слухи и тому подобное. Довёл до сведения секретаря ВЛКСМ – Ершова. Но решили применить другой метод. Ночью, разбудив, сомлевшего со сна, отвели в лес. Там, вручив лопату, сказали – «рой себе могилку, падла!» Тот, понятное дело, стал на четвереньки (то есть окарач) и стал творить позорную «молитву»: половину того, что рассказал – выдуманно. Их взвод послали разгружать товарняк на станции «Брест товарная». Там, в 3 часа 40 минут их накрыло бомбами. Было смерть как страшно, то-сё, пятое-десятое... Во общем, очухавшись после взрывов и обмочив штаны, они пустились

в бега. Со всеми вытекающими последствиями – приставали к группам отступавших с боями частей, чтобы поживиться продуктами. Со временем бросали их, принимаясь раскурочивать огороды и поля. После того, как под Белостоком нарвались в одной хате на мотоциклистов, всех его товарищей поубивало. Так и решился притулиться уже окончательно.

Помнит собака палку, с озабоченной радостью подумал Варенцов. Он вместе с Ершовым прошёлся ещё раз вдоль насыпи. Осмотрел трупы офицеров с серебристыми витыми погонами. В их папках с орлами или планшетах могли оказаться документы. Но всё было прибрано – давеча читал инструктаж перед строем. Переспрашивал: «Всё ли ясно, товарищи бойцы?» – как проводить осмотр места боя. Что искать и что забирать. Там же предупредил, на этот раз предельно жёстко: насчёт мародёрства. Что подобные выходки будут караться строго – в соответствии с законами военного времени. Все притихли (грешок водился за отдельными персоналиями, что грабили часто, втягивая в розовые проступки «молодняк»), а «ерой из Бреста» лишь нагло оскалился. Сказал на ухо лопухому и рябому что-то обидное. Той ночью «ероя» приговорили к закапыванию.

– Сыночек, что ж это делается? – из-под опрокинутого тендера, на грудах отсвёркивающих глыбин антрацита, выполз старый машинист. Он яростно скрёб лицо и шею, покрытые угольной пылью. – Как же это? Живых людей...

– Да так, папаша, – Варенцова передёрнуло. Слеплённый углём старик с перекрещёнными молоточками на тужурке, был одинаково жалок и противен ему. Жалости почти не вызывал. – Идёт война народная. Слышал про такую? А ты – под колесо попал. Фрицам пошёл служить.

Он сунул в потёртую кобуру наган. Решительно зашагал по насыпи. Старик, испуская жалобные вопли, шаря рукой с растопыренными пальцами вперёд себя, как слепой или лунатичный, сполз с насыпи. Встал на четвереньки. Принялся, зачёрпывая воду с грязью, обмазывать ею лицо. Оно было иссиня-чёрным, как будто неживым. Рядом лежал мёртвый немец, которому затылок расплющило о рельс. Из лопнувшего черепа с красно-белой слюдой вытекшего мозга, натекло много крови. Старик поневоле стал зачёрпывать и её. Ни дать, ни взять, подумал Варенцов. Оба попали под паровоз Истории. Не прошли контроль. А мы прошли. И идём верным путём Ленина-Сталина. Хоть и война для нас началась безрадостно, но не стоит отчаиваться. Поражения лишь учат, закаляют. Естественный отбор, еди его мать, конечно. Кто прошёл, а кто не прошёл.

К нему от группы прикрытия в кустарнике, что заливала в открытый кожух «максима» воду, приблизился сморщенный старичок с кнутом, в длинном брезентовом пальто. Шапка с кожаным верхом и заячьими «ушами» была сдвинута на лоб. Глаза один из которых был вставной, из стекла, смотрели, казалось, одинаково, с должным почтением. Это был один из тех селян, что гитлеровский комендант велел расставить для «страховки» вдоль насыпи – по каждому километру. Своих солдат да и полицаев у него не хватало. Зато приказ был прост как рельс: за пущенный под откос эшелон – р а с с т р е л.

– Ну что, Матвей Филиппович, – обратился к нему Варенцов, – выполнил задание на славу. Теперь можешь тикать с нами. Хорошо, что немец тебя на этот километр выбрал. Детки на фронт ушли. Старуха померла. Скотину ты нам отдал. Или нет? Напомни?

– Коровку-то да, – начал старик, вытирая подслепые глазки. – Коровку-то, бурёночку – Машку мою! Манюньку то есть... А свинок-то пришлось в первый день, когда энти гады до нас

заявились, на мясо заколоть. Чем и жил всё это время. Да ваших связных из лесу прикармливал ищю. Вот...

Партизаны, что укладывали на спину пулемётный ствол да станок, оживились. Дед давно был у них в чести за шутки и прибаутки.

– Ну, отец, ты даёшь! Коровка у тебя и впрямь нашенская. Конспиративная! Сколько имён ей надавал. И Машка, и Манюнька.

– В суровое время живём, ребята. Поинтересуется кто, а я скажу: которая? Ту, что до войны была, или ту, что коммунисты уходя забрали? То-то! Умные какие...

– А ну, как кто видел, что ты её тихонечко по утру в лес завёл? Тогда что?

– То, что и кажу: вышли из зарослей коммунаки треклятые. Обросшие да с оружием. Давай, говорят, дед, коровёнку-то – не то поминай, как звали! Вот то!

– А башковитый у нас Филипыч! Ему надо того – разведку отряда препоручить. Или х..., фюрера ихнего, отравить погаными мухоморами! Товарищу Сталину об этом написать – он Матвеича выделит да продвинет!

– А что – всем отрядом и напишем! С подписями.

Слушая этот срам, Матвеич только плевался и ругался. Следы от плевков, жёлтые от самосада, тут же по привычке притоптывал в пушистый, ноздреватый мох. В этих местах он был зеленовато-серый, под цвет иных фрицевских мундиров. Так он, видимо, хотел отвести душу. Ведь должна была запылать его родная хата за связь с «русиш бандит».

...Крыжов сидел в партизанской землянке и медленными глотками пил чай, заваренный на можжевелевом лапнике. Это было необыкновенно вкусно и питательно, хоть и непривычно саднило во рту. Правда настоящий чай, запасённый на партизанской базе в здешнем тайнике ещё до начала войны, экономили. Пили лишь по большим праздникам. Он был как деликатес «первой категории», в которую входили спирт, сало, мука. Первые два деликатеса находили себе разностороннее применение. Скажем, спирт использовался как в медицинских целях, для чистки деталей радиостанции, так и для «сугреву». Им можно было обтирать обморозившихся. Сало помимо продовольственных запросов отвечало и другим: им смазывались затворы и прочие железные части оружия, включая гранаты, патроны, взрыватели для мин. В отличие от них мука употреблялась лишь в качестве продукта питания. Но и этого было вполне достаточно. Её приходилось содержать в постоянной сухости, насколько это было возможно в промозглом осеннем лесу. Раз в неделю муку просушивали на огне, дабы в ней не завелась разновидность флоры и фауны, что не употребима в пищу с хлебобулочными изделиями.

Павел Алексеевич сутки как сошёл с большака в лес. Он шёл зорко, прослеживая возможность слежки. Но с города за ним никто не увязался. Похоже, ему наконец-то поверили. В частности этот немец из SD, что – хитрый, гад! – представился Максимом Эдуардовичем. Анализируя происшедшее за истекшие сутки, Крыжов пришёл к выводу: облава на рынке была заранее продумана. Автор этого сценария или оперативной комбинации не иначе, как сам штандартенфюрер. Это говорит о том, что у немцев либо в отряде, ибо в подполье кто-то есть. Говоря профессиональным языком, в наших рядах засел «крот». То бишь офицер глубокого прикры-

тия с той стороны, либо просто их агент-сотрудник. Он, тщательно конспирируя свои действия, сливает информацию о визитах и связных. Трогать нас пока в прямом смысле бояться – это может нас насторожить. Тогда мы попросту свернём нашу агентурную сеть, и плакали их «кубики» и «листки». Таким образом, они отслеживают нашу АС. Устанавливают персоналии агентов, их явки и, самое главное, методы закладки, сами тайники и методы о п о в е щ е н и я. Сигналы тревоги в виде горшков с цветами на окнах, задёрнутых или открытых занавесок. И тому подобное, без чего ни один мало-мальски толково залегендированный «ящик» не может функционировать. Долго и плодотворно.

Допив чай из большой эмалированной кружки, он совершил вдох и выдох. Отпустив дыхание, почувствовал, как по уставшим членам разливается живительная волна. Затёкшие сосуды головного мозга возобновляли свою деятельность, оживляя весь смертельно уставший организм. Усталость лишь кратковременная смерть.

У входа в землянку, чьи земляные ступеньки были устланы дёрном и еловыми ветками, притаился часовой. По инструкции, после пароля, Крыжова приводили в партизанский лагерь незамеченным. Он не имел права выходить наружу и «светиться» пред другими. Это были тоже обязательные правила конспирации. А бойцов, что видели его, тут же брал на специальный учёт начальник особого отдела. Их тщательно проверяли на предмет болтливости и возможной утечки информации, поставляли на этот счёт липовые данные. Если они «уходили на сторону», то есть становились известны посторонним или доверенным лицам особиста, с трепачами могли поступить сурово. В соответствии с законами военного времени их могли расстрелять.

Крыжов вспомнил, как вытянулись лица у командира отряда, комиссара и прежнего начальника ОО «Смерть фашистским гадам!». Произошло это после того, как те слышали от него рассказ о своей вербовке V-mann в SD. Хотя ситуация и была безвыходной, мнения круто разделились. Так, командир отряда Варенцов был не на шутку встревожен «художественной самодеятельностью». «...Ты что, сбрендил? – едва не задыхаясь от волнения, начал он. – Не понимаешь, что жить теперь будешь как в капкане? А то, что этот гитлеровец с тебя семь шкур драть будет, пока ты ему всё подполье не сдашь? А „Радугу“ зачем ему засветил? Не мог промолчать?..» «Да, не мог! Они и так близко к ней подступились. Если за мной гулял „хвост“, врать было бесполезно и даже опасно. Лишний повод усомниться для них в моей искренности. А так я для них – дурень дурнем, но хитрый. Приспособляющийся к новым условиям. Идеальный материал для агентурно-вербовочной деятельности. А для нас – идеальный канал поступления информации об их мероприятиях».

Шустов, начальник штаба и комиссар, был настроен более оптимистически. Небольшого роста, коренастый, с закрученными усами, он напоминал Чапаева из одноимённого фильма. Сходство усугублялось тем, что Шустов носил папаху-кубанку, перекрещённую золотом по малиновому верху. Ну и что, как «жить в капкане»? Если партия потребует, ни то сделаем! В конце концов, операция глубокого прикрытия или внедрения и предназначена для такого лицедейства. Если «Максим Эдуардович» поверил Крыжову-«Быстрому», значит это надо использовать по полному. Со временем, когда обретём устойчивую связь с Центром (отсырели батареи, село зарядное устройство), там могут дать добро на вербовку этого гитлеровца. А пока остороженько толкать ему продуманную дезу. О тех отрядах, что в отличие от нашего и других, что подчиняются штабу партизанского движения, 4-му управлению НКВД или Разведупру РККА, вместо борьбы за святое дело занимаются чёрт знает чем. Включая грабежи мирного населения, мародёрство и... нападения на другие партизанские отряды. Понацеплял

на себя всяк кумачовые ленточки да красны звёздочки. Сшас, герои выискались! Из-за таких с позволения сказать героев с буквы «Ё» о партизанах ходит дурная слава. А гитлеровцам оно на руку. Мол, мы вас пришли спасать от большевистских комиссаров, которые вас натравливают на освободителей! Поэтому, не лишним будет выдавать эти отряды настоящих бандитов за партизанские, подчинённые Центру. И наоборот. Пусть гитлеровцы погоняются за мнимыми врагами.

Партизанская база была оборудована неплохо. Шестнадцать землянок в три наката, с деревянными трехъярусными нарами, вентиляционными отверстиями, печками-буржуйками со скрытым дымоходом – так, что дым стелился по земле. В двух были надёжно укрыты запасы: мешки с мукой и крупами, ящики с консервами, колотый сахар, зашитый в брезент. Тут же складировались медикаменты, тёплые вещи, маскировочные халаты (летне-осенние и зимние), обувь и прочее снаряжение. В отдельной землянке был небольшой склад оружия и боеприпасов. Чего там только не было! Французские карабины «Гра», английские винтовки «Ли-Энфилд», чешские ручные пулемёты «Брно»... Оружие и боеприпасы приходилось собирать, что называется, «с бору по сосёнке». Известное дело: до 40-го года мысль не шла в голову, что придётся воевать с врагом на своей земле! Большинство советских граждан было загипнотизировано мощью Красной армии: шеренги лёгких, средних и тяжёлых многобашенных танков, ряды пристёгнутых к тягачам пушек, колонны красноармейцев в глубоких с гребешками шлемах, с выставленными вперёд штыками обычных и самозарядных винтовок! Плывущие над куполами Василия Блаженного армады тяжёлых бомбардировщиков и тупоносых краснозвездных истребителей. И восхищённые глаза иностранцев! Ещё бы...

Крыжов сосредоточенно колол кусок сахара на более мелкие, используя германский штык-нож, когда в землянку спустился Варенцов. Вместе с ним отправился на встречу со связным-резидентом комиссар отряда Шустов. Но по приказу командира он остался за порогом.

– Кушаешь? Ну кушай. Набирайся сил, друг ты наш ситный, – успокоено махнул рукой Варенцов. Он спустился на земляной пол, крытый лапником. С минуту постоял, как бы прислушиваясь к неслышному голосу. Затем вновь оживлённо заговорил: – Ты мне вот что скажи: этот, как его... Максим Эдуардович, он тебе не показался странным?

– То есть? – удивился Крыжов. – В каком смысле?

Он уже расколол сахар на маленькие дольки. Бросил их в эмалированную кружку. Принялся размешивать в чае.

– Как в каком! Ты же сам рассказывал: придрался к мелочи, что ты проживаешь не в городе. В отличие от другого немца из криппо не обязывал тебя зарегистрироваться на бирже. Так? Напротив: стал тебя сразу же вербовать в секретные сотрудники, – усмехнулся командир отряда. – Странно... Ставлю себя на его место: стал бы я так действовать? Зачем мне расстилаться перед незнакомым человеком? А может он дурку валяет? А не дурак вовсе? А?..

– Б!.. – употребив его же приём, ответил Крыжов. Варенцов был для него начальник по форме, а не по сути. В органах госбезопасности он не служил, но работал в аппарате ВЛКСМ. – Извините за дерзость товарищ начальник. Но... Я также ставил себя на место этого Максима Эдуардовича. Чужая страна, чужой народ. Не просто чужой – враждебный ему и фашистской идее! Так? (Варенцов неуверенно тряхнул затылком. Его глаза с тенью усталости заметно поблёкли.) Так вот: на без рыба, как говорится... У них, несомненно, всюду

расставлена агентура с довоенных времён. (Лицо командира заметно оживилось.) Можете быть уверенны: с десятков «законсервированных» агентов по области найдутся! Но они представляют ценность, пока скрыты. Надо, чтобы они помогли обрасти свежей агентурной сетью. Так как здесь это дело буксует по понятным причинам, и SD, и Abwehr, и GFP цепляются к таким типам, как я. К дуракам! Тем паче, что по легенде я пользовался доверием покойного парторга типографии.

– Ну и что? — начал играть в дурака сам командир.

– Что ну и что? — парировал ему Крыжов.

Он прицелился было к чаю. Хотел предложить почаёвничать Варенцову.

– Да нет, как-то странно получается... — продолжал тянуть резину Варенцов. Он потёр узкий лоб. — Взять да и вербануть такого человека... Человечишку, я бы так сказал! Он что дурак, этот Максим Эдуардович?

– Если и дурак, то таковым он мне не показался, — Крыжов начал понимать, что попал под контроль. Его фильтровали на случай провала или просто по факту дежурной проверки. — Дурак не стал бы со мной возиться. Он бы просто припугнул. Или выложил на стол все карты. Мол хочу того-то и того-то. Выполни такое-то задание — получишь банку варенья и корзину печенья! Видимо, этот немец строит на мне расчёт, маскируясь под дурака. Иными словами, он заинтересован и дальше развить эту легенду.

– Зачем? — проникающе спросил «инквизитор».

– Да затем, что если «я — не я», то попытаюсь это использовать против него, — состроил улыбку Крыжов. Чай меж тем остывал.

– Вот оно что... Ну ладно! Кушай, поправляйся, — Варенцов, приветливо махнув рукой, вышел вон.

И вам того же, хотел было сказать Крыжов. Но неприятный ком засел у него в горле. Варенцову был не по душе либо он сам, либо его выход в сложившейся ситуации. Иными словами, начальство что-то напрягало. И это «что-то» скорее всего — согласие Крыжова, заверенное письменно, в сотрудничестве с органами СД. Мол, зачем ему это? Не продался ли в самом деле? А теперь выгораживает своё малодушие. Идея, ясное дело, высосана из пальца. Но коли высосал её начальник, то можете быть спокойны — крови она попортит достаточно. Кстати, подумал Павел Алексеевич, с чего это мне поправляться? Странно... Вроде следов от побоев нету. Били аккуратно. Бок слегка саднит. На лице — ни единого синяка. Как Бог хранил. Как-то не к месту пришлось это «поправляйся».

* * *

– ...У меня был человек оттуда, — сказал тем же вечером за чашкой кофе Вильнер. Увидев, как седые, кустистые брови «герра Тихонова» поползли вверх, он успокоено махнул рукой. — Не беспокойтесь, мой коллега. Если бы я хотел ему зла... Одним словом, как сказал прокуратор Иудеи герр Пилат, я умываю руки. Вас не интересуют подробности нашей встречи?

– О, нет, мой друг, – заметил «герр Тихонов». – Меня интересуют подробности иного рода. Хотя бы... ну, скажем: сроки открытия «зимних стрельбищ». Вдобавок к этому, сроки их закрытия.

– Вы имеете ввиду... ну, скажем, «зимний вопрос»? Вас интересует, если я верно понял, когда по нему закончатся прения в Берлине и Токио?

– Совершенно верно! Особенно меня интересует здравомыслие токийских участников дискуссии по данному вопросу. Назовем его шире – Восточный вопрос. В Европе нас, русских, принято считать частью восточного, азиатского мира. Не так ли, герр...

– Мы снова перешли на официальный стиль? – Вильнер пригубил чашечку севрского фарфора. – Что ж, я понял вашу шутку, мой коллега. Думаю, что появление вашего человека здесь и сейчас – отличная гарантия того, что события по Восточному вопросу будут складываться благополучно. На этом и порешим, как говорят у вас, в России. Я обязательно передам своим друзьям в рейхе, – Вильнер многозначительно округлил светло-голубые глаза, – что им необходимо ускорить окончание «зимних стрельб». Если они хотят живыми выбраться из той свары, которую по недоразумению заварил богемский ефрейтор, – таким образом Вильнер намекнул на фюрера. – Это персонаж из тирольской народной сказки, которую читают детям, – уточнил он, чтобы исключить кривотолки. – У меня будет одна просьба, мой коллега. Сталин был прав, когда утверждал: «Кадры решают все». Нам необходимо очищать свои ряды. Вы согласны со мной? У многих моих сотрудников – то есть аппарат SD на Востоке – нет достаточного опыта. Они не владеют даже элементарными оперативными навыками. Я предвижу большие осложнения в этой связи. От нас... как есть это по-русски, требуют план: столько-то евреев, столько-то коммунистов должно быть уничтожено или интернировано во имя интересов высшей расы. Что можно ожидать от бывших мальчишек – этих вчерашних сопляков из гитлерюгенд? – он рассмеялся, все еще пригубляя кофе. – Они думают: если нацепили форму с рунами плодородия, символами древнегерманского бога Тора, то стали первоклассными агентами. Не мне вам объяснять, милейший Лев Кириллович, как это просто и одновременно ужасно. Да, ужасно...

– Кое-кто в Кремле опасается, что некие «компатриоты» проникнутся нежностью к германским оккупационным властям, – «Лев Кириллович» пожал протянутую ему руку. – Иными словами, что наши люди, оставленные в вашем оперативном тылу, будут работать и на вас, и на нас. На две стороны, герр Вильнер. Двойной агент всегда работает на третью, невидимую сторону.

– У нас, имперской службы безопасности в России, уже есть предложения от ряда... как есть?.. – Вильнер задумчиво процокал языком и почесал себе затылок, – ...восточных коллаборационистов. Предпочитаю их называть таким образом. Надеюсь, мне не нужно уточнять, кого я имею ввиду. Так есть, мой коллега? Многие ваши партийные ляйтеры... то есть, кто оставлен здесь для подпольно-диверсионной работы, изменяют вашему руководству. Особенно из числа бывших троцкистов. По оперативным каналам VI-ого управления RSHA получена достоверная информация, – Вильнер перешел, как ему показалось в дальнейшем, на ненужный шепот, – ...ваша агентурная сеть на Украине – под колпаком у нашего ведомства... Кто-то из подпольного руководства НКВД и партии слил нам информацию. Шеф SD и полиции по Украине Пауль Радомский знает все о явках и паролях. Места расположения партизанских баз, склады оружия и продовольствия ему также известны. В его окружении, помимо националпартайгеноссе, – Вильнер Криво усмехнулся, намекая не только на бандеровцев и ОУНов-

цев, – замечены, как есть... сотрудники ОГПУ-НКВД. Именно они сохранили здание НКВД в Киеве от взрыва. В нем находится управление SD и полиции («Ost-V»). Среди них кое-кто есть из общества, как есть... «Динамо». Играет в футбол... – Вильнер на этот раз усмехнулся почти зловеще, точно Мефистофель. – Прозвучала цифра в секретном докладе, – Вильнер еще больше понизил голос, – ...у вас на Украине – три тысячи агентов... Если это так, мой коллега, то Якира и Коссиора действительно следовало расстрелять в 1937 году. Как изменников и предателей. Ведь они создавали агентурную сеть военной разведки на Украине. Ведь Якир был знаком с наш президент, маршал фон Гинденбург, и помогал наш фюрер...

– Довольно сплетничать, мой друг, – «Лев Кириллович» неслышно встал и прошелся по комнате в общежитии энзацгруппе SS, куда его определил Вильнер и доставил Фоммель. – Ну-ну, не обижайтесь на старика. Как всегда я шучу. Давайте лучше подумаем, как нам спасти женщин и детей на оккупированных восточных территориях. В том числе советских военнопленных. Да и евреев не мешало бы. Хотя они мошенники и плуты. Хотя и недолюбливаю их с самого детства...

Это случилось за неделю до того, как в окружной жандармский пункт на станции под деревенькой Катынь заявилось несколько мужиков. (Пожаловались, что живут рядом с лесом, где в 40-41-ом годах НКВД расстреливал кого-то пачками или устраивал стрельбище для своих.) Эрнест Фоммель выехал на вездеходе «Кюбель» в сопровождении группы мотоциклистов «разрабатывать большевистских агентов». Ночью кто-то бросил камень, обернутый запиской, во двор энзацгруппе. На бумаге значилось: «Господину главному германскому начальнику. Весьма срочно. Докладываю: обнаружены коммунисты в количестве двух персон. Сброшены, по моему разумению, с самолета. Сельские, то есть наши, видели у них парашюты. Разбрасывают листовки против германского командования. Призывают стрельнуть господина старосту, моего хорошего друга. Более писать не могу. Меня могут вычислить агенты НКВД. Их у вас много есть, а вы про них ничего не знаете. Если эти двое прыгнули с парашюта у вас под носом. Верный Германии житель села Покрова Богородицы, как назывались мы до богопротивной революции». Предвидя удачу, Фоммель выехал в бывший колхоз «Красный Коммунар». По пути, проезжая через лес, эскорт и «Кюбель» попали в засаду. Двое мотоциклистов SS были ранены, один унтерштурмфюрер был убит. Мало кто знал, что засада (через уполномоченного Гиммлера из РК) была заранее спланирована, что записка была ее составной частью дьявольского плана. Погибший от русской пули унтерштурмфюрер Махерик (из Судетской области) был как раз тот эсэсманн, от которого убежал «странный русский». Кто-то, таким образом, заметал следы. Вильнер догадывался, но свои выводы держал, говоря по-русски, в узде. Не давал волю даже мыслям. Знал, что значит пребывать в «атмосфере высокого напряжения» ордена SS. Он устроил торжественные похороны согласно традициям воителей Великой Валгаллы. Значительная часть энзацгруппе выстроилась в каре, переодевшись в черную униформу с белой окантовкой. Ударили в барабаны. Вильнер, в громадной черной фуражке с серебряной мертвой головой, ловил на себе взгляд Эрнеста Фоммеля. Тот сидел в «Кюбеле» бок о бок с убитым. Не он ли его пристрелил, мелькнула у штандартенфюрера страшная догадка. И кто у них на очереди, последней или предпоследней. Очередная жертва не заставит себя долго ждать в этом мире, подумал он, ощутив на черном лакированном поясе маленькую упругую кобуру с «Вальтер» (P-38). Он вспомнил, что Лев Кириллович ожидает его по завершению похорон. «...В арийских сердцах воинов Черного ордена SS не угаснет память о погибшем, славном сыне Германского рейха и преданном солдате фюрера. Смерть большевикам! Полное уничтожение недочеловеческим ублюдкам прочих неполноценных народов! Мы уничтожим подлых убийц, сразивших своей бандитской пулей нашего товарища. Прощай,

дорогой Карл. Пусть примут тебя в своих объятиях духи наших предков. Да благословит тебя Великая Валгалла! Хайль...»

А Аграфена работала и работала. И работала неплохо. С помощью её женских чар удалось заполучить «в тёмную» источник информации – в лице оберста Ригеля. Он состоял при интендантском управлении в Смоленске. Но был, что называется, под прикрытием. Справки, которые были незамедлительно наведены, показали – этот многолетний сотрудник ведомства Николаи, а затем Канариса. К слову, абверовские резиденты (как внутренней, так и наружной агентурной разведки) проявили нешуточную прыть в здешних местах. Способствовала этому разветвлённая сеть нелегальной резидентуры, что существовала в России ещё до революции, на случай войны этой империи против кайзера. Многие из них, «спящие» до поры до времени, получив условный сигнал-сообщение «Дортмунд I», немедленно активизировали свою деятельность. Кое-кто, ещё до оставления Смоленска частями Красной армии, уже шушукался с соседями по лестничной клетке, смущал народ на перронах поездов, в колоннах беженцев что немцы – культурная нация. Не чета, дескать, большевикам. Несут они для России исключительно освобождение от иудейских комиссаров и их прислужников, что надругались над вековой православной культурой, умертвили в 30-е тысячи крестьян, расстреляли или сгноили в лагерях «соль нации». В большинстве своём эти говоруны попались. Они не смогли дотерпеть. Их, видите ли, распирало при мысли... Дораспирало! С тех пор, как в результате столь эффективного к о н т р о л я - ч и с т к и, остались наиболее стойкие и приспособленные, они занялись вербовкой наружной агентуры. Именно их протезе, попадая в пухлые списки майора Винфред-Штахова, заполнили многие отделы городской управы, биржи труда, городской почты. Стали уборщицами и сторожами при комендатурах, железнодорожных станциях, получили право вести частную торговлю, открыть ресторанчики, кафе, комиссионные магазины, торгующие всяким раритетным барахлом. Но «золотой фонд» Абвера оставался в тени.

К Винфред-Штахову на помощь из «Абвершталле-I», от самого Гелена, прибыл некто Штрикфельд. В чине капитана инженерных войск. Сухой и прямой, носивший никелевые очки, он сильно смахивал на барона Вейхса. В каблуках сапог у него были скрытые колокольчики, как у представителя прусской военной аристократии. При ходьбе шагом или маршировки они издавали приятный, мелодичный звон. Но – Александр Францович Штрикфельд тоже... был выходцем из царской России. Коренным петербуржцем. Служил в старой императорской армии. В 1915 году был награждён крестом Святого Георгия 1-й степени. Командовал ротой в ходе февральских боёв 1916 года за Ригу. Этот внешне меланхоличный господин сразу принялся за дело. Он завёз из Берлина полный комплект типографского оборудования. Открыл при городской управе, в подвале, типографию. В городе тут же запестрели и запорхали листовки, буклеты, где доходчивым, а не тупым языком объяснялось по русски, что сулит «соотечественникам» освобождение от большевизма. А именно: свободу частного предпринимательства, свободу вероисповедания, возможность работать и жить в Европе. Особенно в радужных красках были составлены обращения к «чуткому русскому крестьянству». Взывая к патриотическим чувствам, капитан следующим образом обрисовал картину. Русский народ, по его мнению, надо вернуть к исконным ценностям. А именно: к крестьянскому труду. Плюс ко всему: к вере в Бога. По деревням и сёлам Смоленской области тут же принялись выносить мусор из бывших церквей и часовен, что использовались при Советах как склады сельхозпродукции. Ко всему Штрикфельд привёз с собой эксперта из «Абвершталле III» без звания. По фамилии Борман. Тот по началу, всеми принимаемый за родственника шефа рейхсканцелярии, сумел сделать много пакостей. Прежде всего ведомству Науммана и самому бригаденфюреру лично. А именно: выпустил ряд заключённых, что представляли интерес для «гехаймефилдполизай». Их тут же задействовали в агентурной работе Абвера.

Но главным делом Карла Бормана была контрпропаганда. Он был специалистом по информационной войне. С его подачи была создана газета «Вести Смоленска», что выходила с заставкой «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Он привлёк в её штат многих, кто «претерпел» от большевиков. Кроме того, коньком этого специалиста был метод «перекрёстной пропаганды». Выходили листовки, до боли напоминающие советские. «Не болтай!», «Соблюдай светомаскировку – не помогай врагу!», «Ты записался добровольцем?» Но в их контекст был вплетён новый смысл. Так, последняя призывала записываться в ряды отрядов самообороны против партизан, а также в восточные батальоны. Становиться «добровольными помощниками» (Hilliswigger). На «светомаскировке» изображалась всё та же женщина в платочке, сурово смотревшая на зажжённое окно. Но в небе барражировал советский бомбардировщик. Болтать не следовало для «жидовских комиссаров», что с характерными злобными лицами, формой ушей и носа, напряжённо всматривались в лицо женщины-славянки, что прижимала к сжатым губам палец. Эффект данного воздействия по началу оправдал себя. К тому же, в своих устных обращениях или беседах «тет-а-тет», Штрикфельд убеждал русских крестьян, что именно в вермахте их «надёжа и опора». Проходящие германские части действительно не делали ничего дурного. А въезжавшие тыловые комендатуры даже заигрывали с мужиками. Им непременно хотелось получить продовольствие для армии, а также посылки в фатерлянд. За блоки спичек, сигареты с переводными картинками, бензин или керосин этого добра можно было занять вдоволь. Это также действовало безотказно.

RSHA терпело такое нахальство недолго. Тем более, что русские в оккупированных областях очень скоро заметили разницу между обычно дружелюбными солдатами и офицерами вермахта, и чванливыми и высокомерными чиновниками NSDAP. Облачённые в полувойсковую форму, украшенные оливковыми ветвями в петлицах, с кинжалами, значками и повязками со свастикой, эти бонзы показали себя на местах «во всей красе». Заполонившие комендатуры, трудовые батальоны, команды по вызову ценностей и оборудования для ведомств Гимmlера, Розенберга и Геринга, они занялись откровенным грабежом. За малейшее проявление недовольства эти негодяи отдавали в лапы GFP и SD. Эти два по виду разных учреждения, объединённых эмблемой рунических молний, тут же невзлюбило население. А когда начались облавы да аресты с расстрелами, их вовсе возненавидели. Особенно по деревням, где, в прифронтовой полосе были открыты «наружные оделения» (Aussenshtelle). Их личный состав в значительной степени был представлен чинами полевой жандармерии, носившей нагрудные бляхи и нарукавный шеврон в виде орла в веночке. Но начальствовали над ними комиссары (!) из криминальной полиции. Облачённые в гражданские плащи и шляпы, они неизменно носили золотые партийные значки со свастикой.

Вскоре на них стали происходить нападения из лесу. «Рус-бандит» в своих листовках целенаправленно костерил именно эсэсманов, полицаев, бургомистров и старост. Эта публика в основном служила не Funk Abwehr, но SS. Именно этих господ с их прислужниками подпольщики и партизаны стремились прижать к ногтю. Вскоре тех «хиви», что исправно служили эсэсманам и нацистам, находили повешенными или застреленными. На них обнаруживались записочки с текстом «Смерть фашистским прихвостням!». Иногда патриоты совсем не стеснялись в выражениях. Ответом были неслыханные репрессии. За убитого германского солдата расстреливали или вешали до десяти русских. А то и все сто! Сжигались дотла целые деревни. Иной раз уничтожались как сами предатели, так и их семьи. Сжигались дома. Угонялся скот. Шла война народная... Подобное стало случаться и с «добровольными помощниками» ведомства Канариса. На «агитколонны» Абвера стали происходить нападения. На местах, в автодепо, нередко выходили из строя двигатели, газогенераторы и маслофильтры. Мальчишки проты-

кали шины. Для помощи в борьбе с «мальчиками Канариса» широко привлекались иные партизанские деятели, что не подчинялись штабу партизанской войны в Москве. Абвер на этот случай имел целый полк «Бранденбург 80». Многие его солдаты и офицеры знали русский язык. Они «косили» под партизан, связанных с Центра. Вступившие с ними в контакт партизаны ничего не подозревали, если у них отсутствовала радиосвязь. Но затем их либо брали в плен, либо просто уничтожали. Либо...

...«Вы устройте мне встречу с «Бородой»? – поинтересовался он при последнем контакте с почётным агентом. К тому времени, русский резидент уже взялся за Ригеля. Его интересовал главным образом бункер фюрера, что спешно, под присмотром его и Науммана, возводился в лесах. Та, подумав, ответила скорее утвердительно, чем отрицательно. «Борода» должен быть благодарен ему за полковника из Абвера. Ведь это именно он слил подполью информацию о тёмном прошлом этого субъекта. После «великой чистки» архивы РУ РККА были тоже основательно подчищены. И Тухачевский, и Ежов не были заинтересованы делиться со Сталиным своим «золотым фондом». Было изъято и агентурное дело Ригеля. Но другая его часть не только сохранилась, но была «потеряла». Вальтер Шелленберг, пользовавшийся безграничным доверием Рейнгарда Гейдриха, сумел утянуть с его помощью часть фондов военной разведки. Их стали использовать в оперативной деятельности Amt VI. Именно там при отделе R II числился Макс фон Вильнер.

...Нет, как глупо устроил Гейдрих делопроизводство и субординацию в нашем ведомстве, думал Вильнер. С высоко поднятым воротником демисезонного пальто и кожаном треухе, он напоминал местного жителя. Он шёл по извилистым улочкам старинного полуразрушенного города, так как недолюбливал встречи на ходу и на транспорте. Его более устраивали визиты на явки. И тайники. В данном случае пришлось отступить от правил. Аграфене с прошлого раза показалось (может, на сексуальной почве?), что за ней кто-то ходит. Какой-то мальчик в будёновке. Интересно... На этот раз Вильнер проследил её маршрут. Она преспокойно дошла со службы до развалин Дома Советов. Углубилась туда. Он зашёл с другой стороны. Предварительно осмотрелся: никого! Уже темнело. Наступил комендантский час. Он имел свою прелесть: Аграфена, как сотрудник горуправы, имела постоянный пропуск. Он был также у Вильнера и других оперативных офицеров энзанцгруппе. Но пользоваться ими предпочтительнее было только в крайних случаях. Патрульные обязательно запоминали остановленных в лицо. Как не меняй документ, но личность твоя скоро будет «сфотографирована».

По легенде, заготовленной для контакта, он будет капитаном вермахта Арнимом. Находится в Смоленске, в батальоне для выздоравливающих, куда направлен после излечения из Кельна. Ранен был месяц назад под Витебском в ногу. Служил в охранной дивизии. Якобы при «случке» с Аграфеной та отыскала в его портмоне листовку «Роте Фане». Само собой разумеется, доложила по начальству. «Борода», как и следовало ожидать, приказал присматривать. «Арним» всё это время ни разу не заикнулся о своих антигитлеровских настроениях. Лишь открыто заявил: «Надоела эта война, фрау! К чертям! Хочется вернуться домой, в Кельн. К семье». Чуть позже, вызванный якобы на доверительную беседу, признался: «Война на два фронта уже погубила Германию в 14-м. Погубит и теперь, если не найдутся заинтересованные в её скорейшем прекращении лица. А они есть как среди наци, так и в среде военных». При этом «Арним» должен намекнуть о своих знакомых в штабах вермахта на уровне дивизии и группы армий «А». Такое вряд ли оставит равнодушным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.